

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству.

Предисловие.

Хотя период еврейско – русских контактов длился всего двести лет – история еврейско – христианских взаимоотношений, внутри которых и в контексте которых существует еврейско – русское пространство, составляет период ровно в десять раз более длинный, целых два тысячелетия. В этих взаимоотношениях есть «классическая часть» – т. е. то, как эти отношения устанавливались в начальный период после отделения христианства от иудаизма и как они продолжались в течение многих веков, и современная часть – то, как за последнее столетие, буквально на наших глазах, меняются и ортодоксальный иудаизм, и ортодоксальное христианство. Сегодня пересматриваются и исправляются концепции, казавшиеся незыблемыми в течение тысячелетий, причем это происходит не в результате реформы или образования новых сект, а в ходе «ортодоксальной модернизации», когда новое направление развития данной религии полностью сохраняет свою ортодоксальность и при этом модернизируется.

В течение всего «классического периода» открытый диалог между христианством и иудаизмом был невозможен, т. к. цели христианства в этом «диалоге» были чисто миссионерскими: где проповедью, а где давлением вынудить евреев отказаться от иудаизма и обратиться в христианство. В такой обстановке естественной защитной реакцией иудаизма было воздвижение стены между еврейским и христианским духовными мирами.

Однако в наше время это положение вещей стало меняться. Во второй половине XX века наметились серьезные положительные сдвиги в теологической позиции христианства по отношению к иудаизму. В большинстве западных христианских деноминаций (католики и большая часть протестантов) начался процесс переосмысления иудаизма и принципиального отказа от миссионерства по отношению к евреям, – т. е. признания того, что даже с точки зрения христианства «Первый («Ветхий») Завет», т. е. исходный Завет Бога с евреями, продолжает действовать, ибо слово Бога вечно и не может «обветшать», устареть или «отмениться»; а поэтому евреи (в отличие от других народов мира) «спасаются через свой Завет с Богом и не нуждаются для этого в крещении». (Некоторые христианские теологи даже подчеркивают, что «христианское миссионерство по отношению к евреям, основанное на отрицании действительности Первого Завета, оскорбляет Бога», – см. подробнее далее.) Это наметившееся серьезное изменение позиции христианства (пока что только его части) дает возможность иудаизму также занять более открытую позицию, что вместе создает надежду на то, что стороны, впервые за много сотен лет, могут начать действительный диалог, направленный на взаимопонимание, а не на переубеждение оппонента.

Изменение позиций, как христианства, так и иудаизма, было вызвано теологическим осмыслением Катастрофы и особенно теологическим осмыслением создания Государства Израиль – этого поразительного факта возвращения евреев в свою Страну после двухтысячелетнего отсутствия. А это возвращение имеет – никак не меньшую мировую духовную и религиозную значимость, чем произошедшее две тысячи лет назад разрушение иерусалимского Храма и начало изгнания евреев из Святой Земли, исторически (и неслучайно) совпадающее с началом распространения христианства.

И если мы действительно верим в Бога и воспринимаем историю не просто как рутинную смесь интриг, экономики и политики, но как Диалог Бога с человечеством – мы должны постараться понять, что же Бог сегодня, текущим ходом истории, хочет нам сказать.

Иудаизм как универсальная религия.

1. Религия для всего человечества.

Как иудаизм, так и христианство признают святость и Божественность Еврейской Библии (ТанаХ, он же «Ветхий Завет» – первый, исходный раздел в христианской Библии) и истинность всего, что в ней сказано. Тем самым, обе эти религии признают, что еврейский народ играет особую роль в передаче человечеству Божественного Откровения.

Это Божественное Откровение предназначено всему человечеству, но передано оно было через еврейский народ. Передача Откровения началась с Авраама (ок. XX в. до н. э.), продолжилась через Моисея (при Даровании Торы на Синае, XV в. до н. э.) и затем шла через саму историю еврейского народа, запечатленную в Библии, и, прежде всего, через пророков Древнего Израиль – Давида, Соломона, Исайю, Иеремию и многих других. Передача этого откровения и является сутью иудаизма.

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org Таким образом, иудаизм с самого начала является универсальной, общечеловеческой религией, а еврейский народ – это лишь посланник, «канал» в передаче Божественного Света человечеству.

2. Основные принципы иудаизма

Концепция, изложенная в еврейском библейском Откровении, – т. е. универсальная концепция иудаизма, «этический монотеизм» – не имела даже близкого подобия ни с одной религиозной системой тех времен. Ее основными принципами были:

а) Высшая сила, создавшая весь мир и человека и продолжающая направлять мир и определять все события в нем – это не безличностный «мировой закон» идолопоклонников (типа греческого рока, индийской кармы, китайского «закона неба» и т. п.), – но это Личность, которую мы называем Бог.

б) Бог создал человека по Своему образу и подобию – потому что Бог любит человека, хочет блага человеку, заботится о развитии человека. Любой человек на земле имеет божественную душу, является «образом Бога на земле» (и в этом состоит еврейская идея «богочеловека»). Бог относится к человеку как к Своему сыну, т. е. Бог не только непостижимый Творец мироздания, но и Отец, который близок к каждому из нас.

в) Для того, чтобы дать возможность развития человеку и человечеству, Бог в Своей доброте, милости и благодати, создал весь этот мир с его трудностями, сложностями, наличием у человека свободы выбора и даже возможностью осуществления зла – в качестве вызова и задачи, решая которую, человек и человечество имеют возможность приблизиться к Богу. Все наши мысли, решения и поступки – это то, что мы говорим Богу; все, происходящее же с нами – это Его ответы. Таким образом, жизнь есть диалог между двумя личностями – между человеком и Богом.

г) Поскольку отношения Бога и человека – это отношения родителя и ребенка, то Бог хочет от человека, прежде всего, взросления, – т. е. духовного развития путем восприятия Божественного Света и достойного отношения и поведения по отношению к ближнему. Поскольку Богу принадлежит все мироздание, то мы ничего не можем дать Ему, кроме нашего собственного поведения, и ничем не можем «порадовать» Его, кроме как собственным духовным ростом.

д) Еврейскому народу поручено воспринять все эти элементы Божественного Света, и реализовать Божественное Учение в своей национальной жизни – чтобы затем все человечество смогло научиться у евреев этому Учению и воспринять его. Таким образом, еврейскому народу поручено «быть посланником Бога к человечеству». Это еврейская миссия на все времена.

(Разумеется, еврейская библейская концепция этического монотеизма содержит несравненно больше, чем изложенные здесь принципы, и это лишь ее центральные начальные моменты.)

3. Избранность для служения

Божественное Откровение было дано еврейскому народу не ради него самого, но с тем, чтобы оно затем могло стать уделом всего человечества. Пророк Исайя (42:6) формулирует это положение так: «Еврейский народ – народ Завета, светоч народов мира». Именно в этой миссии – нести человечеству Божественный свет, быть народом Завета – и заключается суть еврейской избранности.

Таким образом, еврейская избранность – это не «избранность превосходства», но «избранность служения». Она является открытой «– т. е. любой человек, который хочет присоединиться к этой избранности, может сделать это путем принятия иудаизма (после чего он тоже становится евреем), и «не эксклюзивной» – т. е. всякий человек (без того, чтобы становиться евреем), принимающий этический монотеизм и ведущий праведный образ жизни, удостоивается спасения.

Соответственно, иудаизм хочет распространения в мире этического монотеизма и признания Еврейской Библии, но он не стремится к прозелитизму.

4. Концепция и критерии Мессии

Одним из элементов, содержащихся в Божественном Откровении, была концепция прихода Машиаха, Мессии (букв. «Помазанник», в смысле «царь, помазанный пророком на царство»). Помазание елеем (специальным оливковым маслом – а оливковое масло в древности служило источником света, его зажигали, в частности, в Храмовом светильнике, Меноре) было символом того, что этот царь должен быть «светочем» еврейскому народу и всему миру. Мессиями, светившими человечеству, были, в частности, цари древнего Израиля, такие, как Давид, создатель книги Псалмов, или его сын Соломон, автор Экклезиаста и Песни Песней. Но несколько позже, параллельно с концепцией «исторического Мессии» (которым являлся или будет являться всякий праведный еврейский царь), еврейские пророки сформулировали также и концепцию «эсхатологического Мессии», который будет не только царем Израиля, но и духовным лидером всего человечества, который претворит в жизнь идею царства Бога на земле для всех людей. Именно установление реального царства Бога на Земле и называется у пророков «временем прихода Мессии», и наиболее известная формулировка критериев достижения этого времени, т. е. критериев прихода Мессии, дана у пророка Исаяи в его знаменитых словах (2:4): «И перекут мечи на орала, и копыя свои на серпы; не поднимет народ меча на народ, и не будут больше учиться воевать...», и далее (11:9): «И наполнится вся земля познанием Господа». Таким образом, пока этого не произошло и пока на земле не установлены всеобщий мир, братство и стремление к познанию Бога, – Мессия, обещанный Еврейской Библией, еще не пришел.

5. Мессия как ориентация на будущее

Концепция «ожидания прихода Мессии» – точнее, концепция продвижения человечества по направлению к приходу Мессии – имеет не только теологическое, но и огромное цивилизационное значение.

Наряду с этическим монотеизмом и идеей социальной справедливости, мессианская идея представляет собой важнейший и уникальный вклад иудаизма в духовное наследие человечества. При еврейском мессианском подходе стремление к золотому веку обращено к будущему, в то время как другие народы древности относили золотой век к прошлому. Мессианский подход установил цель, к которой должно стремиться развитие человечества, и поэтому эта концепция явилась основой для формирования той огромной тяги к прогрессу во всех областях жизни, которая столь разительно отличает цивилизацию Запада от цивилизации дальнего Востока.

Мессианская концепция, вместе с ощущением и осознанием своей национальной миссии, была также спасательным поясом, который держал еврейский народ на плаву, не позволяя утонуть в те трагические периоды истории, когда он проходил через многочисленные несчастья, лишения и катастрофы.

(Б). Иисус – один из фарисеев

6. Мессианское брожение периода Второго Храма К концу периода Второго Храма (в начале н. э.) еврейский народ находился в одном из сложных и тяжелых периодов своей истории – периоде власти языческого Рима, приведшего к разрушению Храма (70 г. н. э.) и затем к Изгнанию. Страна бурлила и в военно – политическом (многочисленные восстания), и в духовном смысле, и харизматические лидеры бросали вызов как римской власти, так и коллаборационистскому и коррумпированному еврейскому истеблишменту. В этой ситуации надежды на «мессию исторического» (= восстановление царства Израиля и нормальной независимой национальной жизни) соединялись с надеждами на «мессию эсхатологического» (= исправление всего человечества и реализация мессианских пророчеств Исаяи). Соответственно, мы находим немало случаев, когда на того или иного человека возлагались (несбывшиеся) мессианские надежды (например, «Учитель Праведности» кумранской общины в конце I в. до н. э., Бар – Кохба во II в. н. э. и другие). Именно такая обстановка сделала возможным появление христианства.

7. Иисус как харизматический проповедник

Иисус из Назарета являлся одним из ярких харизматических проповедников, который, наряду с другими лидерами и проповедниками той бурной эпохи, привлек к себе немало последователей. Личность и проповедь Иисуса

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org характеризовались ориентацией на пренебрежение мирскими ценностями, близость к простому народу, парадоксальной, яркой, избыточной притчами речью, острым переживанием близости наступления «царства небесного» и страстными призывами к покаянию. Все это сплотило вокруг него группу учеников, твердо верящих в его мессианскую роль.

8. Отступление: проблема историчности образа Иисуса в его евангельском описании

Здесь следует отметить, что к проблеме историчности образа Иисуса – не вообще существования Иисуса, но исторической истинности всех тех деталей, которые рассказывают евангелия – существует ряд различных подходов. Даже и классическое христианство, считая евангелия полностью «духовно истинными», признает при этом, что текст их записывался значительно позже, через несколько десятилетий после самих описываемых событий, и был с самого начала ориентирован на язычников, зачастую враждебных иудаизму. Текст евангелий сформировался в грекоязычной среде – при том, что Иисус и все его непосредственное окружение говорили на иврите и арамейском, – и, таким образом, все рассказы очевидцев подвергались переводу и многократной устной передаче. Такой пересказ (даже не ставя под вопрос его искренность!), особенно в условиях острых идеологических и политических конфликтов, неизбежно становился тенденциозным и, по меньшей мере, неточным. Поэтому даже большинство христианских исследователей признают, что евангелия нельзя рассматривать как объективный исторический документ и делать из них однозначные исторические выводы. (Это особенно относится к Евангелию от Иоанна, позднему и наиболее эллинизированному из всех, резко отличающемуся по описанию деталей, событий, стилю и концепции от первых трех «синоптических» [= рассматриваемых вместе] Евангелий; так что и в самом христианстве оно считается скорее мистической проповедью, чем действительно описанием реальных событий жизни Иисуса.) На противоположном полюсе взглядов находятся те, кто вообще считает евангельское описание Иисуса «собирабельным образом», к чему их подталкивают, например, параллели между образом Иисуса и образом «Праведного Учителя» кумранской общины. (Отметим в связи с этим, что те отдельные высказывания, которые есть об «Иешу ха-нацри» [Иисусе Назаретяине] в еврейских талмудических источниках, говорят о человеке, жившем никак не позднее середины II века до н. э., т. е. за 150 лет до Иисуса Евангелий, и поэтому не могут быть непосредственно к нему отнесены.)

Наш же подход в данном вопросе состоит в том, что мы вообще не пытаемся заниматься выяснением «исторической истины» (и в принципе сомневаемся, что такое выяснение возможно). Наша цель – это диалог и взаимопонимание между евреями и христианством, поэтому мы воспринимает христианские тексты такими, каковы они есть, реконструируя образ Иисуса, его окружения и учеников из синоптических Евангелий, посланий Павла и Деяний Апостолов как наиболее «историографической» части Нового Завета. При этом отметим, что мы отнюдь не придаем этой реконструкции статус «объективной исторической истины» – и, в частности, считаем нарисованные в Евангелиях образы противников Иисуса («книжников и фарисеев», «первосвященников», еврейской толпы и т. д.) карикатурно искаженными в целях полемики и поэтому весьма далекими от исторической реальности (не говоря уже о том очевидном положении, что для понимания и оценки тех или иных групп евреев нужно брать прежде всего еврейские, а не христианские тексты).. Но поскольку мы стремимся к взаимопониманию с христианством, мы принимаем, в отношении христианства, ту картину, которую оно само про себя рисует.

Сделав такую оговорку, вернемся к нашему дальнейшему рассмотрению.

9. Еврейское изучение Иисуса

Возможно, что если бы не последующий конфликт между первохристианской общиной и иудаизмом, то Иисус и те или иные его притчи и проповеди заняли бы свое место в еврейской культуре [1 – Отметим, что в талмудической литературе по отношению к некоторым христианским притчам дается характеристика как «интересным (верным) высказываниям, относящимся к учению в целом неверному»]. Однако этот конфликт, который, к тому же, разворачивался на фоне исторических катастроф: разрушения Храма, трех больших неудачных еврейских восстаний против Рима (70-го, 115-го, и 135-го годов), разрушения Страны Израиля и Изгнания, – довольно быстро привел к полному расхождению сторон. Дальнейшие, в течение очень многих веков, агрессивные попытки миссионерского давления на евреев, предпринимаемые

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org государственным христианством Римской Империи и европейских государств, также способствовали тому, чтобы евреи заняли оборонительную позицию, вообще отказываясь рассматривать Иисуса и его тексты.

Хотя еще в начале Нового времени некоторые еврейские мыслители уделяли внимание изучению личности Иисуса и его учения (указывая параллельно как на его достоинства, так и на его весьма существенные недостатки), это изучение началось в достаточно широких масштабах лишь в XIX–XX веках, вместе с эмансипацией и авто – эмансипацией, сионизмом и возвращением евреев в Страну Израиля. Вообще, в этот период происходит «переоткрытие» и введение в культурный обиход многих еврейских текстов древности, что вело к осознанию многовариантности и многослойности иудаизма в его исторической перспективе – и поэтому, в частности, отношение к Иисусу постепенно нормализуется, и появляется множество еврейских исследований его жизни и творчества. Параллельно с этим (хотя и по другим причинам), в XX веке христианство – прежде всего католики и протестанты – начало идти по пути принципиального отказа от попыток миссионерства по отношению к евреям, отказа от давления на иудаизм, и стало признавать иудаизм «спасительной религией» (т. е. признавать действительность и неотъемлемость исходного еврейского Завета с Богом). Можно предположить, что при сохранении обеих этих тенденций, а также при развитии еврейско – христианского диалога и взаимодействия, адекватное понимание Иисуса и признание важности для мира его учения займет свое место в иудаизме.

(Это, кстати, включает как еврейское признание тех или иных достоинств Иисуса, так и гораздо более широкую, чем раньше, критику недостатков личности Иисуса и его учения. Признание важности Иисуса для духовного развития человечества вовсе не означает согласия со всеми провозглашаемыми им концепциями – какие-то из них могут быть признаны весьма достойными, другие же – совсем нет. Здесь мы должны попутно отметить, что еврейская культура вообще связана с критичностью мышления, и в иудаизме в принципе нет «иммунитета от критики» ни для кого – ни для Моисея, ни для Авраама, ни, в некотором смысле, даже и для Бога (см., напр., Бытие 18:25). Таким образом, те христианские круги, которые хотели бы увеличения еврейского внимания к Иисусу, должны быть готовы конструктивно воспринимать также и увеличение еврейской критики Иисуса и его учения.)

10. Еврейское отношение к Иисусу

Когда мы говорим о желательности продвижения в признании евреями исторической важности Иисуса и его учения, то, разумеется, речь не идет о признании Иисуса Мессией или, тем более, Богом – это противоречит самым базовым еврейским библейским принципам.

Евреи, по – видимому, могли бы признать Иисуса «Просветителем народов мира» (или, если использовать более классический термин, переосмыслив его, то «Спасителем народов мира» – ведь через Иисуса народы мира пришли к еврейскому библейскому монотеизму и к Воіу, а это необходимый и даже ключевой элемент спасения). На базе этого иудаизм и христианство могут быть осознаны как несоединимые, но при этом взаимодополняющие части единого монотеистического комплекса человечества. Впрочем, здесь мы коснулись уже обсуждения возможной конечной точки нашего «две тысячи лет вместе» рассмотрения – вернемся же к его началу, к Иисусу в перспективе современного ему еврейского общества в конце периода Второго Храма.

11. Один из фарисеев «хасидейского» направления

Анализ взглядов Иисуса – таких, какими они даны нам в Евангелиях – приводит к выводу, что по своим взглядам Иисус полностью находился в рамках философско – религиозной концепции фарисеев, хотя, ввиду своей яркой харизматичности, по некоторым вопросам занимал крайние позиции внутри этого движения.

(Фарисеи – одна из трех, наряду с саддукеями и ессеями, еврейских религиозно – политических групп того времени. Саддукеи составляли храмовый и политический истеблишмент, фарисеи – народную и «интеллигентскую» оппозицию, ессеи были замкнутой элитарной группой, удалившейся на периферию в ожидании спасения. В теологическом плане фарисеи утверждали веру в загробную жизнь, воспринимали Письменную Тору как неотделимую от Устной традиции, и провозглашали наличие как Божественного Провидения, так и свободы выбора человека, и их равновесие. Все учителя Талмуда происходили

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org именно из фарисеев, и их подход явился базой для всего дальнейшего развития иудаизма. Саддукеи же отвергали загробную жизнь, Устную традицию и Божественное Провидение.)

Более точно, взгляды Иисуса соответствовали не основному направлению фарисеев, а одному из небольших внутрифарисейских течений, иногда называемых «хасидеи» [2 – Следует иметь в виду, что значение термина «хасидеи» несколько менялось с течением времени; здесь имеются в виду хасидеи I‑II вв., – такие, например, как р. Ханина бен Доса.].

Основные особенности взглядов этого течения состояли в том, что они придерживались принципа «надежды на чудо», считали, что «с праведником не случится ничего плохого, Господь его спасет». (Основное же направление фарисеев утверждало, что «на чудо можно и даже нужно надеяться, но на него нельзя полагаться».) Установка на чудо сочеталась у хасидеев с определенным аскетизмом, крайней простотой и скромностью жизни, а также с личной харизматичностью, мистическими прозрениями, умением «излечить больных и страждущих» и вообще с сотворением небольших «будничных» чудес. Все это вместе обеспечивало хасидеям статус «святых людей» и почитание окружающих.

Именно этому соответствует характер образа Иисуса, описанный в евангелиях.

12. Согласие Иисуса с учением фарисеев

О своем полном согласии с учением фарисеев (при несогласии с их поведением) Иисус однозначно заявляет сам:

«Тогда Иисус сказал: на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают» (Мф. 23:2–3).

Иными словами, Иисус критикует поведение фарисеев, но полностью согласен с их учением и с их интерпретацией заповедей Торы.

(Отсюда, кстати, следует, что те христиане, которые охульно осуждают Талмуд и «талмудический иудаизм», действуют против Иисуса: ведь Талмуд это и есть то «фарисейское учение», которое Иисус признавал истиной!)

А вот еще один отрывок из речи Иисуса, соединяющий критику поведения фарисеев с призывом к полному и пунктуальному соблюдению всех заповедей Торы:

«Итак, кто нарушит одну из заповедей сих (законы Торы) малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве небесном» (Мф. 5:19–20).

Тот факт, что взгляды Иисуса находятся в рамках фарисейской традиции, не отменяет, конечно, их специфики и расхождений по некоторым вопросам с основным направлением фарисеев – например, в вопросе провозглашения близкого наступления Царствия Небесного, в вопросе повышенных требований к уровню смирения или же в характерном для Иисуса принижении значения семьи в жизни человека. Ниже мы проанализируем некоторые из этих различий, но важно подчеркнуть, что все они касаются лишь деталей, по которым и внутри фарисеев были самые разные подходы. Поэтому эти различия в деталях второстепенны и не выводят Иисуса за рамки фарисейского иудаизма.

13. Общность главных заповедей и этических принципов

Текст Евангелий показывает совпадение взглядов Иисуса и фарисеев по вопросу о главных заповедях и основах религиозной жизни человека:

«И подойдя, ...один из книжников спросил: какая заповедь первая из всех? И Иисус ответил: «первая заповедь это «Слушай, Израиль! Господь, Бог наш есть Господь единый; и возлюби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всей душой твоей, и – всей силой твоей» (Втор. 6:5). И вторая: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Левит 19:18). Нет других заповедей больших этих». И сказал Ему книжник: хорошо, Учитель. Истинно Ты сказал, что Бог един, и нет другого, кроме Него; и любить Его всем сердцем и всем разумением, и всею крепостию, и любить ближнего как самого себя – это больше всех всесождений и жертв» (Марк 12:28–33).

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org В этом отрывке мы видим, что идеи Иисуса несколько не отличаются от того, что этот «книжник» и так думал (т. е. от того, что он почерпнул от своих фарисейских учителей). И действительно, аналогичные этому высказывания о центральном значении заповеди любви к Богу и заповеди любви к ближнему мы находим у главных учителей Талмуда, в котором заповедь любви к ближнему называется «великим принципом Торы» и основой учения иудаизма.

(Отметим, что в этой общности главных заповедей выражена общая для иудаизма и христианства центральная формула духовности – объединение любви к Богу и любви к ближнему. Более того, переводя эту формулу в «измеряемый» вид, можно сказать, что поскольку человек был создан по образу и подобию Бога – эти две заповеди являются двумя сторонами единой идеи: мы любим ближнего, потому что он «образ Бога», и наша любовь к Богу выражается в любви к ближнему. А поэтому реальную (а не только декларируемую) степень любви к Богу мы можем измерить по степени любви к человеку, к ближнему. Иными словами, уровень духовности любого общества измеряется не «количеством верующих» и степенью их экзальтации, а тем, насколько в этом обществе люди видят в каждом ближнем «образ и подобие Всевышнего» – и, соответственно, насколько уважают его мнение, его свободу, его независимость, его личные права и т. д. Сравнение стран и эпох по этому параметру позволит нам как увидеть духовный прогресс человечества в веках, так и объективно сопоставить уровень духовности в разных странах и культурах.)

Это лишь один пример того, что учение Иисуса отнюдь не было «реформой иудейской этики». Как заповедь любви к ближнему, так и практически все этические принципы Иисуса по своему содержанию ничем не выделяются среди провозглашенных иудаизмом в Еврейской Библии и в Талмуде (учитывая многогранность точек зрения среди самих учителей Талмуда), а весь эффект «этического прогресса» создается только полемическим стилем Евангелий.

Иисус был мастером создания красивых и глубоких этических высказываний, энергетический заряд которых помог христианству покорить мир, но он совсем не был «великим религиозным реформатором», как его часто любят изображать, и его этические концепции, по сравнению с иудаизмом, не содержат ничего радикально нового.

Более подробно см. об этом ниже в гл. 4; основные моменты различия еврейской и христианской этики анализируются в гл. 5 и 6.

14. Критика изнутри

В Евангелиях очень мало критики по отношению к саддукеям (ессы не упоминаются вообще) или по отношению, например, к римлянам – обе эти группы (по разным, конечно, причинам) столь далеки от Иисуса и его последователей, столь очевидна их чуждость, что их критикой просто нет смысла заниматься. Критике же фарисеев (и именно ввиду совпадения основных принципов!) уделено в Евангелиях огромное место. (В сегодняшних терминах мы определили бы «спор Иисуса с фарисеями» как «внутригрупповую конкуренцию».) Однако, если мы посмотрим, за что же именно Иисус критикует фарисеев, то, как уже отмечалось, мы увидим, что Иисус нигде не критикует само учение фарисеев, но везде – только их поведение, как не соответствующее их собственному учению (что он и обозначает термином «лицемерие»). Более того, он потому и обличает поведение фарисеев, что с их учением он согласен; но многие из них, включая часть их руководителей – в тот период! – это учение лишь провозглашали, но не реализовывали.

Таким образом, критика Иисусом фарисеев представляет собой классическую, хорошо известную в истории религии ситуацию, когда молодой харизматичный лидер выступает против, как он считает, «окаменевшего и деградировавшего» истеблишмента его собственной религии. В этом случае он не уделяет много внимания очевидному совпадению его собственных религиозных принципов с тем же истеблишментом (т. е. своему нахождению в рамках той же самой религиозно – философской доктрины), но сосредоточен на полемическом заострении критики. Столетиями позже, при переносе его слов из контекста данного «внутреннего спора» в контекст чужой культуры, это создаст обманчивое впечатление религиозного разрыва [3 – Приведем в качестве параллели пример того же типа критики из эпохи, более близкой нам (и поэтому хорошо документированной), а именно, критику хасидами – харизматическим еврейским движением на Украине в XVIII веке – современного им еврейского «раввинистического» истеблишмента. Например, такой рассказ: «Однажды Бешт [основатель хасидизма] зашел в синагогу и увидел одного еврея, который

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org сидел, погружившись в изучение Талмуда и не желая ничего видеть вокруг себя. Бешт подошел к нему и сказал: “Ты настолько углубился в Талмуд, что совсем забыл про Бога!”». Зная, что такое хасидизм и сколь внимательно он относится к изучению и соблюдению еврейской традиции, мы, конечно же, не усомнимся, что Бешт полностью признавал Талмуд и важность его изучения, и нам ясно, что он хотел лишь подчеркнуть, что чисто академическое изучение, без связи с жизнью – что было одной из проблем еврейского общества XVIII века! – является недостаточным для оживления в человеке и в народе связи с Богом. Но если эта история переместится в нееврейский понятийный контекст, то легко может сложиться ложное мнение, что Бешт, якобы, «был противником Талмуда и раввиннистического иудаизма вообще и хотел основать новую религию».] .

И здесь надо отметить, что почти точно такую же критику религиозного истеблишмента периода конца Второго Храма, в том числе критику фарисейского религиозного истеблишмента, мы находим и в самом Талмуде. Талмуд отмечает, что поведение мудрецов (фарисеев) той эпохи во многом не соответствовало Учению, и более того – что это было одной из причин катастрофы разрушения Второго Храма. Лишь после этого разрушения, на волне осознания трагедии и внутренней перестройки, движение мудрецов фарисеев смогло исправить свои недостатки – и, более того, заложить основы для выживания еврейского народа в течение долгих веков Изгнания.

Таким образом, критика Иисусом поведения фарисеев является нормальной «внутренней критикой» истеблишмента собственной религии. Лишь позднее, будучи записанной в Евангелиях и перенесенной в эллинистическую культуру христианами – неевреями, она могла ошибочно восприниматься как «критика учения иудаизма вообще».

15. Различия в деталях – оставаясь в рамках иудаизма

Иногда по тексту Евангелия может создаться впечатление о якобы принципиальных разногласиях между Иисусом и фарисеями по вопросу важности соблюдения тех или иных законов Торы: вопрос лечения в Субботу, срывания колосьев с поля в Субботу, соблюдения еврейских диетарных законов кашрута («не то оскверняет, что в уста входит, а что из уст выходит») и т. п. Однако если мы возьмем параллельные еврейские источники (Талмуд и Мидраш) и представленные там взгляды, то увидим массу высказываний, аналогичных высказываниям Иисуса (типа «Суббота для человека, а не человек для Субботы» – которое является вовсе не нововведением Иисуса, а классическим еврейским принципом). Практически все идеи и этические принципы Иисуса имеют параллели в талмудическом иудаизме. Кроме того, важно учесть, что в иудаизме той эпохи вариантность точек зрения и деталей законов была гораздо шире, чем в последующие века, так что та или иная разница в подходах была проявлением существовавших тогда разных точек зрения внутри самой фарисейской традиции, и отнюдь не говорила о «выходе за пределы взглядов фарисеев».

Таким образом, сущностного различия между Иисусом и фарисеями на самом деле нет, а «впечатление наличия разногласий» создается полемической формой Евангелий, а также примитивизацией в них фарисейской точки зрения.

То же самое касается и якобы существующего противопоставления между иудаизмом как «религией законничества» и христианством как «религией милости – благодати». Подобное противопоставление есть всего лишь обман зрения, т. к. иудаизм (также и с позиции фарисеев) базируется на соединении подхода Закона с подходом Милости и Благодати. Подробнее об этом см. ниже.

16. Национализм Иисуса и резкость его стиля

В речах Иисуса мы находим очень сильный антиистеблишментский мотив, обращение к бедным и необразованным, их поддержку[4 – Кстати, в этом он тоже весьма близок к хасидизму XVIII века.], но мы совершенно не находим у Иисуса тенденций «универсализма», в смысле выхода за рамки еврейского народа. Скорее наоборот: Евангелия рисуют нам Иисуса как довольно радикального еврейского националиста. А именно:

«И вот, женщина – ханаанеянка, выйдя из тех мест, кричала ему: “Окажи мне милость, господин, сын Давидов, [вылечи мою дочь, ибо] дочь моя жестоко беснуется. Но он не отвечал ей ни слова. И ученики его, приступив, просили его: “Сделай это ей, потому что она кричит за нами”. Он же сказал в ответ:

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org “Я послан только к погибшим овцам дома Израилева”. А она, подойдя, кланялась ему и говорила: “Господин! помоги мне!” Он же сказал ей в ответ: “Нехорошо взять хлеб у детей и бросить собакам”. Она сказала: “Так, господин! Но и собаки едят крохи, которые падают со стола господ их”. Тогда Иисус сказал ей в ответ: “О, женщина! Велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему”. И исцелилась дочь ее в тот час». (Мф. 15:22–28)

Подобное отношение – «нехорошо взять хлеб у детей и бросить собакам», тем более непосредственно в ответ на просьбу о помощи, отнюдь не являлось нормой уже и в то время.

Впрочем, не следует делать из этого и подобных высказываний далеко идущие выводы, поскольку Иисусу вообще были свойственны очень резкие и «преувеличенные» формулировки. Он не только называл своих фарисейских оппонентов «дети дьявола», но и в момент ошибки своего ученика, апостола Петра, называет его «Сатана!» (Мф. 16:23). Вряд ли кто-то делает из этого вывод, что «первоверховный апостол и основатель Церкви» был Сатаной. Таким образом, все высказывания такого типа следует отнести за счет резкого стилия Иисуса, и воспринимать их исключительно как харизматическую гиперболу.

Вообще, Иисусу были свойственны весьма сильные преувеличения, которые невозможно понимать прямо. Например: «И отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, который на небесах» (Мф. 23:9), – означает ли это, что христианам запрещается называть своего отца отцом? Конечно, нет, и все это просто способ усиления высказываний. Или «Заповедь новую даю вам: да любите друг друга» (Ин. 13:34) – означает ли это, что заповедь о любви к ближнему «новая» и что ее выдвинул именно Иисус? Конечно нет, Иисус просто повторяет здесь заповедь Торы (Левит 19:18), но хочет заострить внимание на ее важности; и лишь ничего не знающий об иудаизме более поздний христианский читатель может воспринимать эту заповедь Иисуса как новость. Подобно этому, все высказывания Иисуса, где он подчеркивает новизну своего учения, – лишь риторические приемы для привлечения внимания слушателей.

17. Смерть Иисуса и дальнейшее «обвинение иудеев в богоубийстве»

Суд над Иисусом и его казнь являются апофеозом евангельского рассказа и одним из центральных переживаний христианской веры. При этом, именно в истории суда и казни Евангелия подчеркивают «столкновение Иисуса с представителями иудеев» (первосвященником и толпой), что послужило в дальнейшем основой для обвинения еврейского народа в «богоубийстве».

Разумеется, определять вину реальных исторических персонажей, евреев или неевреев, на основе литературного евангельского рассказа о них совершенно абсурдно; и многовековое «обвинение евреев в богоубийстве» лишь выражало комплексы самого христианского сознания, которому был необходим антииудаизм для психологического подкрепления своих претензий на «замещение старого Израиля новым Израилем».

Те направления в христианстве, которые осознали, что антииудаизм и антисемитизм ведут к деградации самого христианства, официально осудили антисемитизм и саму идею «возлагать на еврейский народ вину за казнь Христа» – католики сделали это на Втором Ватиканском Соборе в 1963 г., а многие направления протестантизма еще раньше. Их теологи подчеркивают, что даже с христианской перспективы казнь Иисуса римлянами вообще не имела никакого отношения к евреям как к народу. Они указывают, в связи с этим, на следующие элементы исторической обстановки и самого евангельского рассказа:

а) Первосвященник и его окружение не были представителями еврейского народа, т. к. все храмовое руководство было ставленниками коррумпированной и про – римской Иродианской династии и, кроме того, оно состояло целиком из приверженцев «ереси саддукейской» (см. Деяния 4:1, 5:17). Потому они не имеют духовного или идеологического родства по отношению к дальнейшему иудаизму, который является продолжением фарисейской традиции. (Более того, Новый Завет свидетельствует, что именно фракция фарисеев в Синагогии и ее глава, рабан Гамлиэль, выступали против преследований Павла и апостолов – см. Деяния 5:34, 23:9).

б) К сторонникам храмового истеблишмента, а вовсе не к народу, следует отнести также и толпу, собравшуюся на распятие Иисуса – ведь в ситуации тотальной ненависти народа к римлянам кто бы еще пришел поглазеть на

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org римскую казнь? [5 – Примеры подобной специально подобранной толпы, вопившей «смерть врагам народа», мы могли во множестве наблюдать в России в 1930-е годы. Впрочем, подобную толпу несложно было подобрать в любой стране и во все времена.] Поэтому высказывания этой толпы не могут быть отнесены к еврейскому народу в целом.

в) И, наконец, что касается самой казни через распятие и связанных с ней мучений – то они являются чисто римским патентом, не имеющим связи с евреями вообще.

В связи со всем этим теологи отмечают, что многие стандартные представления в данном вопросе базируются на неправильном прочтении самими христианами евангельского текста.

С нашей же еврейской стороны мы можем лишь заметить, что вправление подобных антисемитских вывихов – это важная часть духовного взросления христианства. Но это проблема самих христиан, а не тема для диалога.

18. Ученики Иисуса и формирование «новой мессианской теологии»

После смерти Иисуса, не принесшего осуществления мессианских пророчеств, группа его учеников и сторонников стала формировать «новую мессианскую теологию», направленную на то, чтобы перенести реализацию эсхатологических мессианских пророчеств Исаяи («перекуют мечи на орала») на «Второе Пришествие», но при этом утверждать, что Иисус «уже при первом пришествии осуществил часть мессианской задачи», – так, чтобы можно было сказать, что «Мессия уже пришел, хотя окончательно он еще не пришел». Схема этих теологических построений обсуждается ниже в гл. 1.

Параллельно этому, описание жизни, учения и смерти Иисуса все более канонизировалось, постепенно превращаясь из описания борьбы реальных людей в лубочную борьбу «идеального добра с мировым злом», а источники «редактировались» для подтверждения этих идей. (Пример такого христологического дрейфа текстов мы можем найти, например, в тех «редакционных изменениях», которым христиане подвергли «сообщение Флавия об Иисусе» – см. ниже в гл. 9.)

При этом в первом поколении ученики Иисуса, несмотря на некоторую экстравагантность их взглядов, оставались в рамках фарисейского направления в иудаизме (см., напр., Деяния, 23:6–9).

Отношения иудаизма с первохристианами ухудшились только в следующем поколении, когда во время Великого Восстания (70 г.) христиане заняли антиеврейскую позицию (и вообще христианство уже стало в значительной степени нееврейским). В христианстве усилился антииудаизм, параллельно с которым развивалось «оправдание Пилата» и перенос на евреев обвинений в казни Иисуса, – т. к. антиеврейская и проримская позиция были необходимы христианству как для демонстрации лояльности к Римской империи с целью более широкого распространения своего учения среди ее жителей, так и для ведения «войны за еврейское наследие» (= объявление себя «Новым Израилем» и, для этого, демонизация «Ветхого Израиля»).

(В). Павел – один из фарисеев и апостол язычников

19. Кризис первохристиан – евреев и появление Павла как «Апостола язычников» Итак, первохристиане вначале оставались группой внутри иудаизма; при этом их попытки пропаганды своей точки зрения среди остальных евреев не имели большого успеха. Эта группа просуществовала около ста лет (или немногим более того), и вместе с ее распадом идея «Иисуса как Мессии» умерла бы – если бы не апостол Павел, выдающийся религиозный философ и гениальный организационный лидер, который фактически и создал христианство как отдельную нееврейскую религию.

Савл (Шауль), он же Павел из Тарса, резко отличался от исходных двенадцати апостолов по трем параметрам.

Во – первых, в отличие от них, он происходил из диаспоры (Таре был главным городом Киликии в Малой Азии) и поэтому хорошо ощущал настроения и проблемы окрестных язычников, «эллинов».

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org он был римским гражданином, что в то время для «местных жителей» совсем не было обычным и свидетельствовало о довольно высокой степени интеграции его семьи в гражданское и культурное общество Империи, лояльность ей, определенное принятие ее норм и ценностей.

Во вторых, Павел имел хорошее религиозное образование (окружение Иисуса составляли в основном простые люди, Павел же был образованным интеллигентом).

И, наконец, в – третьих, он был единственным среди них, кто не был лично знаком с Иисусом и не учился у него непосредственно. А поэтому, в отличие от исходных 12 апостолов, Павел видел перед собой не «харизматического Учителя с мессианскими устремлениями», но «группу учеников с кризисом нереализованной надежды, отвергаемых остальным еврейским обществом». Соответственно, он взялся преодолеть этот кризис, обратившись не к евреям, а к язычникам, и создания таким путем новой формы религии – по сути, ветки иудаизма, предназначенной для распространения этического монотеизма среди народов мира.

Титул Павла в христианстве – это «Апостол язычников», и этот термин объясняет всю его позицию. Этой цели посвящена вся его деятельность, именно на ее реализацию была направлена его религиозная философия.

20. Создание «иудаизма для народов мира»

Павел стремился одновременно и остаться иудеем [6 – Например, в Послании к Галатам (2:15) Павел говорит о себе: «Мы по природе иудеи, а не из язычников грешники».], и создать новую религию для народов мира. Несомненно, он признает еврейскую избранность, как в прошлом, так и в будущем, неотменимость Божественного Завета с евреями и мессианскую роль еврейского народа в истории человечества. Но при этом он считает, что самое важное (или, по крайней мере, что это его личная миссия) – это начать распространение Божественного Света, монотеизма и библейского мировоззрения среди язычников. А для этого требуется создать «иудаизм для народов мира», т. е. такую форму религиозного мышления, которая несла бы человечеству главные еврейские религиозные идеи: монотеизм, этику, любовь Бога к человеку и человека к Богу, любовь к ближнему и вообще все библейское мироощущение – без того, чтобы обязывать неевреев соблюдать то, что эти неевреи (даже и с точки зрения иудаизма!) соблюдать не обязаны: Субботу, кашрут, обрезание и т. д. При этом Павел вовсе не против Субботы или кашрута, но утверждает, что христианам можно обойтись и без них – поскольку он, «Апостол язычников», обращается к неевреям. Соответственно, мы видим в Деяниях Апостолов (гл. 15) именно такую постановку вопроса: должны ли прозелиты из язычников для вступления в общину первохристиан делать обрезание? Если первохристиане являются общиной внутри иудаизма, как считали, помня подход Иисуса, некоторые из апостолов, то должны; но если первохристианство перестает быть группой внутри иудаизма и разворачивается в «открытую форму иудаизма для народов мира», как этого хотел Павел, – то в обрезании для таких людей нет необходимости, даже и по Торе [7 – Согласно Торе и еврейской традиции, для народов мира главными являются «Семь заповедей сыновей Ноевых» – термин, который обозначает минимум заповедей, обязательных для всех людей, а именно: монотеизм, запреты богохульства, убийства, воровства, прелюбодеяния, запрет «есть часть от живого животного» и необходимость социальной справедливости. Именно эти основные заповеди, по настоянию Павла, первый апостольский собор (Деян. 15:20) вменяет в обязанность «братьям из язычников».].

Павел как человек, по своему личному характеру, был фанатичным «ревнителем и воителем за веру»; поэтому он в молодости был активным гонителем христианства, ибо видел в нем религиозную угрозу. Но в результате «видения Иисуса по дороге в Дамаск» (приведшего к обращению Павла в христианство) он вдруг осознал, что христианство – это не помеха, а новая возможность.

Харизматический и трагический образ Иисуса раскрылся Павлу как уникальная возможность с помощью «проповеди Христа» и новой схемы спасения передать язычникам еврейскую библейскую идею, и Павел посвятил свою жизнь реализации этой возможности.

21. Один из фарисеев, взявшийся за работу приобщения народов мира

Павел сам однозначно определяет себя как фарисея. Не только в начале жизни,

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org но и в конце ее, когда он уже является лидером христианской общины, он провозглашает о себе: «я фарисей, сын фарисея» [8 – Павел говорит это во время суда в Синедрióне, и полностью отрывок выглядит так: «Узнав же, что тут одна часть саддукеев, а другая фарисеев, возгласил Павел в Синедрióне: мужи братия! я фарисей, сын фарисея; за чаяния воскресения мертвых меня судят. Когда же он сказал это, произошла распря между фарисеями и саддукеями, и собрание разделилось». Классические христианские толкования на Деяния стараются не подчеркивать заявления Павла “я фарисей”, считая его лишь поводом для создания спора между фракциями Синедрióна. Разумеется, Павел указал здесь на свою принадлежность к фарисеям именно для создания этого конфликта; но вряд ли будет правильно предположить, что Павел просто жлет для того, чтобы вывернуться на суде (по крайней мере, мы о нем так не думаем). Гораздо более правильно, по нашему мнению, считать Павла искренним и честным человеком, и поэтому доверять его заявлению о том, что он продолжает быть фарисеем. По сути, проблема в этом вопросе была не у Павла, а у его более поздних христианских комментаторов, которые искаженно понимали иудаизм и сам термин “фарисей”, и которые поэтому не могли себе представить, как это можно продолжать оставаться фарисеем, став при этом «апостолом язычников». Отметим, что далее в Деяниях (23:11) эта речь Павла в Синедрióне, вместе со всей его деятельностью в Иерусалиме, одобряется «голосом Свыше».] (Деяния 23:6).

Таким образом, Павел всю свою жизнь был убежден, что его деятельность соответствует основам фарисейской религиозной концепции, – т. е., в сегодняшних понятиях, ортодоксальному иудаизму.

Хотя Павел для привлечения неевреев говорил им о необязательности для них Закона – сам он, как еврей, признавал обязательность соблюдения Торы для себя и для других евреев. (В частности, в Деяниях (21:21–24) подчеркивается, что Павел, вопреки создававшемуся о нем, из‑за его проповеди язычникам, мнению, отнюдь не учил евреев хоть в чем‑нибудь пренебрегать Законом Торы, и сам его полностью соблюдал. В Деяниях (16:3) даже рассказано, как, встретив совершенно ассимилированного необрезанного еврея (мать – еврейка, уже «уверовавшая во Христа», отец – эллин), Павел настоял на том, чтобы тот сделал обрезание.)

Иными словами, Павел принимал все учение фарисеев (т. е. обычный иудаизм) в отношении евреев, но поскольку цель его была в «апостольстве язычникам», в обращении их в «иудаизм для народов мира» – то все, что он писал и провозглашал, было подчинено этой цели.

22. Выделение и подчеркивание части иудаизма, важной для неевреев

Часто можно встретить мнение, что «кардинальная реформа Павла» состояла в том, что он отменил существующее (якобы) в иудаизме «оправдание делами» и заменил его на «спасение через веру»; и что это был шаг от (якобы) «законнической религии иудаизма» к «благодатной религии христианства», шаг от «религии ограничений» к «религии любви».

Однако в этом бытующем представлении почти все является иллюзией, возникающей по причине незнания основ иудаизма.

Во – первых, иудаизм отнюдь не является «законнической религией». В иудаизме Божественная Благодать и Любовь занимают столь же важное место, как и Божественный Закон и Справедливость воздаяния. Другое дело, что иудаизм не приемлет «перекоса в сторону Благодати по сравнению с Законом»; иудаизм считает необходимым равновесие Закона и Благодати, любви и трепета. Точно так же и вера (т. е. монотеистические представления о Боге) является в иудаизме очень существенной; но иудаизм против возведения на пьедестал одной лишь веры в ущерб остальным законам. Вера должна быть частью общего комплекса Завета, но не должна подменять его.

Во – вторых, неверно считать, что иудаизм – это «оправдание перед Богом путем соблюдения Закона». Павел акцентирует проблему оправдания («чем может оправдаться человек – верой или делами Закона?»), поскольку такая постановка проблемы была понятнее в то время для приходящих к монотеизму язычников, к которым Павел обращался. Но на самом деле иудаизм вообще не озабочен «оправданием человека перед Богом», но – «приближением человека к Богу».

С точки зрения иудаизма, само онтологическое понятие «оправдания» вообще

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org довольно странно. Бог создал человека совсем не для того, чтобы его «обвинить» или «оправдать», и вообще не с целью того, чтобы вершить над ним суд. Конечно, Бог осуществляет Свой суд, но это только «техническое средство для воспитания человека»; цель же создания мира и человека, насколько мы вообще можем ее понять – это духовный подъем человека, его диалог с Богом и, посредством этого, приближение к Богу, в этом и в будущем мире.

Поэтому вопрос о том, «оправдывается ли человек делами или же верой» – это вообще ложно поставленный вопрос, рассчитанный на восприятие язычников, для которых Божественный Суд над человеком происходит в тех же параметрах, в которых действует обычный человеческий суд (т. е. этот суд решает, обвинить или оправдать). Но, согласно представлениям иудаизма, здесь нет ситуации «или – или». Каждый человек одновременно в чем-то виновен перед Богом, а в чем-то – заслуживает награды; и за свою вину он будет наказан или помилован, а за свои заслуги и просто по Божественной благодати – вознагражден. И все это – и суд, и наказание, и милость, и награда, и благодать – осуществляется в концепции «все вместе», а совсем не в противопоставлении «Суд – Закон или же Вера – Благодать?», «оправдается или нет?». При этом для Бога имеют значение все параметры – как вера человека (монотеизм), так и его дела, а потому одно вовсе не отменяет и не вытесняет другое.

Итого, во всех этих случаях Павел вовсе не создал новое, но лишь взял часть иудаизма – веру и любовь – и представил их как достаточное условие для «оправдания и спасения», считая, что только так он сможет выполнить свою задачу привлечения язычников к монотеизму.

23. «Спасение через веру» как инструмент для распространения религии

Поскольку Павел – «Апостол язычников», и призван нести еврейский Божественный свет народам мира, «эллинам», то он формирует свое учение и расставляет в нем акценты так, чтобы оно – продолжая следовать идеям Торы! – могло максимально быстро и широко распространяться, чтобы оно соответствовало мироощущению «эллинов» и их представлениям. И поэтому вопрос должен был быть поставлен жестко: «Принимаешь – спасаешься, не принимаешь – не спасаешься».

Чтобы учение могло легко распространяться, во главу угла должна была быть поставлена именно вера, т. е. достаточно простой начальный акт, который приведет принявшего его нееврея к монотеизму (а это база и основа всего), обеспечит священный статус еврейскому Библейскому тексту («Ветхому Завету», поскольку никакого другого Священного Текста при Павле еще не существовало), который создаст, по словам самого Павла, «прививку дикой маслины к еврейскому корню» (Рим. 11:17). Павел был убежден, что с самим еврейством и иудаизмом ничего не случится, он не исчезнет и еще будет великим светочем народов [9 – Например, он говорит: «Итак, спрашиваю: неужели Бог отверг народ Свой? Никак... Ибо дары и призвание Божие [= еврейский Завет с Богом] непреложны... Если же оскудение их – богатство язычникам, то тем более – полнота их» (Рим. 11:1,29,12).], а его, Павла, работа – лишь обеспечить максимально широкое распространение среди человечества еврейской веры в Единого Личностного Бога.

24. Павел и «полупрозелиты»

Из-за «узконаправленности» Павла на обращение язычников образ иудаизма предстает у него существенно искаженным, иногда до полной карикатуры. На основе отрицания этого «карикатурного иудаизма» Павел стремится показать, что только его версия «монотеизма для народов мира» является правильной. И здесь мы должны учесть, что даже в рамках этой ниши («распространение библейского света среди язычников») школа Павла не была в ту эпоху единственной. Не говоря уже о внутрехристианских спорах между Павлом и другими апостолами, часть из которых хотела обязать всех христиан делать обрезание (Деяния 15:1), было еще огромное движение «полупрозелитов» (в терминологии того времени – «богообязанные из язычников»), группировавшихся вокруг еврейских общин («синагог»), имевшихся во всех значительных городах Римской Империи. Эти полупрозелиты принимали на себя монотеизм, отказывались от идолопоклонства и его ритуалов, чтити еврейское Священное Писание. Они в некоторой мере соблюдали заповеди, но не были готовы полностью брать на себя все обязанности иудаизма (т. е. становиться полностью прозелитами – евреями).

Их религиозный статус был не вполне определен, и единая четкая идеология отсутствовала. Павел решил, что именно эти люди, в первую очередь, должны стать сторонниками его движения, поэтому именно их он убеждает, что нет смысла соблюдать те или иные специфические заповеди Торы, т. к. это не поможет их «спасению» (Павел объяснял им, что, согласно иудаизму, «кто не соблюдает всего – не может спастись»), а поскольку всего в точности вообще соблюсти невозможно, то «оправдания» следует искать не в заповедях Торы, а в вере в Иисуса). И даже когда Павел, казалось бы, «обращается к иудеям» и говорит о том, что нет необходимости в Законе, его потенциальная аудитория – это не сами евреи, а «иудействующие полупрозелиты». Именно их он хочет развернуть к своему новому учению, добиться того, чтобы те «евреи внутри христианства», которые говорили о важности еврейских заповедей [10 – А тех из полупрозелитов, кто хотел соблюдать законы Торы, Павел обязывает стать полностью прозелитами – евреями и соблюдать всю Тору («Еще свидетельствую всякому человеку обрезывающемуся, что он должен исполнить весь Закон» – к Галатам 5:3), и такие люди выпадали из рамок его, апостола язычников, «целевой группы».] , не мешали ему обращаться в монотеизм язычников.

Установка, выбранная Павлом, оказалась чрезвычайно эффективной. В то время как среди евреев вера в Иисуса получила очень мало сторонников, среди полупрозелитов она распространялась с огромной скоростью, найдя за короткое время широкую поддержку среди самых разных слоев населения Империи.

Фактически, движение «полупрозелитов» было той готовой к движению армией, которая не имела своего генерала и общей идеи, и поэтому находилась в растерянности, не осознавая себя единым целым и не зная, куда податься. Павел возглавил эту армию, дал ей ясное четкое знамя (веру), установку на конечную победу (надежду) и охотно воспринимаемую всяким духовно развитым человеком идею (любовь), подравнял ее ряды (объявив, что невозможно спастись вне веры в Иисуса) и поставил ей ясную цель: захватить все человечество, чтобы его же и спасти.

Благодаря этой деятельности Павла полтора миллиарда (на сегодня) неевреев обрели контакт с Божественным светом Еврейской Библии, а построенная на ее основе Западная цивилизация явилась ведущей духовной и материальной силой человечества.

25. Создание искаженного образа иудаизма

Для обоснования своего лозунга о том, что спасение возможно только через веру, Павел создает карикатуру на иудаизм, и делает он это следующим образом: во – первых, он толкует историю Сотворения Мира в Торе так, что объявляет каждого родившегося человека уже греховным из-за первородного греха. Из-за этого греха душа направляется в Ад, а для ее спасения возможны два пути: первый – «путь Закона», но только при абсолютном его соблюдении, и второй – «путь Веры». А поскольку всем ясно, что абсолютное соблюдение Закона неосуществимо, то «путь Веры», как очевидно, становится единственно правильным.

С точки зрения иудаизма, эта схема построена на сплошных передергиваниях. Во – первых, первородный грех есть общая для всех и каждого из людей «беда», но он отнюдь не их «вина». Каждый человек рождается чистым, а вовсе не греховным. Во – вторых, с точки зрения иудаизма, «вечного Ада» вообще нет, и каждая душа – как еврейская, так и нееврейская (кроме, может быть, самых уж последних злодеев), – попадает, в конечном счете, в Рай. И, наконец, как мы уже говорили, иудаизм отвергает черно – белый подход к жизни, подобно декларируемому Павлом принципу, согласно которому «любое нарушение влечет за собой проклятие». Бог ценит любое совершенное нами доброе дело и каждую заповедь, выполняемую как по отношению к людям, так и по отношению к Богу, и дает каждой душе, за каждое ее позитивное действие, продвижение в достижении Божественного света. Бог помогает нам очиститься от грехов и вознаграждает за совершенное добро, причем, вне зависимости от нашей веры в Него, – хотя она, безусловно, и важна.

Изображая иудаизм примитивной «законнической» религией, Павел совершает подлог. Мы не можем узнать, делал ли он это сознательно, чтобы более четко притянуть к провозглашаемой им идее своих потенциальных сторонников, или же сама логика его деятельности как апостола язычников увлекла его и подтолкнула к искаженному изображению иудаизма. (Мы уже отмечали, что Павел как человек был по своему характеру «ревнителем», т. е. был склонен

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org безоглядно увлекаться своей сегодняшней установкой, не замечая ничего вокруг, – в молодости он фанатично преследовал христианство, а позже столь же фанатично его распространял.)

Но как бы то ни было, деятельность Павла привела одновременно к двум противоположным результатам: с одной стороны, свет иудаизма распространился на человечество, с другой, образ самого иудаизма в представлении этого человечества оказался до неправдоподобия искаженным. Достижения здесь интегрально соединились с недостатками.

26. Проблема обожествления Иисуса

Важно отметить, что основной проблемой, разделяющей христианство и иудаизм, является не различие подходов к соблюдению заповедей или соотношению веры и дел, и даже не проблема того, является ли Иисус Мессией. Основной, принципиальной проблемой является то, что христианство считает Иисуса Богом – воззрение, неприемлемое для евреев.

Сам Иисус, разумеется, не считал, да и не мог считать себя Богом [11 – Типичный пример высказывания об этом в Евангелии (Мф. 19:16): «И вот, некто, подойдя, сказал ему [Иисусу]: Учитель благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную? Он же сказал ему: что ты называешь меня благим? Никто не благ, как только один Бог!»]. Все учение Иисуса было обращено к евреям и целиком находилось в рамках иудаизма и еврейского духовного пространства, в котором всякая концепция «обожествления человека», «воплощения Бога в человеке» и т. п. сразу рассматривалась бы как установка на идолопоклонство.

Иисус позиционирует себя как «посланца Бога» (что-то вроде пророка) и как «потенциально возможного Мессию». При этом он предпочитает самого себя так не называть, – соглашаясь, однако, когда так его называют другие.

Мы находим у Иисуса некоторые мистические высказывания о переживаемой им «особой близости к Богу», которые позже были перетолкованы в христианстве как намек Иисуса на свою Божественность, однако подобные высказывания мы находим и в другой еврейской мистической литературе. (Акцентирование намеков на Божественность Иисуса особенно проявляется в Евангелии от Иоанна, позднейшем и наиболее эллинизированном из всех, которое, как мы уже отмечали, даже христианская церковь отделяет от первых трех синоптических Евангелий и считает скорее мистической проповедью, чем описанием жизни Иисуса [12 – В Евангелии от Иоанна (10:30, 14:10) мы находим, например, такие высказывания Иисуса: «Я и Отец – одно», «Я в Отце и Отец во Мне. Слова, которые говорю Я вам, говорю не от себя; Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела. Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне». Высказанный здесь подход противоречит, вроде бы, подходу синоптических евангелий, в которых ясно видно, что Иисус отнюдь не считает себя Богом. (Например, знаменитое: «Возопил Иисус громким голосом: Боже мой, почему Ты оставил меня?» (Марк 15:34. Мф. 27:46), или уже процитированное нами выше высказывание из Матфея (19:16), в котором Иисус отвергает название себя «благим», ибо «никто не благ, как только один Бог!»), поэтому возникает впечатление, что позиция Иисуса по этому вопросу противоречива и двойственна. (А некоторые исследователи, идущие еще дальше, считают, что синоптические евангелия и Иоанн были составлены в различных противоборствующих школах внутри первохристианской общины, одна из которых, более эллинизированная, обожествляла Иисуса и поэтому «приписала» ему подобные высказывания, а вторая, близкая к исходным 12 апостолам, отвергала такое обожествление). Однако, на самом деле, приведенные в Иоанне высказывания Иисуса (особенно если убрать из них добавленное евангелистом написание «Я» и «Мне» с большой буквы) вовсе не свидетельствуют о том, что Иисус «обожествлял себя». Как мы отметили выше, они вполне находятя в русле встречающихся в мистической литературе высказываний о переживаемой мистиком «особой близости к Богу», «слиянию души с Богом» и т. п., а выражение «Божественность говорит из его горла» вообще является в иудаизме классическим в отношении высших из мудрецов. Только попав в грекоязычную культурную среду, для которой «воплощение богов» является естественным хо-дум в религиозном мышлении, эти высказывания могли быть истолкованы как якобы намек Иисуса на свою собственную божественность.] Апостолы также изначально определяют Иисуса как Мессию, но, разумеется, не как Бога. Обожествление же Иисуса, т. е. концепция «веры в Иисуса, как в Бога» возникает в русле создания Павлом «христианства для язычников».

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org (Среди исследователей есть разные мнения по вопросу о том, провозгласил ли Павел эту концепцию целиком, т. е. действительно ли он отождествил Иисуса с Богом, или же он только приблизился к этой идее, а завершена она была уже после него. Но, как бы то ни было, эта концепция базируется в христианстве на подходе Павла.)

В этой концепции Иисус декларируется одновременно и «Сыном Бога», и тождественным «Самому Богу» (а не отдельным божеством) – и, таким образом, в некоторой степени монотеизм сохраняется[13 – На самом деле, наибольшим отходом от принципов монотеизма является в христианстве не «троичность Божественности», а восприятие Сатаны – Дьявола как силы, независимой от Бога и противостоящей Ему. На психологическом уровне это может даже привести к дуалистическому мироощущению (несколько сглаженному монотеистической теологией того, что «лишь Бог позволяет Дьяволу так себя вести и, в конце концов, когда захочет – уничтожит его»). Впрочем, это большая тема, требующая отдельного обсуждения.]. Иисус превращается в такой «образ Бога», который близок и понятен человеку, т. е. является как бы «человеческой ипостасью Троицы».

Концепция «Иисуса как Бога» абсолютно неприемлема для иудаизма и еврейского сознания, и для всего культурного кода Еврейской Библии вообще. Иудаизм запрещает поклоняться кому бы то ни было, кроме как Богу напрямую, и также запрещает евреям любые зримые «образы Бога» – Иисус же, даже без изображающих его икон, в литературном тексте Евангелий уже является «образом».

Для евреев такое «наделение Бога образом» приравнивается к идолопоклонству.

Однако Павел создавал свою концепцию отнюдь не для евреев, а для народов мира – а требования Торы к ним в вопросе запрета идолопоклонства гораздо мягче. Конечно, желательно, чтобы все люди придерживались строгого монотеизма, но для неевреев Библия запрещает только прямое идолопоклонство, присоединение же к Богу каких-либо «образов», помогающих осознать Его, рассматривается для них как допустимое. В терминологии иудаизма этот подход называется «шитуф», букв. «компаньонство» (= образ, присоединяемый к Богу). Именно такой тип религии создает Павел, – т. к. он, видимо, считал, что только когда монотеизм будет дополнен образом Иисуса, он будет иметь надежду на успех всемирного распространения.

27. Идея «богочеловека» и создание понятных эллинам иллюстраций к еврейским концепциям Религия «шитуф – компаньонства», с легко зримым образом Иисуса, создавала народам мира как бы «понятную иллюстрацию» к еврейским теологическим концепциям, не дающим никакого видимого образа Бога.

Рассмотрим, например, идею «богочеловека», в соответствии с которой для христианина Иисус символизирует идею соединения Божественного и человеческого, несмотря на непреодолимую онтологическую пропасть между ними. Эта идея, имеющая центральное значение для христианской мистики и этики, представляется внешнему читателю обычно как «важнейшее христианское нововведение», несовместимое с иудаизмом, – однако на самом деле эта идея полностью проистекает из еврейской концепции «сотворения Богом человека по Своему образу и подобию», данной нам на первых же страницах Книги Бытия.

На единстве в Иисусе человеческой и Божественной природы христианство основывает огромное этическое и теологическое содержание, однако иудаизм провозглашает ровно те же самые идеи на основе соединения Божественного и человеческого уже в Адаме, первом человеке. Если для христианства богочеловеком является Иисус, то для иудаизма богочеловеком является Адам, и далее всякий вообще человек на Земле. (Т. е. в иудаизме Адам в некотором смысле является «идеальным богочеловеком, к уровню которого всякий смертный должен тянуться» – функция, совершенно соответствующая роли «Иисуса как Богочеловека» в христианстве.) Однако еврейская концепция богочеловека чисто текстуальна и непроста для восприятия, в то время как основанная на зримом образе Иисуса концепция христианская – явлена, и для восприятия гораздо более легка.

Таким образом, проповедуя миру Иисуса и декларируя тождество Иисуса с Богом (или ведя к этому), – Павел, с одной стороны, устанавливает непроходимую границу между иудаизмом и создаваемым им «монотеизмом для неевреев»; а с другой стороны, как бы «добавляет иллюстрации» к совершенно фундаментальным еврейским концепциям.

Иудаизм являет собой «книгу без картинок», и такой подход совершенно соответствует еврейской концепции «незримого Бога» [14 – Идея «незримого Бога» важна, прежде всего, тем, что человек должен сосредоточиться не на вопросе «что есть Бог» (теософия), а на том, «что Бог указывает в качестве главного пути жизни» (этика).]. Павел добавил к этой книге «иллюстрации». Эти иллюстрации не нужны евреям, но они очень помогают народам мира, особенно народам «яфетическим» – то есть, потомкам Яфета, эллинам (а именно среди них Павел жил и вырос), для которых изобразительно – художественное искусство является одним из центральных каналов познания мира.

Например, для иудаизма очевидно, что Бог по отношению к человеку не только Творец, но и Отец; но для народов мира эта идея была откровением и огромным духовным прогрессом – у Павла: «Посему ты уже не раб, но сын» (к Галатам 4:7); и образ Иисуса как «Сына Бога», символизирующего идеал, к которому человечество должно стремиться, – существенно облегчает народам мира восприятие этой идеи.

Аналогично этому, концепция «Бог любит человека и желает блага человеку» (а вовсе не жаждет быть человеку Господином и управлять им) является совершенно еврейской концепцией, однако в абстрактном чисто текстуальном виде она непроста для восприятия. Когда Павел проповедует идею «Иисус умер за тебя», то эта концепция приобретает зримую и эмоционально более насыщенную окраску, и воспринимается народами мира гораздо лучше.

Поэтому, когда Павел, фактически, добавил к еврейской книге книг «иллюстрации», понятные конкретные образы – то распространение этой книги среди «эллинов» пошло существенно быстрее и успешнее.

Таким образом то, что проповедовал Павел (= христианство), совсем не соответствовало тому, что проповедовал Иисус. Иисус обращался только и исключительно к евреям, и проповедовал раскаяние, смирение, необходимость полного соблюдения заповедей Торы для достижения спасения, опору на чудо и скорое Царство Небесное. Павел обращался только к неевреям и проповедовал самого Иисуса, спасение через веру и возможность для нееврея принять еврейский библейский монотеизм без необходимости брать на себя специфические еврейские заповеди. Результатом этого стало христианство, явившееся «веткой иудаизма» для народов мира.

28. Еврейская оценка вклада христианства в раскрытие Бога человечеству. Здесь надо отметить, что мы, конечно, отнюдь не считаем, что христианство только лишь «приспособило иудаизм для неевреев». Разумеется, возникновение христианства и его развитие было огромным творческим (и даже провиденциальным) процессом, раскрывшим человечеству многие аспекты духовности: силу самопожертвования и самоотречения, смысл страданий, готовность к мученичеству ради ясно осознаваемой, осязаемой истины, опыт деятельного милосердия в помощи ближнему и также «далекому ближнему», утверждение в мире идеи бессмертия души и многое другое.

Несомненно, в иудаизме уже содержится «исходное зерно» всех этих сторон христианства, однако для человечества в процессе развития христианской цивилизации многие из этих аспектов были раскрыты гораздо яснее, чем они были в своем «зерне». Но так, в принципе, и должно происходить – в ходе Истории, которая есть диалог народа и цивилизации с Богом, происходит развитие, выявление и более глубокое осознание тех истин, которые содержались в начальном «Сгустке Откровения», давшем жизнь этому народу или цивилизации. Цивилизация еврейская и цивилизация христианская базируются на одном и том же изначальном еврейском «Сгустке Откровения», но при этом они продолжают проживать каждая, в ходе своей Истории, свой собственный диалог с Богом (а воспринимаемая таким образом История представляет собой «Продолжающееся Божественное Откровение»). Каждой из них в этом ходе Истории – Диалога раскрываются свои собственные аспекты Божественной Истины, которыми она может поделиться с другой стороной.

Именно с этой точки зрения (восприятия истории как «Продолжающегося Божественного Откровения») признание вклада христианства в раскрытие Бога человечеству никак не противоречит позициям иудаизма, а признание истинности и действенности иудаизма не противоречит позициям христианства.

(Отдельно следует отметить также такое важнейшее духовное достижение европейского христианства как интеграция монотеизма с эстетикой.

С точки зрения еврейской религии эстетика вовсе не является чем-то второстепенным; наоборот, это один из важнейших каналов раскрытия Божественного света человечеству. Но этот канал идет не через евреев, а через «яфетические», постэллинские европейские народы. Идея интеграции еврейской религиозной этики и европейской эстетики заложена еще в библейском описании детей Ноя – Сима (Шема) и Яфета: «Даст Бог простор и красоту Яфету, и да обитает он в шатрах Сима» (Быт. 9:27). Евреи, потомки Сима, передают человечеству этическую компоненту, греки и европейцы, потомки Яфета, несут эстетическую компоненту: поскольку она соприродна их душе, то именно они могут правильно развить ее и показать человечеству ее Божественный свет;.

Подобная дополнительность существует не только между иудаизмом и европейским христианством, этот подход правилен и по отношению ко всем народам мира: принимая вместе с монотеизмом еврейскую религиозно – этическую концепцию, они развивают ее и интегрируют со своей специфической национально – цивилизационной личностью, с той особой Божественной искрой, которую Бог вложил в их души; и только они в процессе своей истории могут раскрыть эту специфическую компоненту для человечества. Таким образом, при распространении еврейской Библейской идеи в человечестве речь не идет, конечно, о простом заимствовании: каждый народ и каждая цивилизация вносит свой очень важный и уникальный вклад в развитие и проявление Божественного света. Этими достижениями каждый из них должен далее делиться с другими.)

(Г). Конфликт в веках: противостояние христианства и иудаизма

29. Изменение акцентов вследствие перемещения первохристианства в нееврейскую римскую среду При Павле создание христианской теологии и текстов было только начато (Евангелия, например, создавались уже после Павла). Начальные отрывки собирались и редактировались, и делали всю эту работу уже не евреи, а бывшие язычники, обращенные Павлом. Их мир все дальше удалялся от мира иудаизма, а евреи в ту же эпоху становились все более «проблемным» народом для Римской Империи.

Три огромных и кроваво подавленных восстания евреев против Рима (в 70 г. – Великое восстание, приведшее к разрушению Иерусалима и Храма; в 115 г. – восстание еврейской диаспоры в Египте, на Кипре и во временно захваченной римлянами Месопотамии, приведшее, в частности, к гибели всей «эллинизированной» египетской еврейской диаспоры; в 135 г. – восстание Бар – Кохбы, на подавление которого было брошено около 40 % всей армии Империи; всего за три восстания ориентировочное число еврейских потерь – около двух миллионов человек) привели к тому, что «связь с евреями», легко интерпретируемая как «дружба с бунтовщиками», становилась все большей помехой для распространения христианства среди жителей Империи. Разумеется, исходную связь с иудаизмом, да и вообще происхождение христианства из иудаизма, никуда убрать было нельзя (гностики и последователи Маркиона предлагали сделать даже и это, вообще отказавшись от «Ветхого Завета», но они были сурово осуждены основным направлением христианской церкви, объявлены еретиками и изгнаны из нормативного христианства). Однако акценты в христианских текстах были смещены, особенно в вопросе «конфликта Иисуса с фарисеями», который, будучи вырван из аутентичного внутриеврейского рассмотрения, превратился в форму «отвержения иудаизма христианством». Тот же перенос акцентов произошел в описании «ответственности за казнь Иисуса», которая по возможности снималась с римлян и с Понтия Пилата и возлагалась на чуждых теперь «иудеев».

(Как уже отмечалось, этот перенос акцентов ясно проявляется в отличиях Евангелия от Иоанна от трех более ранних синоптических евангелий. Именно у Иоанна споры Иисуса с фарисеями представлены как борьба Иисуса с иудаизмом в целом; именно у него особенно сильно акцентируется вина евреев в смертном приговоре Иисусу, а римский наместник Пилат[15 – Современники описывают Пилата как жестокого и кровавого деспота, ненавидевшего «туземцев», презиравшего их религиозные ценности и жизненный уклад. По свидетельству Филона Александрийского, Ирод Агриппа I в письме к императору Калигуле обвинял Пилата в продажности и грабеже, в разорении целых семейств, в казни множества людей без всякого суда, в бесчисленных жестокостях, которые превосходили все пределы. Действия Пилата вызывали волнения не только в

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org иудее, но и в Самарии. Иосиф Флавий рассказывает, что когда однажды последователи одного из самаритянских проповедников собрались в некотором селе, Пилат выслал воинские отряды, которые неожиданно напали на самаритян, часть из них перебили, а часть обратили в бегство. При этом они также захватили многих самаритян (мирных гражданских жителей!) в плен, и Пилат распорядился казнить самых влиятельных из них. После этого самаритянские старейшины явились с жалобой к Вителлию, имперскому легату Сирии, – который, рассмотрев дело, признал Пилата виновным, сместил его с должности и приказал ему ехать в Рим для ответа перед императором за свои злодеяния. Невозможно поэтому представить себе, чтобы такой человек, верша суд, каждые несколько минут выходил на балкон своей резиденции, чтобы посоветоваться со стоящей во дворе толпой туземных вождей о том, нельзя ли как-нибудь помиловать осужденного – как это рассказывает нам, например, Евангелие от Иоанна.] изображается чуть ли не кроткой жертвой коварных первосвященников; и у Иоанна же мы находим «указания» на Божественность Иисуса.)

Таким образом, уже в первый век своего формирования христианского литературного комплекса в нем стало подчеркиваться дистанцирование от еврейства, сформировавшееся постепенно в целостную теологию антииудаизма – «теологию замещения».

30. Детская болезнь антииудаизма в христианстве

Стремление вновь созданной религии отмежеваться от того базового учения, на основе которого оно создано – даже если для этого потребуются искаженно изобразить это исходное учение, чтобы хотя бы на фоне этого «отличаться от него в лучшую сторону» – это сложный и амбивалентный процесс, который сегодня трудно оценить однозначно.

С одной стороны, искажение породившего тебя учения (даже если ты с ним уже не согласен, и считаешь, что выдвинул новые концепции) производит неприятное впечатление духовной неблагодарности. С другой стороны, для того, чтобы начать расти и развиваться самостоятельно, молодая идеология часто нуждается в том, чтобы отгородить свое пространство и выделиться среди конкурентов; и поэтому подчеркивание конфликта между новым и исходным учениями может оказаться существенно важным этому новому (хотя по содержанию оно есть только популяризация старого) для его роста и взросления.

Таким образом, христианство в начале пути должно было переболеть своей «детской болезнью антииудаизма» – это было важно для его собственного начального развития.

Лишь в новое время (и особенно во второй половине XX века) в христианстве началось преодоление этой болезни. Хотя пока это преодоление находится в начальной стадии, оно постепенно развивается – и, будем надеяться, приведет к существенному переосмыслению еврейско-христианских взаимоотношений и всего облика западной цивилизации.

Более подробно концепция «теологии замещения» и сменяющая ее сегодня в западном христианстве «теология дополнения» обсуждаются во второй части книги, гл. 10 и 11.

(Д). Изменение позиций сегодня: путь к осознанию дополнительности

31. Взаимная переоценка по прошествии двух тысяч лет

Две тысячи лет назад, в первых поколениях после того как христианство и иудаизм разделились, каждая из сторон смотрела на другую как на временное и преходящее явление. Христианство считало, что иудаизм больше не имеет духовного права на существование и должен влиться в христианство. Евреи же считали, что христианство – странное ответвление от исходной еврейской нормы, которое скоро отомрет.

Прошло две тысячи лет. Ясно, что ни одна из этих двух сторон никуда не делась, не умерла и умирать не собирается. Более того: по итогу двух тысячелетий обеим сторонам должно быть понятно, что вторая сторона не только не является «ошибкой», – но что она оказалась и физически, и духовно успешной.

В частности, за эти два тысячелетия христианский мир достиг огромных духовных достижений: он распространил идеи монотеизма, этики и признания Еврейского Священного Писания на значительную часть человечества. Евреям следует признать, что это не случайность, а проявление Божественного Промысла, который через христианство несет человечеству духовно необходимые ему элементы Божественного Света; что за этим успехом стоит Божественное Провидение. Евреи, разумеется, никоим образом не могут «принимать христианство», но они должны понять его духовный смысл и позитивную мировую роль.

Аналогично, за прошедшие два тысячелетия также и евреи достигли огромных духовных успехов: несмотря на преследования, они смогли не только сохраниться и создать огромный духовный мир, но и сделать выдающийся вклад в продвижение культуры и цивилизации человечества. В отличие от всех других изгнанных со своих земель и рассеянных народов, евреи смогли в течение весьма длительного времени сохранить связь со своей Страной и, более того, найти в себе силы через два тысячелетия вернуться и восстановить свое государство – духовный подвиг, никоим образом не осуществленный ни одним другим народом за всю историю человечества. Христианам следует признать, что это не случайность, а проявление Божественного Промысла, что Божественный Свет раскрылся человечеству через евреев не только в прошлом (что христианством и так признается), но будет раскрываться и в дальнейшем; что за этим успехом стоит Божественное Провидение. Христиане, разумеется, не могут «принимать иудаизм», но им нужно понять его духовный смысл и мировую роль – не только в древности, но и сегодня.

Наше время – это эпоха огромных теологических перемен, происходящих в том числе и внутри ортодоксальных религиозных направлений. Для иудаизма возникновение сионизма и создание Государства Израиль послужили толчком к бурному переосмыслению огромных пластов религиозного мировоззрения. В христианстве (по крайней мере, в западном) шок от возникновения людоедской идеологии нацизма и от той массовой поддержки, которую нацизм получил во вполне, казалось бы, культурной христианской Германии (а также в других христианских странах – как католических, так и православных), повлек за собой осознание того, что в отношении к евреям в христианстве есть нечто глубоко неправильное. С другой стороны, огромным потрясением для теологии христианства явилось создание Государства Израиль и сам факт еврейского возвращения в свою Страну [16 – Согласно классической теологии христианства (эту идею формулируют и Августин, и, например, Иоанн Златоуст) евреи были изгнаны из Святой Земли за непризнание Иисуса, поэтому они не смогут вернуться, пока не обратятся в христианство. История, однако, опровергла эту теологию. Подробнее см. во второй части книги, гл. 10.]. Все это послужило причиной отказа от «теологии замещения» и перехода к «теологии дополнения», что создает несравнимо больше возможностей для развития иудео – христианского диалога, чем это было в предыдущие эпохи.

32. Пути развития диалога – пример католицизма

Диалог между иудаизмом и христианством начинается с того, что параллельно с уверенностью каждого в своей вере, признаются духовные достоинства другой стороны. И цель этого диалога не в том, чтобы «обратить собеседника в свою веру», – но в том, чтобы понять другого и за счет этого улучшить самого себя.

Улучшение понимания как самого себя, так и другого – это параллельные процессы, и продвижение в одном из них необходимо для второго.

Для того, чтобы вести такой диалог, нужно сосредоточиться отнюдь не на том, что разделяет иудаизм и христианство (признание или непризнание Иисуса как Мессии и Бога), поскольку в этом вопросе иудаизм и христианство в принципе не могут согласиться. В этом вопросе каждой из сторон надо постараться найти такой аспект своей истины, который позволит законное теологическое существование в ее пространстве второй стороны (например, представление о том, что Иисус – «Мессия народов мира», и несет им Божественный Свет, но евреи находятся в рамках своего Завета с Богом, благодаря чему могут достичь Спасения и без христианства и т. п.). Опять же, здесь необязательно достижение полного согласия, но важно признание провиденциальной важности существования другой стороны, и рассмотрение ее не как противника и конкурента, а как союзника в продвижении человечества к Богу.

Это надо делать не из ложной «политкорректности», а из истинного восприятия истории (и двухтысячелетнего сосуществования иудаизма и христианства) как Божественного Провидения, т. е., как обращенного к нам Божественного Слова, как Продолжающегося Откровения, дающего возможность более верно расставить акценты в исходном Откровении (никоим образом, разумеется, не подменяя его).

Во второй части данной книги описаны те изменения, которые произошли в этом плане в западном христианстве за последнее столетие. Здесь же мы отметим, что при этом были официально провозглашены идеи, не только отвергающие христианское миссионерство по отношению к евреям, но и декларирующие теологическую важность и даже необходимость для христианства еврейского несогласия с ним.

Первое из этих положений было выдвинуто Папой Иоанном – Павлом [I. Оно состоит в том, что если мы действительно верим в Бога и в Библейский текст, то должны признать, что Божественное слово неотменимо. А раз Библия – Пятикнижие Моисеево и книги еврейских пророков – говорит о вечном Завете Бога с еврейским народом, то этот Завет не может быть отменен или «упразднен». Это означает, что евреи спасаются путем своего, особого Завета с Богом, без принятия христианства и без крещения, – в то время как другие народы мира нуждаются в христианстве. Иоанн – Павел подчеркнул, что не верящий в вечность и действенность еврейского завета с Богом не верит Библии, что является ересью для христианина.

В соответствии с этим подходом Иоанн – Павел II прекратил деятельность всех католических организаций, направленную на христианское миссионерство по отношению к евреям, и декларировал спасительность иудаизма для евреев параллельно со спасительностью христианства для других народов мира.

Сменивший его Бенедикт XVI пошел еще дальше, и провозгласил, что для христианства есть теологическая важность и даже необходимость в том, чтобы евреи продолжали придерживаться иудаизма и не принимали христианство – иными словами, что даже с христианской точки зрения еврейское неприятие христианства провиденциально, а не есть следствие какой-то еврейской «жестокости». Смысл этого, как указывает Бенедикт XVI, состоит в том, что Иисус не завершил исполнение мессианских пророчеств и мир еще «недоискуплен», завершится же искупление мира лишь со «Вторым Пришествием». Евреи же «перфекционисты», они не могут признать Иисуса Мессией, пока вся мессианская работа не будет завершена. Соответственно, непризнание евреями Иисуса как Мессии постоянно напоминает христианам о незавершенности глобального процесса искупления мира; и лишь при Втором Пришествии евреи смогут согласиться с его мессианством. Таким образом, согласно этой концепции, евреи в принципе не должны становиться христианами.

33. Общее будущее и взаимное духовное обогащение Однако самое главное для диалога – это не столько общее прошлое, общее наследие, сколько осознание общего будущего. И здесь есть два аспекта. Во – первых, это осознание общего стремления к одному и тому же – к приходу Мессии, «окончательное пришествие» которого евреи и христиане понимают одинаково, в духе пророчества Исайи о том, что «перекуют мечи на орала». Именно понимание того, что у обеих сторон наличествует стремление к общей цели, является основой диалога.

Второй аспект, придающий жизненность диалогу – это «взаимно полезный духовный обмен», понимание каждой из сторон того, сколь сильно она сама может духовно подняться и улучшиться, если будет смотреть на другую сторону не как на глупого и не понимающего очевидных истин враждебного конкурента, но попытается понять двухтысячелетнюю жизнь второй стороны (и также историю себя самой) как раскрытие Откровения в ходе истории, которое должно быть для всех нас материалом для лучшего понимания себя, мира и путей Бога.

34. Совместное продвижение не требует согласия по всем вопросам

Здесь, в завершение вводной части книги, хотелось бы привести следующий анекдот:

Пришел Мессия. К Мессии с одной стороны подбегает христианин, а с другой стороны еврей. Христианин говорит Мессии: «Подтверди, что ты пришел сейчас уже во второй раз!» Еврей говорит Мессии: «Подтверди, что ты сейчас пришел

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org только в первый раз!» Мессия отвечает обоим: «No comments! Этот вопрос я предпочитаю оставить без ответа...»

Иными словами, евреи и христиане имеют одинаковые взгляды на то, какое устройство жизни и мира будет являться правильным («Приход Мессии»), в чем состоит цель человечества и к чему следует стремиться – в определении критериев ожидаемого прихода Мессии иудаизм и христианство совпадают. Соответственно, мы должны осознать вторую сторону как помощника, а не как врага – и, исходя из этого, совместно действовать, чтобы продвинуть человечество к мессианским временам.

А будет ли это пришествие первым (как считают евреи) или вторым (как считают христиане), в каком именно смысле он будет «богочеловеком» и как в точности следует понимать некоторые из пророчеств древности – это все мы сможем уточнить у самого Мессии, если он согласится отвечать на подобные вопросы. Или не сможем уточнить, если он не захочет давать нам свои комментарии, и тогда нам придется остаться с теологическими разногласиями – которые, видимо, после достижения этого уровня станут менее важными.

До того, как это произойдет, еврейство и христианство невозможно соединить, при том что можно и нужно понять взаимодополнительность иудаизма и христианства и развивать взаимопонимание между ними. Именно для продвижения мира к временам Мессии нам важно осознать несоединимость евреев и христианства и подчеркнуть взаимный отказ от попыток переубеждения другого, что означает смирение в понимании Божественной бесконечности; и одновременно осознать их взаимодополнительность, что означает признание провиденциальности того, что два тысячелетия еврейско-христианского спора не принесли «победу» ни одной из сторон.

А это означает, что на каждую из сторон возложена своя отдельная задача: евреям – способствовать исправлению, улучшению и продвижению еврейского вектора в мире, делясь при этом с христианством своим духовным опытом; христианам – способствовать исправлению, улучшению и продвижению христианского мира, делясь при этом с иудаизмом своим духовным опытом. Каждый здесь отвечает за свой участок работы по исправлению мироздания и должен понимать, что деятельность другого дополняет его работу, а не мешает ей.

Соответственно, если мы займемся общей деятельностью по улучшению нашего совместного мира западной цивилизации, исходя из ощущения духовного уважения к другому, общности источников, хоть и толкуемых по – разному, и общности целей – то тогда мы и сможем достигнуть взаимопонимания и продвижения мира.

Часть первая. Невозможность совмещения: почему вера христианства не подходит для евреев

Почему вера христианства не подходит для евреев

Эта часть посвящена классическим и стандартным проблемам еврейско – христианских взаимоотношений; она объясняет, почему вера христианства, – при том, что христианство само возникло из иудаизма и так много сделало для духовного прогресса человечества – не подходит в качестве веры для евреев.

Эта часть не претендует на то, чтобы сказать новое слово в теологии. Она, в большей степени, является «ликбезом», базовым знанием – без которого, однако, невозможно обсуждать проблему и вести диалог.

(В подготовке этой части были использованы материалы из книги Д. Прейгера и Дж. Телуш-кина «Восемь вопросов об иудаизме».)

Глава 1. Почему евреи не признают Иисуса мессией

1.1. Нереализация Иисусом мессианских пророчеств

Одним из фундаментальных положений христианства является идея о том, что Иисус из Назарета – это уже пришедший Мессия. Само слово «Христос» есть греческий перевод слова «Мессия» («Машиах», буквально «помазанник») – и, таким образом, эта идея лежит в самой основе христианской веры. Почему же евреи отвергают признание Иисуса Мессией?

Для того чтобы можно было решить, является ли Иисус Мессией, нужно, прежде всего, разобраться с самим термином «Мессия», понять, что же именно он включает в себя. Прежде всего, надо иметь в виду, что само понятие «прихода Мессии» введено пророками древнего Израиля; именно наличие их пророчеств и заставляло людей ожидать прихода Мессии. Таким образом, если человек объявляет себя (или кто-то объявляет его) Мессией, то следует проверить, соответствует ли этот человек пророчествам о Мессии, совершил ли он то, что древнееврейские пророки ожидают от Мессии.

В древних библейских пророчествах Мессия [17 – Помазание особым маслом (елеем) было частью церемонии, проводившейся в древности при возведении царей на престол. Поэтому слово «Машиах», на иврите также означает царь; эта концепция («царь – помазанник Божий») вошла и в европейскую культуру.] – это царь и духовный вождь еврейского народа. При жизни и правлении Царя – Мессии совершится процесс Геулы, Избавления, – иначе говоря, освобождение и возрождение всего мира. Пророки объясняют, что это возрождение и исправление мира понимается не в переносном, «потенциальном» или «чисто духовном» смысле, но что оно должно осуществиться в объективной реальности, являться явным и несомненным для всех людей. Прежде всего, во времена Мессии прекратятся войны, настанет всеобщий мир и благоденствие, и все люди, наслаждаясь покоем и гармонией, смогут посвятить себя познанию Бога и духовному совершенствованию.

Наиболее важное из этих пророчеств, являющееся критерием прихода Мессии, хорошо известно каждому – это знаменитое «перекуют мечи на орала». Пророк Исайя (2:4), описывая дни пришествия Мессии, подчеркивает, что они будут эпохой полного окончания войн:

«И перекуют (все народы) мечи свои на орала [плуги], и копья свои – на серпы; не поднимет народ меча на народ, и не будет больше учиться воевать».

т. е. мир, всеобщее братство людей и прекращение насилия – самые главные приметы наступления мессианских времен, Исайя также подчеркивает (60:16–22), что мессианские времена – это эпоха всеобщей социальной справедливости и духовного расцвета:

«...И тогда узнаешь ты, что Я – Господь, спасающий тебя и избавляющий тебя, Могучий Якова... И поставлю вместо надзирателей твоих мир и вместо притеснителей твоих – справедливость. Не слышно будет более насилия в земле твоей, грабежа и разрушения – в пределах твоих, и назовешь стены твои спасением и ворота твои – славой. Не солнце будет светить светом дневным для тебя, и не луна будет сиять тебе, но будет тебе Господь светом вечным, и Бог твой – великолепием твоим. Не зайдет уже солнце твое, и луна твоя не скроется, ибо Господь будет для тебя светом вечным, и окончатся дни скорби твоей. И народ твой – все праведники, ветвь насаждения Моего, дело рук Моих во славу навеки унаследуют эту страну... Я, Господь, в назначенное время ускорю это».

А пророк Иеремия (23:5–6) говорит о Мессии, потомке Давида, так:

«Вот, наступят дни, – сказал Господь, – когда взрашу Я Давиду праведного потомка, и будет он царствовать, и будет мудр и удачлив, и будет вершить суд и правду на земле. Во дни его Иеуда будет спасен, и Израиль будет жить в безопасности; и вот имя его, которым назовут его: Господь – справедливость наша». [18 – Кстати, интересно отметить, что неверное понимание библейского иврита послужило причиной того, что многие христианские теологи трактовали встречающееся у Иеремии имя Мессии «Господь – справедливость наша» (и подобные имена у других пророков, как, например, Исайя 9:5: «... и назовут имя его: “Могучий Бог, Отец вечности, Властитель мира, советующий чудесное”») – как якобы «доказательство» того, что пророки отождествляли Мессию с Богом, т. е. как намек на «воплощение». На самом деле это довольно распространенный вид ив-ритских имен, являющихся определенными высказываниями о Боге («теофорные имена»). По сути, даже имена Исайя и Даниэль тоже являются высказываниями о Боге (Исайя: букв.

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org «Господь – спасение мое»; Даниэль: «Бог – Судья мой»). Более длинные подобные имена, из нескольких слов, тоже встречаются довольно часто. Например, Моисей называет построенный им жертвенник «Господь – чудесное знамя мое» (Исход 17:15), но никому еще не пришло в голову утверждать на этом основании, что Моисей отождествил жертвенник с Богом.]

Во всех этих пророчествах есть одна очень существенная особенность: Гдля еврейских пророков духовное возрождение мира неотъемлемо от объективных социальных перемен в реальной действительности?! Мессия пророков – это не божество, а реальный человек из плоти и крови, потомок царя Давида. При этом в центре внимания пророков (находится, в сущности, не сама личность Мессии, а те задачи, перед ним стоящие, те изменения, которые он вносит в мир) Это общая и характерная черта мировосприятия иудаизма, для которого истинная духовность всегда реализуе тебя в материальном: человек для того и создан на земле, чтобы одухотворить, освятить и возделать окружающий материальный мир – и себя вместе с ним.

Только осознав реалистический характер мессианских предсказаний древнееврейских пророков, мы можем представить себе, каким страшным ударом для учеников Иисуса явилась смерть того, кого они считали потенциальным Мессией. Ведь, как известно из евангелий, и сам Иисус, и его ученики, как и все другие евреи в его время, безусловно признавали авторитет пророков[19 – См., например, Евангелие от Матфея, где Иисус говорит: «Я пришел не для того, чтобы отменить Закон [Тору] или Пророков... Истинно говорю вам: пока существуют небо и земля, ни одна буква не исчезнет из Закона...» (5:17–18)]. Иисус погиб, так и не осуществив ничего из того, что было предназначено и чего ждали от мессианских времен, – как же теперь можно было продолжать верить в его мессианство[20 – Приведем один интересный эпизод, который может пояснить эту проблему. Один из выдающихся раввинов начала XX века путешествовал по России и в поезде оказался свидетелем разговора между христианским миссионером и несколькими глубоко религиозными, но не очень образованными евреями. Евреи как раз высказали свою убежденность в правоте подхода еврейских мудрецов к вопросу о Мессии. «Если так, – спросил христианин, – то как вы можете объяснить то, что рабби Акива, один из величайших мудрецов Талмуда, вначале принял Бар – Кохбу (вождя еврейского восстания против римлян, 133 г. н. э.) за Мессию?» Евреи смутились и не знали, что ответить. Раввин, до тех пор не вмешивавшийся в разговор, повернулся к христианину и спросил: «А откуда Вы знаете, что Бар – Кохба не был Мессией?» – «Это очевидно, – ответил тот, – Бар – Кохба погиб, не принеся освобождения». «Так примените этот ответ к своим собственным доводам об Иисусе», – предложил раввин миссионеру.]] Мы можем представить себе, что немало евреев, страстно ждавших Избавления и привлеченных яркой личностью Иисуса, считали его потенциально возможным Мессией. Его смерть поставила их перед тяжелой дилеммой: с одной стороны – пророчества, ясно объясняющие, какие деяния должен совершить Мессия; с другой стороны – их мессианские надежды на Иисуса, который этих пророчеств не реализовал, и, следовательно, мессианские времена еще не пришли. Большинство евреев, из тех, кто надеялся на Иисуса, с горечью признались себе в том, что они ошиблись, и что Бог еще не послал Избавления Своему народу: Мессия еще не пришел. Вновь нужно было ждать истинного Спасения – ждать столько, сколько будет нужно, как бы ни была сильна тоска по Избавлению.

Но были среди современников Иисуса и такие люди, которые уже не в силах были отказаться от того, во что они так страстно уверовали. Слишком яркой была вспышка надежды, слишком сильной – боль утраты, чтобы взглянуть в лицо горькой правде. Они уже не могли отступать. Оказалось, что для этой небольшой группы легче было подогнать пророчества под конкретные факты жизни Иисуса, чем применить к его деятельности определения и критерии, переданные нам пророками.

Предваряя дальнейшее – обсуждение;– мы хотели бы здесь отметить, что, глядя из исторической перспективы прошедших двух тысячелетий, мы видим, что последствия действий этой группы сторонников Иисуса оказались очень важны для мира. Возникшее на этой основе христианство принесло монотеизм сотням миллионов людей, и в этом, конечно, нельзя видеть «случайность» или, тем более, «ошибку» – здесь, скорее, надо видеть Руку Провидения. При этом, признавая важность и историческую роль христианства, мы отнюдь не должны закрывать глаза на те искажения слов древних библейских пророков, на которые пошли ученики Иисуса для обоснования своих идей.

История не знает сослагательного наклонения, и не нам судить о «добре и

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org зле» тех или других провиденциальных исторических процессов. Признавая появление и распространение христианства провиденциальным актом, призванным распространить главные еврейские идеи человечеству (точно также, кстати, как мы не можем считать «исторически ненужной случайностью» появление ислама еще через почти шесть столетий), – мы отнюдь не считаем, что христианство, с точки зрения иудаизма, является «правильной религией». В иудаизме нет заповеди миссионерства – но есть, так сказать, Божественный план распространения монотеизма для всего человечества, и христианство является одним из его элементов. Мы должны одновременно понимать как важность и провиденциальность христианства, так и те искажения, которые на сегодняшний момент зафиксировались в нем[21 – Подчеркнем, что мы считаем, что каждая из религий – как иудаизм, так и христианство – имеет свой, отличный от других, опыт раскрытия исходных (и общих) Божественных истин, и они могут вполне плодотворно обмениваться этим опытом. Эти новые, возникшие в последнее время возможности взаимообогащения подробнее рассматриваются ниже, во второй части книги. В данном же параграфе мы только хотели бы подчеркнуть, что все центральные и принципиальные идеи христианской духовности являются в своей основе идеями иудаизма, воспринятыми и изложенными таким образом языком, который был бы близок и понятен народам мира.]].

Вернемся же теперь к кризису, происшедшему у учеников Иисуса после его смерти.

1.2. Христианское изменение критериев прихода Мессии

Группа евреев, сторонников Иисуса, во – первых, отказалась поверить в его смерть и провозгласила Иисуса воскресшим. Во – вторых, они стали пытаться по-новому истолковать библейские пророчества, чтобы вложить в них иные, несоответствующие прямому тексту смыслы – такие, которые допускали бы мысль о том, что Мессия может погибнуть, не принеся ожидаемого Избавления. Иначе говоря, они искали у пророков не истину, а подтверждение своих представлений о том, что Иисус является долгожданным Мессией (подробнее о христианских толкованиях пророческих книг см. ниже). Концепцию Мессии, переданную нам пророками, они заменили на совершенно новую, а именно – стали утверждать, что Мессия должен прийти дважды. Смерть Иисуса, свидетелями которой были его современники, должна быть отнесена к первому приходу – при котором Мессия, по их утверждению, вовсе и не должен был изменить объективный мир и принести Израилу реальное освобождение. Сфера его деятельности при первом приходе была перенесена в мистические области, недоступные восприятию обычного человека; ее целью было объявлено мистическое «искупление первородного греха»[22 – Ниже (в главе 8) мы рассмотрим различия между еврейским и христианским подходами к проблеме первородного греха.], которое отныне и рассматривалось как новый вариант Спасения. Иными словами, поскольку реального Спасения, которое люди могли бы наблюдать, ощутить и проверить, не произошло, то этим «спасением» был объявлен якобы произошедший мистический акт «спасения от греха», реально никак не проявляющийся в объективных явлениях внешнего мира и потому непроверяемый. Это принципиальное изменение критериев прихода Мессии дало сторонникам Иисуса возможность «сидеть на обоих стульях» и считать, что Мессия уже пришел, и при этом, отодвинуть «до второго пришествия» реализацию тех мессианских задач, о которых говорили древние пророки, ибо только тогда, по их мнению, воскресший Иисус снова явится людям и осуществит, наконец, все, что предназначено совершить Мессии[23 – Еще раз отметим, что распространенное в христианском мире мнение, что «еврейские представления о Мессии были сугубо материальными, как о имеющем политическую власть в мире, а христианство изменило представление о Мессии на духовно – возвышенное», и что, якобы, «евреи не приняли их именно из-за своего материализма» – совершенно неверно, т. к. и по христианским представлениям Мессия точно так же должен будет иметь «материально – политическую власть в мире», но это событие настанет лишь во время «Второго Пришествия», куда христиане перенесли, нисколько там их не изменив, все еврейские представления о приходе Машиаха – Мессии.]].

Естественно, что такая подмена мессианской задачи не была принята еврейским народом, и с этого момента пути еврейства и христианства начали расходиться (они окончательно разошлись тогда, когда христиане объявили Иисуса Богом – см. об этом ниже).

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org Надо подчеркнуть, что мы отнюдь не утверждаем, будто ученики Иисуса сознательно решили обмануть окружающих и подменить древнееврейские пророчества новой выгодной им концепцией. Их взгляды сформировались в эпоху, полную трагедий и катаклизмов, под мощным давлением исторических катастроф – и конечно, были искренними. Но изучение процесса, приведшего к формированию их взглядов (и других подобных процессов в истории) дает основание для известного скептицизма, причем не в отношении их искренности, а в отношении их способности объективно оценить реальную ситуацию.

Надо также отметить, что всевозможные рассказы о чудесах и исцелениях, совершенных апостолами, свидетельства апостолов о видении воскресшего Иисуса и тому подобные истории, на которых многие христиане основывают свою веру – не являются чем-то особенным в истории религий. Во всех религиях есть сведения о подобных чудесах, совершенных их мудрецами и чудотворцами. При том, что эти рассказы очень важны для последователей – они, разумеется, никак не могут выступать в качестве аргумента в обосновании истинности этой религии. Дело тут, конечно, не в сознательном обмане (в этом мы никого из них не подозреваем), а в том, что ученики, жаждущие подтверждения мессианской роли своего «учителя» – склонны легко обманываться.

1.3. Исторические параллели: схема формирования мессианского образа в христианстве и в саббатизме

В еврейской истории не один раз появлялись харизматические народные вожди, в связи с деятельностью которых вновь и вновь вставал вопрос об истинном и ложном Мессии и о признаках и критериях, по которым можно его узнать. Психологические процессы, происходившие в народном сознании в эти эпохи, зачастую были очень похожи на формирование христианской мессианской модели. В частности, чрезвычайно наглядную параллель с возникновением христианской концепции представляет собой саббатизм – движение Шабтая (Саббата) Цви, объявившего себя Мессией в XVII веке в Турции. Поскольку движение Шабтая Цви имело место исторически относительно недавно и хорошо документировано, мы имеем возможность проследить в деталях процесс трансформации взглядов группы последователей нереализовавшегося Мессии.

(Мы, конечно, отнюдь не собираемся сравнивать учение, личность или влияние на мир Иисуса и Шабтая Цви – они совершенно различны: влияние Иисуса огромно, а Шабтая Цви – весьма незначительно. Но те механизмы реформирования образа Мессии, которые были проведены учениками обоих этих лидеров, оказались весьма схожими.)

Шабтай Цви, еврей из Смирны (Измир, западная Турция), основавший во второй половине XVII века широкое мессианское движение среди евреев Европы и Ближнего Востока, был одним из наиболее ярких и удачливых претендентов на роль Мессии в еврейской истории. Обладая большими способностями к убеждению и чертами харизматического лидера, он привлек к себе огромное число сторонников. Его посланцы с «благой вестью об Избавлении» ездили по всему миру, и многие еврейские общины почти целиком перешли на его сторону. Успех Шабтая Цви достиг апогея летом 1666 г., когда, по – видимому, большинство евреев в мире всерьез поверили в то, что он является Мессией. Однако в сентябре того же года турецкий султан арестовал Шабтая Цви и поставил его перед выбором: переход в ислам или смерть. Шабтай Цви выбрал переход в ислам. Он умер через десять лет, будучи мусульманином.

Ренегатство «Мессии», невыполнение им мессианских пророчеств было таким же ударом для последователей Шабтая Цви, как смерть Иисуса для ранних христиан. И вновь большинство евреев признали свою ошибку и смирились с новым разочарованием. Но были и такие, кто настолько увлекся, что уже не смог отказаться от своей веры в якобы пришедшего Мессию. Они должны были найти объяснение случившемуся – и поразительны совпадения тех оправданий, которые находили своему учителю приверженцы Шабтая Цви, с утверждениями ранних христиан.

Отдельные фразы Шабтая Цви были истолкованы так, как будто бы он заранее предсказывал свое обращение в ислам. Его возвращения тоже ждали – сначала его возвращения к иудаизму из ислама, а потом его возвращения из могилы. Факт его смерти тоже отрицали, причем и в этом случае мы находим «свидетельские показания» о пустой могиле. Ученики Шабтая Цви снова и снова

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org перечитывали книги Пророков, чтобы найти то, чего до сих пор там никто не находил, – на этот раз указание на то, что Мессия перейдет в другую веру, не принеся мира Земле и освобождения Израилю. И вновь поиски увенчались успехом. В главе 53 книги Исаяи, с пристрастием читавшейся как христианами, так и саббатанцами, есть такие слова: «Болезни наши переносил он, и боли наши терпел он, а мы считали, что он поражаем, побиваем Богом и истязаем. Изранен он преступлениями нашими, сокрушен грехами нашими» (стихи 4–5). Согласно традиционным еврейским комментариям, эти слова произносят народы мира, пораженные стойкостью Израиля. Христиане относят слово «изранен» (ивр. «мехолаль») к Иисусу и обычно понимают его как «пронзен», находя, таким образом, у пророка Исаяи предсказание о мучениях Иисуса; саббатанцы же толкуют слово «мехолаль» как «осквернен» (грамматически возможны оба прочтения) и воспринимают тот же самый стих как пророчество о том, что Мессия перейдет в другую веру.

И, наконец, необходимо было объяснить религиозную ценность измены Шабтая Цви и его катастрофического конца. Решение этой проблемы, как и в случае генезиса христианства, было найдено в перенесении задач Мессии при первом его приходе с уровня объективного и видимого – на уровень мистический и невидимый. Для того, чтобы найти оправдание столь странному завершению жизненного пути Шабтая Цви, его приверженцам пришлось прибегнуть к мистическим аргументам: по их мнению, Мессия Шабтай должен был проникнуть в глубины мирового зла, чтобы войти в контакт с заключенными в нем искрами святости, соединиться с ними, а затем, открыв ворота зла изнутри, вывести их наружу и принести освобождение этим искрам и – посредством этого – всему миру. (К сожалению, здесь нет места для подробного анализа созданного последователями Шабтая Цви мистического объяснения, основанного на искаженной интерпретации некоторых идей Каббалы, – объяснения, возможно, даже более утонченного, чем христианский вариант решения аналогичной проблемы.)

В конце концов, небольшой группой последователей Шабтая Цви был сделан также и последний шаг, и они объявили его «воплощением Бога». Остальные евреи после этого окончательно отвернулись от этой группы. Просуществовав около ста лет, движение саббатанцев в основном распалось, хотя отдельные последователи этой секты («денме») имеются в Турции до сегодняшнего дня.

(Надо отметить, что и еврейские группы в раннем христианстве существовали в течение примерно того же периода времени; после этого они распались, и христианство продолжило свою жизнь именно как нееврейская религия. В отличие от первохристиан, обратившихся к нееврейской аудитории, последователи Шабтая Цви не сделали этого – может быть, потому, что вокруг них уже не было язычников, подходящих для обращения в монотеизм.)

Таким образом, генезис двух концепций «нереализовавшегося Мессии» – христианства и саббатанства – проходил по одной и той же схеме. В обоих случаях деятельность кандидата в Мессию завершалась так, что, казалось бы, возможность веры в его мессианство была исключена, – и в обоих случаях невозможное становилось возможным, благодаря тому, что представление о роли Мессии в этих учениях было постфактум изменено таким образом, чтобы оно соответствовало судьбе данного кандидата на эту роль. Иными словами, происходило подстраивание мессианской концепции под данную конкретную личность.

И в том, и в другом случае еврейский народ нашел в себе силы пережить горечь разочарования и остаться верным своей религии и первоначальному Божественному Откровению, переданному через пророков. Поскольку библейское пророчество о Мессии оставалось неисполненным, вывод можно было сделать только один: спасение еще не пришло. Для евреев, в своем ожидании постоянно подвергавшихся насмешкам со стороны других народов («Где же ваш Мессия?»), этот вывод был более чем болезненным. Но он был неизбежен – если только мы хотим быть честными перед собой, перед историей, перед нашим Священным Писанием и перед Богом. В несчастье и в веселье, во времена Катастрофы и в эпоху возрождения еврейского государства, верные Торе и своему наследию евреи могут только повторить слова своих предков: «Я верю полной верой, что Мессия еще придет. И, хоть он и медлит, я буду каждый день ждать его прихода».

2.1. Важность для христиан нахождения «предсказаний об Иисусе» в Еврейской Библии

В течение более чем двух тысячелетий Еврейская Библия (Танах, «Ветхий Завет» христианской Библии) была свидетельницей многих великих исторических эпох, снова и снова оказываясь в центре внимания народов мира. Невозможно переоценить тот громадный вклад, который она внесла в мировую историю и культуру, в развитие этических, политических и социальных учений. Книга, в которой описывались события древней истории евреев, сыграла огромную роль в истории народов Запада и Востока. Но при этом она всегда оставалась тем же, чем была с самого начала, – Учением, Законом и историей небольшого древнего ближневосточного народа – евреев, написанной на их языке – древнееврейском, или иврите.

Уникальная роль этого Текста в мировой культуре определила интерес нееврейских народов к иудаизму. Задолго до появления христианства иудаизм пользовался большой популярностью среди неевреев, в особенности – интеллектуалов эллинистической эпохи.

Многие знаменитые учителя и мудрецы, упоминающиеся в Талмуде, были прозелитами (т. е. бывшими неевреями, принявшими иудаизм) или происходили из семей прозелитов – греков, римлян, персов – при том, что сами евреи не стремились привлечь прозелитов, и все эти люди приходили к иудаизму самостоятельно. Глубоким интересом к учению иудаизма объясняется тот факт, что уже в III в. до н. э. по особому заказу александрийского царя Птолемея II Филадельфа [24 – Перевод этот известен под названием Септуагинты, или «перевода семидесяти толковников». Сообщения о переводе содержатся в некоторых исторических памятниках древности, в частности, в Талмуде (трактат Мегила 9а и др.). Согласно Талмуду, «семьдесятю мудрецами» была переведена только Тора (Пятикнижие Моисеево), но не книги Пророков и Писаний. Принятый ныне в греческой православной церкви текст Септуагинты, содержащий перевод всего Священного Писания, сделан в более позднее время и не является древней Септуагинтой.] был осуществлен перевод Торы на греческий язык.

Популярность иудаизма в значительной степени послужила основой для последующего распространения учения христианства, которое явилось как бы «формой иудаизма для неевреев», содержащей миссионерский компонент. Христиане являлись к языческим народам под видом законных представителей и продолжателей иудаизма; их проповедники выдавали себя за последователей знаменитого Моисеева Учения, утверждая, что вера христиан проистекает из Писания, а основоположник их учения является новым еврейским пророком, дополнившим и развившим иудаизм. Однако с древнейших времен христиан беспокоил один неприятный факт: в то время как распространение христианства среди язычников почти не встречало идейного сопротивления, евреи, от имени которых говорили христиане, не желали признавать христианскую интерпретацию Еврейской Библии. В отличие от языческих народов, нехристианство которых объяснялось их «незнанием», тем, что до них «не дошла пока еще благая весть», и т. п., евреи как раз отлично знали то Священное Писание, которым христиане обосновывали свою веру, и отвергали христианство именно ввиду своего знания текстов Пророков. Такое еврейское отрицание было в течение веков источником глубоко скрытого «комплекса обиды» всего христианского мироощущения (комплекса, прорывающегося также в насилии и в ненависти). Христиане воспринимали евреев как «живое обличение христианства», и поэтому на протяжении почти всей своей истории христианство не прекращало попыток любым путем обратить евреев в свою веру. (Ситуация начала меняться только в самое последнее время, см. об этом в гл. 10.)

В течении веков для христиан одним из путей подтверждения своих претензий на еврейское наследие была подгонка, с помощью тенденциозных переводов, текста Еврейской Библии под христианскую догматику. Эти переводы делались так, чтобы увязать христианство с «Ветхим Заветом» и представить его как якобы естественного наследника религии пророков. В противном случае христианство лишалось связи с известным всему древнему миру Синайским Откровением и теряло одну из главных опор своей боговдохновенности.

Для того чтобы доказать преемственность между Еврейской Библией и Новым Заветом, книгой новой религии, уже в раннюю эпоху существования

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org христианства был составлен целый список стихов, взятых из еврейского Священного Писания, якобы свидетельствующих, что события, произошедшие с Иисусом, были предсказаны библейскими пророками. Евреев, которые продолжали читать ТаНаХ в оригинале и, конечно, не находили в нем никаких доказательств христианства, обвиняли в жестокостью, в «упрямом отрицании очевидных фактов, свидетельствующих о Христе». На протяжении многих веков иудаизм находился на положении ответчика перед господствующей христианской церковью. В бесконечных диспутах с евреями[25 – Следует отметить, что диспуты с евреями и в новейшее время часто рассматривались христианами как миссионерская деятельность с целью обращения евреев в христианство, а вовсе не как совместный поиск истины. Либеральный протестантский богослов (кстати, дружелюбно относившийся к евреям), Карл Людвиг Шмидт, откровенно высказал это во время диспута с еврейским философом Мартином Бубером в 1933 году: «Евангельский богослов, которому приходится говорить с вами, должен говорить с вами как член церкви Иисуса Христа, должен стремиться говорить таким образом, чтобы передать еврейству послание Церкви. Он должен это делать даже тогда, когда вы не стали бы приглашать его делать это. Утверждение христианской миссии в разговоре с вами может иметь у вас несколько горьковатый привкус и рассматриваться как нападение. Однако такое нападение как раз и влечет за собой заботу о вас, евреях, – дабы вы могли жить вместе с нами как братья на нашей германской родине и во всем мире...»] проповедники христианства из поколения в поколение повторяли одни и те же аргументы «списка свидетельств», совершенно игнорируя разъяснения и ответы своих оппонентов[26 – Типичным примером является диспут Нахманида, один из наиболее известных и хорошо документированных диспутов, имевший место в XIII веке в Испании. Отрывки из книги Нахманида, в которой он пересказывает ход диспута, см. в гл. 9.]

Для человека, который верит в то, что еврейское Священное Писание есть величайшее откровение Бога миру, содержащее в себе пророчества на все времена, жизненно важно найти в нем подтверждение своим религиозным воззрениям. Именно поэтому христиане и, в особенности, иудео – христиане, всегда приводят эти пророчества как одно из обоснований своей веры; на них же опирается провозглашение христианства «Новым Израилем».

Подробная критика христианского списка доказательств требует детального анализа еврейского текста Библии. Поэтому мы разберем здесь только одно из них – самое известное и наиболее широко цитируемое. Анализ некоторых других, наиболее часто выдвигаемых христианскими миссионерами доказательств, см. ниже.

2.2. Существует ли у пророка Исая предсказание о непорочном зачатии

Один из основных догматов христианства – это положение о чудесном рождении Иисуса. Согласно христианскому вероучению, Иисус родился от девственницы, чудесным образом зачавшей его без мужчины. Этот догмат связан с известным текстом Евангелия от Матфея (1:22):

Да сбудется реченое Господом через пророка (Исайя, 7:14): Итак, Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве примет, и родит Сына, и нарекут ему имя Иммануэль. [27 – Напомним, что написание слов «Дева» и «Сын» с заглавной буквы было введено только в христианских переводах книги Исая на греческий и другие европейские языки. В оригинальном еврейском тексте Библии этих заглавных букв нет, поскольку в иврите вообще нет заглавных букв, и в контексте книги Исая они отнюдь не подразумеваются.]

Таким образом, догмат о непорочном зачатии обоснован ссылкой на книгу Исая. Утверждение о том, что Исайя предсказал непорочное зачатие Иисуса, играет важную роль в христианском богословии. Проблема, однако, в том, что ивритское слово «алма», которое употребляет Исайя, однокоренное со словами «эле́м» – «юноша», «отрок» (см. Самуил I 17:56) и «алумим» – «юность» (см. Исайя 54:4; Псалмы 89:46), означает совсем не «девственницу», а любую девушку или молодую женщину [28 – Т. е. точный русский перевод этого слова – «молодка», что совсем не свидетельствует о «девственности»]. Это особенно ясно видно, например, из контекста, в котором употребляется это слово в притчах Соломона (30:19):

Три вещи сокрыты от меня, и четырех я не знаю: путь орла на небе, путь змеи на скале, путь корабля среди моря, путь мужнины в молодой женщине («алма»).

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org
Таков и путь блудницы: поела, обтерла рот свой и говорит: Не сделала я ничего худого.

Четыре пути, о которых говорится в начале стиха, потому и сходны с путем блудницы, что они не оставляют видимых следов. Но ведь «путь мужчины в женщине» не оставляет следов именно в том случае, если она уже утратила девственность. Таким образом, из самого смысла отрывка однозначно следует, что слово «алма» не означает девственницу[29 – Девственница на иврите – «бетула» (см. Левит 21:3; Второзаконие 22:19; Иезекииль 44:22; Иоиль 1:8)]¹ Если бы Исая имел в виду именно необычайный факт рождения ребенка у девственницы, то он, несомненно, употребил бы именно это слово.]; соответственно, перевод слова «алма» у Исаяи как «Дева» есть очевидная ошибка в понимании еврейского текста.

Таким образом, текст Исаяи не имеет никакого отношения к догмату о непорочном зачатии. Это становится еще более очевидным при обращении к тому контексту, из которого взят стих о рождении ребенка по имени Иммануэль. Пророк Исаяя выходит навстречу иудейскому царю Ахазу и говорит ему, что он не должен бояться выступивших против него соединенных армий северного Израильского царства (Эфраима) и Рецина, царя Арама, и ни в коем случае не должен обращаться за помощью к Ассирии. Он вскоре сможет победить их собственными силами, и вот ЗНАК, который подаст царю Ахазу Всевышний: эта молодая женщина – «алма» – забеременеет и родит сына, которому нарекут имя Иммануэль (дословный перевод: «С нами Бог»), и прежде, чем этот сын вырастет, не останется следа от армий Эфраима и Арама.

Вообще говоря, Божественный «знак» (ивр. «от»), на который указывают пророки в подтверждение своих слов, отнюдь не всегда является чудом, нарушающим законы природы (как, например, в книге Исход 3:12); зачастую обычное событие, предмет или человек могут стать символами, напоминающими людям о Божественном Провидении, о пророчестве и о его исполнении. В данном случае, рождение ребенка в ближайшее время – близкое будущее, должно стать знаком падения Эфраима и Арама – более отдаленного будущего. Далее (8:10,18) Исаяя говорит отступникам:

Держите совет, но он расстроится; изрекайте решение, но оно не осуществится, ибо с нами Бог (ивр. тману Эль)... Вот я и дети, которых дал мне Господь, как знак («от») и знамение в Израиле от Господа, Бога Воинств, обитающего в Сионе[30 – Из слов «я и дети, которых дал мне Господь» большинство комментаторов делает вывод, что мальчик по имени Иммануэль, долженствующий быть знаком Божественной воли, – есть не кто иной, как сын самого Исаяи, а его мать, жена пророка Исаяи, – та самая «алма», о которой говорится в пророчестве. Таким образом, «знак» заключался в том, что будет беременна и родит именно данная женщина, жена пророка Исаяи, и раньше, чем его сын вырастет, ничего не останется от нападающих на Иудею армий. (Вообще ситуация, при которой сам пророк и его семья являются «видимым знаком» и символом для окружающих, нередка в Писании – см., например, подобную ситуацию в книге пророка Осии).].

Итак, использование слов Исаяи как «доказательство» мессианства Иисуса основано на искаженном понимании библейского иврита. Интересно, что в недавнем издании Новой английской Библии этот стих в разных местах переводится по – разному: в переводе самой книги Исаяи слово «алма» переведено как «young woman» («молодая женщина»), а в переводе Евангелия от Матфея (в той же цитате от Исаяи) – как «Virgin» («Дева»). Это поучительный пример противоречивой установки переводчиков: с одной стороны – требования языковой точности и научной добросовестности, с другой стороны – верность христианскому догмату. Переводчики Евангелия от Матфея не могли перевести это слово иначе как «Дева» – в противном случае разрушалось все обоснование христианского догмата о непорочном зачатии. Но, стараясь быть научно добросовестными, они в самом тексте Исаяи не стали употреблять слово «Дева», т. к. это не соответствует значению слова «алма».

Евреи, знакомые с еврейским текстом Исаяи, с самого начала видели несоответствие в христианской ссылке на «Ветхий Завет» и не могли согласиться с тем, что чудесное рождение Иисуса якобы было предсказано древними еврейскими пророками, – в то время как другие народы, желавшие присоединиться к монотеизму, но не знакомые с текстом Пророков, принимали эти доводы на веру.

Отметим, что мы не хотим здесь сказать, что в Евангелии была произведена

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org прямая подтасовка текста Исаяи. Возможно, вначале это была просто аллюзия (то, что в еврейской культуре называется «мидраш»), и лишь впоследствии ее стали ошибочно воспринимать как доказательство. Возможно, также, что автор был введен в заблуждение греческим переводом[31 – В греческом переводе Исаяи слово «алма» переведено как «партенос», то есть «девственница». Как уже указывалось выше, в исходный еврейский перевод, осуществленный «семьюдесятью мудрецами», книга Исаяи не входила, и ее перевод на греческий был сделан позже, и не был достаточно точным. Редакторы Евангелий могли недостаточно знать иврит и выстроить свои теологические концепции на основе более понятного им греческого перевода.] и не очень хорошо понимал оттенки библейского иврита. Однако фактом является то, что в течение почти двух тысяч лет в качестве обоснований христианства использовались элементарные подмены в переводе. И именно такой характер имеет большинство христианских ссылок на реализацию Иисусом, по их мнению, «пророчеств Ветхого Завета»: они строятся на неточностях перевода и на произвольных толкованиях отдельных стихов, вырванных из контекста, и могут серьезно восприниматься только теми, кто не может прочесть Священное Писание в оригинале.

2.3. фиксирование искажений в христианских переводах Библии

Для иллюстрации того, как в христианских переводах библейского текста фиксировались нужные для церкви христологические искажения, мы приведем ниже отрывок из статьи Б. Хаскелевича «Переводы Библии».

«...Сомнения в истинности «доказательств», которые должны были свидетельствовать о преемственной связи между иудаизмом и христианством, возникали и у наиболее образованных людей в кругах самих христианских богословов. В этой связи немалый интерес представляет книга профессора Петербургской Духовной Академии И. А. Чистовича «История перевода Библии на русский язык»[32 – И. А. Чистович, «История перевода Библии на русский язык». СПб, 1873.], в которой, в частности, рассказывается о докторе богословия протоиерее Г. П. Павском, профессоре древнееврейского языка в Петербургской Духовной Академии с 1818 по 1827 гг. Павский был одним из тех редких христианских богословов, которые хорошо знали язык Писания. Работая со студентами, он – в основном в учебных целях – стал переводить Библию с древнееврейского на русский язык, и постепенно довел свой перевод до конца пророческих книг. Напомним, что любая попытка перевода Библии на русский язык в России в то время была строжайше запрещена: церковнославянская Библия была фактически канонизирована православной церковью, и любое отклонение от ее текста уже считалось расколом. Студенты Павского умудрились, вопреки запрету администрации, отпечатать несколько сот экземпляров отдельных его переводов Библии под видом студенческих лекций. При этом строго предупреждалось, что ни один экземпляр не должен попасть в руки посторонних лиц. Экземпляры переводов студенты хранили у себя и пользовались ими в классе на лекциях по Священному Писанию и по древнееврейскому языку.

Однако все это недолго оставалось тайной. Киевский митрополит Филарет получает из Владимира длинное анонимное письмо, написанное, как позднее оказалось, монахом Агафангелом, будущим архиепископом Волынским. В письме говорилось: «Высокопреосвященнейший Владыко! Змий начал уже искушать простоту чад св. православной церкви и, конечно, станет продолжать свое дело, если не будет уничтожен блюстителями православия... Ужели допустить, чтобы враг сеял более и более свои плевелы посреди пшеницы, чтобы яд его беспрепятственно распространялся между верующими!»

Чем же провинился протоиерей Г. П. Павский, что возбудил к себе столь ревностный гнев? Во время разбирательства в Синоде Г. П. Павскому было задано пять вопросов, содержание которых сводилось к следующему. Признает ли он, что пророчество Исаяи (7:14) «Се Дева во чреве приимет...» – говорит о рождении Иисуса Христа от Девы Марии, и если признает, то почему в заголовке к своему переводу данной главы он написал, что Исаяя говорит о событиях, связанных с временами древнеиудейского царя Ахаза? Признает ли он, что пророчество Даниила о семидесяти седмицах (Даниил 9:24) относится ко времени пришествия Христова, и если признает, то почему же он в примечаниях написал совсем другое? В том же духе следовали и остальные вопросы относительно тех мест Писания, которые церковь относит к «списку свидетельств об Иисусе» в Ветхом Завете, и которые в переводе протоиерея Павского потеряли всякий намек на явление Христова. Показательно, что члены

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org комиссии не обвиняли Павского в незнании библейского языка (для подобного обвинения их собственных знаний не хватило бы) или в преднамеренном искажении перевода. Преступление Павского заключалось в преподавании и распространении перевода, противоречащего догматам церкви. Ведь его переводы недвусмысленно свидетельствовали о том, что список «свидетельств Ветхого Завета о пришествии Христовом» лишен всякого смысла.

Павский отвечал Синоду, что он, безусловно, верит во все догматы церкви. Что же касается его лекций и переводов, то, как профессор древнееврейского языка, он не мог в них вносить ничего догматического. Уроки догматики ведет другой профессор; его же, Павского, задача – воспроизвести только ход речи и содержание Пророков. Но что касается «хода речи и содержания текста Святого Писания», то в пророческих книгах говорится, разумеется, о другой эпохе, а не о пришествии Христа!

В пророчестве Даниила о семидесяти седмицах протоиерей Павский делает еще одно открытие, сенсационное для христиан его времени. В церковнославянском переводе здесь употреблен термин «Христос Владыка».

«Древние толковники, – пишет Павский, – построили свое толкование на основании неверного греческого перевода, и особенно на имени Христос – «помазанник», прилагая его к Искупителю рода человеческого. Но кто нынче не знает, что имя сие относится и вообще к царям? И именно у пророка Исаяи сим именем назван Кир, царь персидский (45:1)».

В том же ключе – т. е. беря за основу не христианскую интерпретацию текста, но непредвзятое прочтение еврейского оригинала – были переведены и истолкованы и другие спорные стихи из Ветхого Завета: главы 10–12 и 40–46 из Исаяи, в которых, согласно толкованию Павского, говорится об избавлении еврейского народа, а вовсе не о пришествии Христа; и пророчество из Йоэля, в котором пророк предрекает евреям Божье благословение, а всем врагам – их гибель, вопреки новозаветному толкованию об излиянии святого духа на апостолов.

За подобные взгляды Павский был осужден церковным судом. После длительных допросов он покаялся, признав свои ошибки, а экземпляры его перевода было предписано разыскивать и изымать по всем епархиям, а также принять надлежащие меры, чтобы «означенный перевод не имел пагубного действия на понятия воспитанников духовных учебных заведений». Все это должно было делаться в строжайшей тайне, без огласки. Синод православной церкви хорошо сознавал, с каким взрывчатым материалом он имеет дело.

(Конец отрывка из статьи Б. Хаскелевича)

Глава 3. Неприятие идеи обожествления Иисуса

3.1. Причины неприятия евреями идеи «воплощения Бога в Иисусе»

Выше мы говорили о том, почему евреи не могут согласиться с христианской концепцией Иисуса как Мессии. Однако при всех различиях взглядов, не эта проблема является центральной. Главной проблемой, наиболее радикально разделяющей иудаизм и христианство и делающей для евреев совершенно неприемлемым христианский подход, является христианская концепция Иисуса как воплощения Бога и поклонение Иисусу как Богу в образе человека.

Ниже мы рассмотрим сначала сущностные, а затем и теологические аспекты этой проблемы.

Иудаизму свойственно представление о величии человека – самого совершенного из творений Всевышнего, создавшего человека по Своему образу и подобию. Человек неизмеримо выше остальных творений вселенной, ибо только он наделен божественной душой, внутри которой сияет божественная искра, непосредственно связанная с Творцом. Тора называет человека (всякого человека!) «сыном Божиим», подчеркивая этим его особую близость к Создателю. Человек должен стараться увеличить эту близость, подражая Всевышнему в своих делах («Будь милосерден, ибо Он милосерден; будь свят, ибо Он свят...»). Более того, на человека возложена обязанность быть как бы

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org сотворцом мироздания. Согласно учению иудаизма, Всевышний создал мир незавершенным – именно для того чтобы человек мог, выполняя свое Божественное предназначение, исправить этот мир и завершить Творение, заслужив Спасение как награду за этот труд.

И при всем этом неизмеримая пропасть лежит между Творцом и творением, между Богом и человеком. Нам дано в какой-то степени постигать лишь связь Всевышнего с миром, Божественное воздействие и руководство мирозданием (т. е. проявления Бога в мире), но никак не Его Самого. Нам не дано описать Самого Бога в словах – потому что любой язык приспособлен к явлениям и категориям этого мира и не может ухватить Его абсолютности и трансцендентности. Именно в этом состоит еврейская концепция «незримого Бога» – мы должны сосредоточиться на постижении путей Бога, на постижении того, что Бог от нас хочет, а вовсе не на постижении «Самого Бога», – ибо у нас нет даже слов, чтобы описывать или обсуждать Бога Самого.

Поэтому любая попытка представить Бога в каком бы то ни было образе, воплотить Его в каком бы то ни было существе является, с точки зрения иудаизма, примитивизацией Божественности и граничит с идолопоклонством.

Ощущение непреодолимой дистанции между Богом и человеком не должно приводить нас в отчаяние – напротив, оно позитивно и конструктивно. Сознание того, что Бог неизмеримо выше человека, является источником возвышенного трепета перед Богом. В то же время сознание того, что человек создан по образу и подобию Бога – а потому может и даже обязан установить через эту пропасть непосредственную и прямую связь со своим Творцом и небесным Отцом – сознание этого возвышает человека и является проявлением любви Бога к человеку. Если Бог желает, чтобы я предстал перед Ним без всяких посредников, то это свидетельствует о моих возможностях, о моем собственном величии. А кто велик – с того много и спросится; и потому в этом прямом предстании перед Богом состоит источник моей ответственности перед Ним и созданным Им миром.

Для того чтобы мы осознали меру этой ответственности, Тора заповедует нам обращаться в наших молитвах и просьбах непосредственно к Творцу Вселенной – и только к Нему. Иудаизм запрещает обращаться с молитвой к ангелам или к святым; мы должны вести диалог только с Богом, напрямую. Бог добр и велик Своей милостью – но не всепрощающ, ибо «всепрощение» развратило бы человека, не дало бы ему возможности духовно продвигаться – чем была бы разрушена сама цель создания мира. Бог наделил человека огромными возможностями, и потому требует от него реализации этого потенциала, а за пренебрежение им – карает. Человек, предстоящий перед Создателем и Господином мироздания, должен знать, что Его невозможно ни задобрить, ни подкупить. Поэтому, обращаясь к Нему с молитвой и просьбой, нужно сначала ответить самому себе на вопросы: используешь ли ты сам достаточно ответственно тот потенциал, который Он тебе предоставил; реализуешь ли ты сам свою ответственность по отношению к Богу и к миру. Такова психологическая основа еврейского монотеизма, не терпящего посредников и «сопутствующих образов».

Поклонение Иисусу как Богу имеет иную психологическую природу. Для того, кто обращается в молитве к Богу в человеческом образе, Он предстает более человеческим, более доступным и снисходительным к человеческой слабости и ограниченности. В сознании христианина, Иисус – это заступник за человека перед Богом – Творцом, покровитель нашего несовершенного мира. Так смягчается экзистенциальное напряжение контакта между Творцом и творением, снижается сознание неизмеримой личной ответственности.

Еще более проблематична ситуация, когда некоторые христиане обращаются с молитвами к ангелам или святым, «заступникам» и т. д. Такое обращение к посредникам между человеком и Творцом, вместо прямого обращения к Создателю, создает психологическую атмосферу, близкую к идолопоклонству. Посредник более снисходителен к человеку, его легче «задобрить», чтобы уже он – а не я сам – обращался ко Всевышнему с просьбами за меня, ибо его молитвы «будут более действенны». Такое мироощущение – разрушительно для этики.

Иудаизм – это подход к миру, базирующийся на ответственности человека перед Богом за самого себя и за все Творение. Поэтому концепция Иисуса как человеческого воплощения Бога, доходящая иногда до представления о посредничестве Иисуса между миром и Богом – экзистенциально и

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org психологически неприемлема для еврея, который обращается непосредственно к Богу и ведет с Ним личный диалог.

3.2. Различие требований к форме монотеизма, предъявляемых к евреям и к народам мира

Тора – Божественное Откровение – обращена не только к евреям, но ко всему человечеству. Тора не призывает неевреев становиться евреями, но она считает, что на всех людей распространяются базовые религиозно – этические обязанности «Семь заповедей сыновей Ноевых». Эти базовые принципы включают требования справедливости судебной системы, запрещают убийство, воровство, прелюбодеяние, а также богохульство и идолопоклонство. Согласно представлениям иудаизма, не только те, кто принадлежат к иудаизму, но также и все неевреи, соблюдающие эти законы, удостоиваются удела в Мире Грядущем.

Таким образом, Тора налагает строжайший запрет на идолопоклонство, считая его одним из самых тяжких грехов – как для евреев, так и для неевреев. Однако уровень требований Торы к тем и к другим в этом вопросе неодинаков. От евреев – народа, которому Бог Сам открылся, кому Он передал Тору, Свое послание миру, – требуется строгий монотеизм. Еврей в своих отношениях со Всевышним должен искать прямую, личную связь с Творцом Мира, без каких-либо заслоняющих или замещающих Его посредников. Но требования Торы к неевреям в этом вопросе гораздо мягче. Конечно, каждый человек, будучи сотворенным по образу и подобию Творца, в состоянии установить с Ним прямую и непосредственную связь – именно таковы правильные отношения с Богом для всех людей. Однако Тора считает невозможным требовать такой формы монотеизма для всех и поэтому запрещает народам мира лишь прямое поклонение идолам. Соответственно, такой вид религии, в которой люди поклоняются Всевышнему с помощью образов, воплощающих Бога (этот вид религии называется «шитуф» буквально – «компаньонство», «сопутствие»), рассматривается в иудаизме как допустимый для народов мира вид монотеизма.

Христианство, основанное на догмате о Троице, в которой Бог – Творец соединен в единое целое с человеческим воплощением, зримым образом Иисуса, относится именно к этому типу религий. Соответственно, христиане – неевреи являются монотеистами. Но к евреям, народу Откровения, предъявляются более жесткие требования. Для них поклонение каким бы то ни было «образам Бога» или чему-либо, «присоединенному к Богу» (т. е. «шитуф»), уже считается нарушением монотеизма. Поэтому с точки зрения иудаизма, в то время, как христиане – неевреи являются монотеистами, евреи – христиане приравниваются к идолопоклонникам.

3.3. Позитивные аспекты концепции «Богочеловека», ее представления в иудаизме и в христианстве

У этой темы есть еще один важный аспект – сама идея «Богочеловека».

Понятие «Богочеловека» подразумевает парадоксальную и мистическую связь и единство Божественного и человеческого. Конечно, Бог на небе, а человек на земле; Бог – это Творец мира, а человек – это только одно из сотворенных в этом мире; Бог велик, трансцендентен, непредставим, абсолютен; между Богом и человеком – гигантская пропасть. Но совершенно парадоксальным образом вся эта пропасть преодолевается – тем, что над нею перекинут мост единства, превосходящий всю логику мироздания, все рациональные соображения, по которым человек должен быть от Бога бесконечно далек. И этот мост единства, который для христиан персонализируется в образе Иисуса и в термине «Богочеловек» – является, безусловно, одной из важнейших (и глубоко гуманистических) основ христианства, акцентирующей Божественность человека и стоящей в центре христианского мироощущения.

Однако совершенно неправильно было бы думать, что эта концепция появилась именно в христианстве. Понятие, которое потом стало в христианстве называться «Богочеловек», т. е. понятие глубинной неразрывной связи Божественного и человеческого – является, конечно, понятием сугубо еврейским. Тора начинает свой рассказ о сотворении человека (Быт, 1:26) с того, что сказал Бог: «Сделаем человека по образу Нашему и по подобию Нашему», – и дальше: «И сотворил Бог человека по образу Своему и по подобию

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org Своему, по образу Бога сотворил его, мужчиной и женщиной сотворил их». И это сотворение человека по образу и подобию Бога – концепция, которая с логически – рациональной точки зрения была бы абсолютно невозможна и непонятна, этот мост через бесконечную пропасть – укоренено в самых основах иудаизма, является изначально еврейским.

На том, что «человек создан по образу и подобию Бога», основано все понимание человека в иудаизме. Из этого вытекает как этика (когда человек должен стремиться в своих делах стать подобным Богу), так и еврейская мистика (когда самая главная страсть – это страсть к слиянию с Божественностью). Из этого вытекает глубокое чувство связи с Богом и любви Бога к человеку – идея того, что Бог заинтересован лично во мне, что Бог хочет лично моего духовного развития, моего спасения, моего приближения к Нему – потому что каждый из нас носит частицу Бога в самом себе.

Соответственно, идея о том, что каждый человек является «сыном Бога», не относится в иудаизме к кому-то одному (как, например, в христианстве это относится, прежде всего, к Иисусу). Это сказано про каждого человека – потомка Адама, каждый человек по самой своей сути – сын Бога, и «Богочеловек». Однако, в отличие от других народов мира, иудаизм не нуждается в зримом символе этой «Богочеловечности», который столь важен для христианства.

Для христиан символом «Богочеловечности» является Иисус, который персонифицирует этот высший идеал человека. По сути дела, вектор всей христианской идеи направлен на то, чтобы каждый человек приблизился к Иисусу. Зримо персонифицируя цель развития человека, ее направленность и ее задачу, Иисус помогает христианам ощутить понятие «Богочеловек», сделать его более наглядно – живым. Но евреи – это такой народ, который способен воспринять подобные концепции сам, способен читать книгу и без иллюстраций. Т. е. от евреев Тора требует более высокой степени монотеизма, требует «не присоединять» к Богу какие-либо образы – при том, что другие народы Тора к этому не призывает. И в этом смысле евреи не нуждаются в зримом символе, чтобы ощущать идею «Богочеловека», – слов Тору о том, что человек создан по образу и подобию Бога, для них достаточно. Для других же народов, если они в таких образах нуждаются, – это не является отходом от монотеизма. Таким образом, понятие «Богочеловека», на внешнем уровне разделяя иудаизм и христианство, на внутреннем уровне является их общим фундаментом.

Глава 4. Является ли христианская этика прогрессом по отношению к иудаизму?

Одной из основ христианской культуры является представление о том, что христианство – это принципиально новый шаг в этическом развитии человека и, конечно, этический прогресс по отношению к иудаизму. Ниже мы постараемся проанализировать, так ли это на самом деле, или это только внешнее впечатление, не соответствующее действительности. Но прежде чем обсудить различия между этикой иудаизма и этикой христианства, нам следовало бы рассмотреть ряд моментов, в которых они сходятся.

Многие люди, воспитанные в европейской культуре, знакомы с этическим учением иудаизма только по Евангелиям. Вследствие этого у них создается совершенно неверное представление как о еврейской религии в целом, так и о еврейской этике. Попробуем понять, как это происходит.

4.1. Иллюзия «спора Иисуса с традицией», возникающая только из полемически заостренной формы его высказываний

Высказывания Иисуса, приведенные в Евангелиях, часто имеют полемический характер: он как бы опровергает известное его слушателям учение еврейских мудрецов и предлагает взамен новые этические концепции. Однако на самом деле все эти идеи уже были провозглашены и развиты в иудаизме. Параллели к призывам Иисуса мы находим во множестве в Устной Торе, т. е. – в Мишне, Талмуде[33 – Мишна – кодекс Устного Учения (Устной Тору), определяющий применение к жизни законов Письменной Тору. Устная Тора, передававшаяся по традиции с Синая, была оформлена в систематическое учение в основном в

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org период Второго Храма (V в. до н. э. – I в. до н. э.) и частично записала (в виде Мишны и Мидрашей) в период I–II вв. н. э. Талмуд (200–500 гг. н. э.) содержит анализ и объяснение устной традиции, записанной в Мишне.] и также в самом тексте Еврейской Библии – ТанаХа. Иными словами, высказывания Иисуса лишь по форме построены как декларация нового и отвержение старого, но по содержанию все они находятся в рамках иудаизма; однако, при этом у читателя, не знакомого с еврейской традицией, создается впечатление, что Иисус сказал нечто новое, прежде неизвестное. Вот несколько характерных примеров.

В Нагорной проповеди Иисус говорит (Матфей 5:27–28):

«Вы слышали, что сказано древними: Не прелюбодействуй. А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на [замужнюю] женщину с вождением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем».

Пolemический характер фразы создает у читателя впечатление (на самом деле совершенно ложное), что иудаизм заботится только о чистоте действий, а христианство – также и о чистоте помыслов. Трудно, однако, предположить, что Иисус предлагает действительно приравнять «вождение в сердце» к разврату и назначить за мысли о прелюбодеянии то же наказание, которое, по закону Торы, следует за распутство. Скорее, он хочет усилить запрет, предостеречь людей даже от малейшего приближения к нарушению заповеди. Однако такой подход не является новым. Иисус использует здесь классический прием иудаизма, с помощью которого еврейские Учителя, образно говоря, расширяли и ограждали пространство, примыкающее к пропасти греха, чтобы люди останавливались на дальних подступах к нему. В Притчах Соломона сказано (23:25–26):

«Дай мне, сын мой, сердце твое, и пусть глаза твои видят пути мои. Ибо глубокий ров – блудница, и тесный колодец – чужая жена».

Еврейские законы запрещают мужчине не только вступать в связь с чужой женой, но и просто уединяться с ней и даже внимательно разглядывать любую часть ее тела (трактат Шаббат 64б).

То же самое можно сказать и о другом известном высказывании Иисуса, приведенном далее в Евангелии от Матфея (Матфей 5:21–22):

«Вы слышали, что сказано древними: Не убивай; кто же убьет, подлежит суду. А я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему «пустой человек», подлежит Синедриону, а кто скажет «безумный», подлежит геенне огненной».

И здесь очевидно, что Иисус не предлагает на самом деле судить в Синедрионе того, кто гневается на брата, и не собирается в юридическом смысле приравнять гнев к убийству – он хочет лишь укрепить и усилить заповедь. При этом у человека, не знакомого с иудаизмом, создается впечатление, что запрещение гневаться – стремление к чистоте помыслов – это нововведение христианства, а древние иудеи якобы знали только запреты на действие (в данном случае – запрет на убийство). Однако это совершенно не так: в тексте Священного Писания и в поучениях еврейских мудрецов древности постоянно повторяются предостережения против гнева, и не только гнева напрасного (о котором говорит Иисус), но даже против гнева обоснованного. Идея о силе сказанного слова – о том, что всякое высказанное слово уже обладает действием, и оскорбление недопустимо, даже если ты физически не ударил человека, – также не является новой. В Еврейской традиции существует строжайший запрет на оскорбление ближнего. В Мишне сказано: «Всякий, кто позорит ближнего своего публично, теряет за это свою долю в мире грядущем» (Трактат Авот 3:11). Талмуд учит, что гнев – чрезвычайно дурное качество, и человек должен удаляться от него, насколько возможно (Трактат Шаббат 10б). «Всякий гневливый будет наказан: если он был мудрецом – его учение

«Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org забудется» (Трактат Псахим 113).

Еще одно из поучений Иисуса гласит (Матфей 5:33–35):

«Слышали вы, что сказано древними: не преступай клятвы, но исполняй перед Господом клятвы твои. А я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно – престол Божий; ни землю, потому что она – подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он – город великого Царя».

Это высказывание имеет полемическую форму и, казалось бы, направлено против некоего устаревшего учения; но на самом деле идея, высказанная Иисусом, подробно разрабатывалась в Устной Торе и зафиксирована в Талмуде: нужно стараться обходиться без клятв, если только это возможно, и именно таков подход иудаизма.

Многие из известнейших высказываний Иисуса дословно совпадают с классическими текстами иудаизма. Например, такое его поучение (Матфей 7:1–3):

«Не судите, да не судимы будете; ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какую мерю мерите, такую и вас будут мерить. И что ты смотришь на сучок в глазу брата твоего, а бревна в твоём глазу не чувствуешь?»

А вот классические еврейские аналогии в Мишне (Трактат Авот 2:4): «Не суди ближнего, пока сам не побывал в его положении», и еще (Авот 1:6): «Основа жизни: в случае любого сомнения суди ближнего своего в лучшую сторону»; и так же в Талмуде (Бава Батра 15б): «И когда говорили: Вынь щепку из глаза твоего, – он говорил им: Сначала вынь бревно из глаза своего». В этом же направлении Талмуд (Бава Батра 60б) комментирует пророка Цефанию (2:1): «Сначала улучши себя, потом улучшай других», – и подобные высказывания мы находим во множестве в других местах.

В абсолютном большинстве случаев проповеди Иисуса представляют собой не что иное, как классический «ветхозаветный» иудаизм, но при этом он облекал свои высказывания в полемически заостренную форму, так что недостаточно знакомый с иудаизмом читатель может воспринять его как борца с той самой этикой иудаизма, на которую Иисус опирался. Вероятно, резкость высказываний Иисуса проистекает из его желания усилить воздействие на слушателей, и сам он, наверное, не имел намерения дать своим слушателям искаженное представление о еврейской этике; однако на практике это искаженное представление имело место в дальнейшей христианской интерпретации его слов.

4.2. Искаженное изображение еврейской этики в христианских источниках

В некоторых случаях, споря с учением иудаизма, Евангелия изображают его в заведомо искаженном виде. Яркий пример – знаменитое высказывание Иисуса (Матфей 5:43–44): «Вы слышали, что сказано: Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. – А я говорю вам: Любите врагов ваших...» Иисус, казалось бы, цитирует здесь «Ветхий Завет», однако нигде – ни в еврейских текстах Библии, ни в высказываниях Мудрецов – мы не находим второй половины «цитируемого» Евангелием стиха. Про любовь к ближнему в иудаизме действительно говорится (и немало), а вот про ненависть к врагу – нет. Более того, призыв «ненавидеть врага» совершенно противоречит традиционному учению иудаизма. Тора осуждает вражду, месть и злобу: «Не враждуй на брата твоего в сердце твоём; не мсти и не храни злобы на сынов народа твоего, а люби ближнего своего, как самого себя» (Левит 19:17–18). А если и случилось так, что у тебя есть враг – старайся отнестись к нему с добром, и если возникли в его жизни проблемы – помоги ему их решить: «Если найдешь быка врага твоего или осла его заблудившимся – должен ты возвратить их ему. И если увидишь осла врага твоего упавшим под ношею своею, не оставляй его [врага твоего] без помощи, но развяжешь осла его вместе с ним» (Исход 23:4–5).

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org именно такое отношение – стремление простить, уступить и помириться – должно быть по отношению к «врагам среди ближних», когда конфликт возникает из-за непонимания, бытовой или идеологической ссоры. В случае же конфликта с опасными внешними врагами, стремящимися убивать евреев или вообще совершающими физическое нападение на еврейский народ, – иудаизм считает необходимым активно бороться с ними, при необходимости воевать с ними и убивать их, и даже проводить операции возмездия. Но при этом разрешено только то, что необходимо для защиты себя, ненависть же к врагу или даже радость от его гибели осуждается. Например, даже про врагов – язычников, египтян, угнетавших евреев сотни лет и погнавших за евреями, чтобы их убить, Талмуд говорит: «Когда египтяне, погнавшие за евреями, тонули в море, ангелы – служители хотели петь хвалебную песнь справедливости Творца. Но Всевышний сказал им: Как! Мои создания тонут в море, а вы хотите петь хвалебную песнь?!» Здесь мы видим не только отсутствие ненависти к врагам, но и прямое осуждение тех, кто радуется гибели врага. Даже тогда, когда с врагом необходимо воевать, культивирование ненависти к нему является неконструктивным и вредным чувством, и уж заведомо не могло выдвигаться еврейскими мудрецами как «указания и действию».

Исследователи выдвигают разные гипотезы, относительно того, как могло случиться, что позиция, которую Евангелие приписывает здесь «иудаизму», столь явно не соответствует ему. Одно из предположений состоит в том, что Иисус здесь спорит не с подходом фарисеев, представителей главного направления иудаизма, а критикует взгляды каких-то отдельных периферийных групп – например ессеев, которые (судя по кумранским рукописям и описанию их у Иосифа Флавия) считали, что нужно любить «сынов света» и ненавидеть «сынов тьмы», к которым они относили всех противников их секты. Другие исследователи отмечают, что данная фраза могла приобрести свой нынешний вид из-за неправильного перевода на греческий идиоматической конструкции, употребляемой здесь Иисусом[34 – А именно, в семитских языках есть идиоматическая грамматическая структура, говорящая о предпочтении – «Люби А, предпочитая его по сравнению с В» – которая буквально звучит как «Люби А, ненавидь В» (глагол «не предпочитать/ненавидеть» имеет несколько вариантов перевода, и именно буквальный «ненавидь» был закреплен в Септуагинте и далее был применен к переводу слов Иисуса). Так что Иисус (который, очевидно, говорил на смеси иврита и арамейского, принятой в Иудее и в Галилее в то время) не имел в виду приписать иудаизму ненависть к врагам, но хотел «уравнять» ближних и врагов в степени любви, которую надо проявить по отношению к ним.]

Но как бы то ни было, факт остается фактом: в том виде, в котором этот текст понимался веками в христианской традиции, он фактически является примером фальсификации еврейской этики, создавая у миллионов последователей христианства совершенно превратное представление об иудаизме[35 – Более подробно вопрос о соотношении любви к ближним и любви к врагам и «непротивления злу насилием» рассматривается ниже, в главе 6.]

Другим примером создания ложного ощущения этического прогресса является широко известное высказывание Иисуса, приведенное в Евангелии от Матфея (5:38–39):

Вы слышали, что сказано: око за око, зуб за зуб.

А я говорю вам: не противься злему. Но кто

ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую.

В этом стихе новая христианская этика решительно противопоставлена старой, иудейской.

Надо сказать, что у очень многих людей христианской культуры представление об иудаизме сформировалось именно под влиянием этого стиха. Библейское положение «око за око, зуб за зуб» в классической христианской интерпретации должно было свидетельствовать о жестокости, непримиримости, мстительности, которые якобы заложены в основе иудейской этики, в отличие от христианства – учения любви и милосердия. Именно так воспринимают еврейскую религию те, кто знаком с ней лишь по полемическим текстам из Нового Завета[36 – К сожалению, тут не составляют исключения и евреи, вполне культурные по европейским меркам, но совершенно несведущие в собственной культуре. Вот только один пример: знаменитое в свое время

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org письмо известного русского историка, Н. Эйдельмана, еврея, русскому писателю – антисемиту В. Астафьеву. Эйдельман упрекал своего оппонента в том, что тот выступает «не как благостный христианин, а как неистовый око за око! – иудей».]

Но правда ли, что библейский стих «око за око, зуб за зуб» содержит в себе призыв к мщению? Ведь мы только что привели другой библейский стих, в котором со всей определенностью сказано: «Не враждуй на брата своего в сердце твоём... не мсти и не храни злобы» (Левит 19:17–18). Дело в том, что выражение «око за око, зуб за зуб» употреблено в Пятикнижии несколько раз, и всегда – в контексте уголовного законодательства (в том числе применительно к имущественным тяжбам), в которых совершенно ясно, что речь идет не о мести, а о том, что мера воздаяния должна соответствовать тяжести преступления. Талмуд говорит, что принцип «око за око» имеет два уровня смысла: философски это говорит нам о том, что Высший Божественный Суд воздает «мерой за меру», и справедливость, в конце концов, будет восстановлена. Однако суд человеческий есть лишь земной аналог Божественного Суда, и поэтому в нем принцип «око за око» понимается не как мера наказания, а лишь как мера возмещения; его функция – определение ущерба, который должен быть возмещен пострадавшему. На основании принципа «око за око» Еврейский закон постановляет, что тот, кто выбил другому глаз, должен этот глаз возместить. Понятно, что виновник не в силах восстановить глаз потерпевшего, но он может дать ему определенную компенсацию: оплатить лечение, простой в работе, возместить возможную потерю заработка вследствие увечья, компенсировать моральный и психологический ущерб и т. п. Тот же принцип действует по отношению и к другим случаям телесных повреждений. Таким образом, на уровне социально – законодательном принцип «око за око» говорит не об отмщении, а о возмещении; и когда Евангелие ложно противопоставляет его принципу «не противься злему», то для далекого от еврейства читателя это создает совершенно искаженное представление об иудаизме.

Следует отметить, что в христианстве во все времена существовала тенденция изображать иудаизм как якобы жестокою, неистовую религию мщения. Эта фальсификация была призвана сформировать неприязненное отношение к иудаизму – и, в частности, морально оправдать чудовищные гонения, которым подвергались евреи в христианских странах в течение двух тысяч лет. На самом деле, Талмуд предписывает вовсе не мстить, а наоборот, проявлять уступчивость и прощать окружающих, во всех возможных случаях стремиться к компромиссу, уступать и не настаивать на реализации всех своих возможных прав (см., например, об этом подробно трактат Бава Меция 30б).

Приведем лишь несколько примеров подобной этической установки:

«Начало ссоры – прорыв воды; останови ее прежде, чем разольется она» (Притчи Соломона 17:14). «Мудрец честен и надежен в делах. «Да» у него всегда «да», а «нет» – «нет» [37 – Ср. аналогичный текст в Евангелии от Матфея (5:В7), где это также изображено как совершенно новая, революционная идея.]. С себя взыскивает с точностью, а другим прощает... Если другие задолжали ему по суду – продлевает срок отдачи долга и прощает его, жалеет и одалживает... Общее правило: будь всегда среди преследуемых, а не среди преследователей, среди обижаемых, а не обижающих. Про того, кто следует этому, сказано в Торе: Ты раб мой, Израиль, которым буду гордиться» (Маймонид, Гилхот Деот 5:13, цитируя талмудический источник; множество подобных высказываний приводит и Талмуд, – Бава Кама 93, Йома 20, Гитин 36 и др.)

Возвращаясь еще раз к стиху «око за око», следует отметить, что этика иудаизма базируется на обеих основах – на справедливости и на милосердии, на гармонии и равновесии Закона и Благодати. Для мира жизненно необходимы как Справедливость и Закон, так и Милосердие и Благодать – лишь на одной из этих двух основ мир не может устоять. Иудаизм подчеркивает, что попытка основать мир исключительно на Справедливости и на Законе разрушит его; но точно так же попытка основать мир исключительно на Милосердии и на Благодати – послужит его разрушению. Люди отнюдь не являются ангелами, а иудаизм стремится не просто к красивой декларации, но к тому, чтобы достичь реального Царства Божьего на земле. Когда христианство пытается приписать себе новаторство в провозглашении милосердия и благодати – то оно стремится изобразить иудаизм ограниченной и примитивной «законнической религией». Таким образом, оно критикует не иудаизм, а ту карикатуру на иудаизм, которую оно само же перед этим и нарисовало.

В заключение отметим, что даже сама идея «подставить вторую щеку» – тоже, как это ни удивительно для последователей христианства, не является нововведением Иисуса, т. к. эта идея раньше была провозглашена в иудаизме. А именно, Иисус и здесь не дает новый принцип, а просто цитирует стих из пророка Иеремии: «Подставляющий щеку бьющему его» (Плач Иеремии 3:30) [38 – Интересно отметить, что в подробных «параллельных местах», приводимых в христианской Библии, в Матфее 5:38 (ив других местах в Евангелиях) не дается ссылка на Плач Иеремии. При этом в Синодальном переводе это слово в Матфее переводится как «щека», а в тексте Плача Иеремии оно же передается как «ланита», что еще более ассоциативно отдаляет эти тексты.]. Мы подробнее обсудим этот вопрос ниже.

Глава 5. Что важнее – правильная вера или правильные дела?

5.1. Различия в системах приоритетов

После того, как мы рассмотрели некоторые этические принципы, общие для иудаизма и христианства, перейдем теперь к рассмотрению различий между ними. Один из очень важных этических вопросов, в которых иудаизм и христианство расходятся – это вопрос о том, что имеет для Бога (и, соответственно, для человека и для мироздания в целом) большее значение: вера людей или их поступки. В связи с этим мы наблюдаем существенное различие в соотношении между верой и делами в системах моральных приоритетов, сложившихся в христианской и еврейской культурах.

Конечно, и в той и в другой религии идеалом является человек, который соединяет глубокую религиозную веру с правильными и достойными делами. И там, и там можно найти утверждения, что «вера проявляется через дела», «вера без дел мертва», и что «правильные дела должны подкрепляться также правильными намерениями и правильной верой». Но поскольку в реальной жизни идеала соединения веры и дел удается достичь далеко не каждому и далеко не во всех ситуациях, приходится поставить вопрос: что является первоочередным для религиозного человека: правильная вера или правильные дела? Какой области своего существования человек должен уделить внимание в первую очередь? На что должны ориентировать народ его духовные наставники?

От ответа на этот вопрос зависят те этические принципы, по которым последователи той или иной религии строят свою повседневную жизнь, и, как следствие этого, – поведение человека в той ситуации, в которой нужно совершить сложный этический выбор.

Иудаизм утверждает, что для Всевышнего поступки людей важнее, чем их вера. Талмуд, основываясь на словах пророка Иеремии (16:11), формулирует отношения Бога к «вере и делам» следующим образом: «В крайнем случае, пусть лучше евреи оставят Меня, но будут верны Моёму Учению». Именно дела, поведение человека, его отношение к окружающим и к миру в целом (а не вера сама по себе) являются, по мнению иудаизма, главным критерием, по которому Бог оценивает человека. Эта мысль проходит в иудаизме через века и пространства, захватывая все религиозные направления – от самых реформистских до самых ортодоксальных. В любой синагоге будут говорить о правильности дел. В одной будут призывать прихожан к более активной общественной деятельности, в другой больше будут говорить о помощи ближнему, в третьей – подчеркивать важность изучения Торы, соблюдения Субботы или правильной семейной жизни. Но вы нигде не услышите раввина, который проповедовал бы спаснис души посредством веры – тему, постоянно повторяемую в церковных проповедях и являющуюся краеугольным камнем христианской доктрины. Конечно, и в синагоге раввин будет говорить о вере – но не как о самодовлеющей ценности, а скорее как о внутренней силе, вдохновляющей людей на действия в соответствии с Учением Торы. Иудаизм оценивает человека, в первую очередь, по его делам, христианство – в первую очередь, по его вере.

Итак, иудаизм говорит: прежде всего, старайся вести себя правильно, живи праведной жизнью; вера же – это очень сложный комплекс представлений, ее часто очень трудно сформулировать, но размышляй о ней и изучай связанные с ней тексты – и ты постепенно придешь к пониманию также и вопросов веры.

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org Христианство же говорит: прежде всего, поверь, обратись в нашу веру, мы точно скажем тебе, во что тебе нужно верить, а затем подкрепляй свою веру праведными делами. (Это различие проявляется, например, в том, что если нехристианин хочет стать христианином, то ему достаточно декларировать свою веру и он может немедленно креститься. Если же нееврей хочет обратиться в иудаизм и стать евреем, то он поступает на курсы подготовки к «гиюру» (обращению в иудаизм). На них он учится обычно не менее года: изучает ТаНаХ, еврейскую историю, законы, философию и т. д., учится реальному соблюдению заповедей и сдает экзамены. И только потом, если будет решено, что он делает все это искренне, он сможет присоединиться к еврейскому народу.) И хотя, повторим еще раз, обе религии предпочитают, чтобы человек соединил в себе оба качества, как веру, так и праведные поступки, но если мы поставим вопрос ребром: «Что лучше для человека – вести достойную и праведную жизнь, но в Бога вообще не верить и не иметь отношения к религии; или же верить, но не вести себя достойно?» – то иудаизм однозначно отдает приоритет делам, а классическое христианство будет склоняться к ответу, что вера важнее [39 – яркой литературной иллюстрацией к этим теологическим концепциям является Божественная Комедия Данте, в которой «праведники, не знавшие о Христе», помещены не в Рай, а в Ад – хотя и в его первый, наиболее «легкий» круг («лимб»). У отдельных христианских мыслителей встречается также и «универсалистская» установка, говорящая о том, что «мы не можем судить, кто спасется, а кто нет», и вообще «тайна сия великая есть», и «мы надеемся, что Бог в Своем милосердии спасет всех», и даже утверждения типа «делающий добрые дела уже делает их ради Христа, даже если он сам не знает об этом» (т. е. записывающие в «духовные христиане» всех достойных людей на Земле, даже если они сами ни о чем таком и не помышляют). Но все же классическим (и основным) принципом христианства является «без веры во Христа нет спасения».]

5.2. Создание Павлом христианства как нееврейской религии на основе примата веры

Согласно иудаизму, первостепенный долг человека – привести свое поведение в соответствие с библейскими заповедями и законами. Христиане, сначала стремившиеся к соблюдению еврейских законов, постепенно оставили их, и в центре внимания их религии оказалась вера как таковая. Этот процесс смещения религии в сторону веры, связанный с тем, что первохристианская община переставала быть еврейской и все больше стремилась к обращению язычников, хорошо виден в Новом Завете. В проповедях Иисуса нет никакого главенства веры над действием, он говорит своим ученикам:

«Я пришел не для того, чтобы отменить Закон Торы или Пророков... Истинно говорю вам: пока существуют земля и небо, ни одна буква не исчезнет из Закона...»

В том же месте Иисус декларирует обязательность соблюдения еврейского Закона:

«Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших [заповедей Торы] и научит так людей, тот малейшим наречется в Царствии Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царствии Небесном...» (Матф. 5:17–19).

После смерти Иисуса его ученики вначале продолжали проповедовать соблюдение базовых еврейских законов. Например, они соблюдали закон об обрезании и настаивали на том, что соблюдение его необходимо всем:

«Пока не будете обрезаны сами по Моисееву закону, не будете спасены» (Деяния 15:1).

Но достаточно скоро в христианстве начинает доминировать другой подход, идеологом которого, согласно Новому Завету, явился апостол Павел.

Именно Павел, ставший «Апостолом язычников» и стремившийся привлечь к христианству неевреев (сам

Иисус обращался исключительно к евреям), выдвинул новую концепцию, которая дала возможность бывшим язычникам присоединиться к христианской общине без того, чтобы обязываться соблюдать еврейские заповеди.

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org Выше (во вводной главе) мы уже отмечали, что Павел всю жизнь определял себя как фарисея (Деяния 23:6), и никогда не говорил о том, что для евреев законы Торы перестают быть обязательными. (Даже наоборот, в Деяниях 21:18–24 рассказывается, как из-за деятельности Павла по привлечению язычников возникли ложные слухи, что он якобы сам чего-то не соблюдал или говорил евреям о необязательности обрезания и других заповедей, чего вовсе и не было: «И узнают все, что слышанное ими о тебе несправедливо, но что и сам ты продолжаешь соблюдать Закон [Торы]».)

Однако, поскольку Павел взял на себя миссию быть «Апостолом язычников» – т. е. с помощью веры в Иисуса привести народы мира, «эллинов», к признанию этического монотеизма, еврейского Священного Писания и библейского мировоззрения – то он обращал всю свою деятельность к язычникам и писал для них. Соответственно, вся его концепция акцентирования веры и необязательности «ритуальных» законов Торы – обращена к неевреям, для которых, с точки зрения иудаизма, действительно важна монотеистическая вера и базовые принципы этики, а Суббота, кашрут и т. д. – несущественны.

По сути, критика Павлом Закона направлена не против иудаизма, а против тех из апостолов и деятелей первохристианской церкви, кто хотел обязать «присоединяющихся неевреев» соблюдать обрезание и другие заповеди Торы – Павел же считал, что это требование будет мешать распространению веры. Однако, поскольку позже в христианстве представления об иудаизме сформировались на основе именно этих слов Павла, то образ иудаизма в христианстве получился существенно искаженным.

Для целей своей миссии «обоснования спасения через веру» Павел сформулировал следующую логическую цепочку: прежде всего, он стал утверждать, что в иудаизме несоблюдение даже одной заповеди Торы навлекает на человека проклятие. Павел подкреплял свои слова ссылкой на стих из Второзакония (27:26), который он цитировал так: «Проклят всякий, кто не исполняет постоянно всего, что написано в книге Закона» (Послание к Галатам 3:10). Но, продолжает Павел, человек, будучи существом несовершенным и слабым, не может не грешить и не нарушать Закон: «...Ибо, если бы дан был закон, могущий животворить, то подлинно праведность была бы от закона» (Гал. 3:21). Отсюда, по мнению Павла, следует, что человек уже заведомо проклят Законом: «А все, утверждающиеся на делах Закона, находятся под клятвою [т. е. на них распространяется проклятие]» (Гал. 3:10). Чтобы спастись от проклятия, человек должен быть спасен от Закона, и для избавления ему предлагается единственный путь – искупление грехов через веру в Иисуса. «Христос искупил нас от проклятия Закона...» (Гал. 3:13). Завершающая формулировка доктрины Павла такова: «Мы признаем, что человек оправдывается перед Богом только верою [в Иисуса], независимо от дел Закона» (к Римлянам 3:28)[41 – Идея о том, что именно вере принадлежит центральная роль в Божественном спасении души, принята всеми ветвями христианства. Например, основатель протестантской церкви Мартин Лютер утверждал, что одной деры, достаточно для спасения: ни добрые дела, ни даже религиозные таинства (занимающие одно из центральных мест в католицизме и православии) не обязательны, чтобы быть хорошим христианином. В брошюре «О христианской свободе», изданной в 1520 г. Лютер пишет: «Превыше всего запомните то, что я сказал: только вера одна, а не добрые дела, – оправдывает, освобождает и спасает».а., >>].

Сформулированная идеология «отказа от соблюдения Закона» была, как мы уже это отмечали, необходима Павлу для быстрого распространения среди язычников созданной им новой формы «этического монотеизма для неевреев»[42 – В рамках конкурентной «внутривидовой борьбы» за распространение еврейского монотеизма среди полупрозе- литов (см. вводную главу, § 25) эта карикатура говорила читателю: «Не ищи ничего среди тех, кто хочет предложить тебе соблюдение заповедей Торы. Заповеди, особенно частичные, не помогут спастись. Иди к нам, и получишь спасение через веру».]. Однако для этого Павел пошел по пути искажения и примитивизации действительного учения иудаизма. Все, что Павел говорит о Законе, очень далеко от иудаизма и, в сущности, представляет собой злую карикатуру на него. Однако именно из-за нарисованной Павлом искаженной картины еврейского учения у читателя Нового Завета создается мнение, что якобы в иудаизме «нарушение мельчайшей буквы Закона ведет к вечному проклятию», и именно такое ложное представление о «Ветхозаветной религии» закрепляется в христианской культуре.

Разумеется, идея, на которой базируется Павел, о том, что человек якобы

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org проклят Богом за нарушение любого закона, – совершенно чужда еврейскому учению. Иудаизм не мог бы в течение тысяч лет организовывать жизнь общества (вначале – государства, а затем – еврейских общин в изгнании), если бы не признавал, что живой, реальный человек в состоянии поддаться слабости и преступить Закон. За сотни лет до Павла еврейским пророком было сказано, что «нет человека праведного на земле, который делал бы только добро и не грешил бы» (Екклезиаст 7:20). Это относится как к отдельным людям, так и ко всему народу. Еврейская Библия говорит о том, что даже величайшие праведники, такие, как Моисей и Давид, в определенных ситуациях не могли совладать с собой и совершали грех, но затем раскаивались и возвращались в рамки Закона, Учения и заповедей Божьих, после чего к ним возвращались Божественная Благодать и пророческий дар. В Писании нет и речи об их вечном проклятии за нарушение той или иной заповеди Закона, как это следовало бы из концепции Павла.

При том, что иудаизм, безусловно, ни в коем случае не желает, чтобы люди нарушали Законы Торы, – он провозглашает, что тот, кто оступился, всегда может раскаяться и вернуться к Богу на путях «тшувы». Буквальное значение ивритского слова «тшува», которое обычно переводят как «раскаяние», – это «возвращение». Еврейская «тшува» состоит из четырех шагов: человек, сделавший неправильный поступок, должен осознать свой грех; он должен испытывать искреннее раскаяние и угрызения совести; он должен постараться исправить последствия своего неправильного действия, и, наконец, он должен принять сознательное и твердое решение вернуться к праведной жизни. Полная «тшува» искупает грех и возвращает человека к Богу: это путь, по которому оступившийся человек может не только исправить грехи, но и прийти к святости[43 – В древности у евреев существовал еще один, последний, пятый шаг в процессе раскаяния: жертвоприношение. Но он возможен только тогда, когда существует Храм; в наше время жертвоприношения невозможны. Согласно еврейскому закону, человек, который физически не в состоянии выполнить ту или иную заповедь, освобождается от нее: Бог не требует ее выполнения. Еще в эпоху Храма пророки предсказывали, что настанут времена, когда Храм будет разрушен, и тогда жертвоприношения будут заменены молитвами. В Библии это выражено в словах пророка Хошеа (Осии): «Возьмите с собою молитвенные слова и обратитесь к Господу; говорите Ему: Отними всякое беззаконие и прими во благо, и мы принесем жертву уст наших вместо тельцов» (стих 14:3). Таким образом, вместо традиционного тельца жертвоприношением будет считаться искренняя молитва Богу. Об этом же говорится и в Книге Притч Соломоновых (21:3): «Соблюдение правды и правосудия более угодно Богу, нежели жертва». Пророк Иона упоминает о том, что Господь простил жителей ниневии, когда те раскаялись в грехах своих, хотя они и не принесли никакого жертвоприношения Богу. (См. и другие случаи, когда возвращение и раскаяние было принято без жертвоприношений: Левит 26:40, Второзаконие 4:29, Иеремия 10:24, Иезекиил 22:16.) Христиане утверждают, что Бог не может простить людей без жертвоприношения (или даже «не может простить без того, чтобы была пролита кровь»), но Храма сегодня нет, и вот – смерть Иисуса стала этим необходимым жертвоприношением за всех людей на все времена. Однако такое утверждение свидетельствует только о глубочайшем непонимании этими авторами самого смысла жертвоприношений в иудаизме (где в частности, провозглашается, что человеческие жертвы вообще недопустимы и отвратительны Богу) и не имеет ничего общего ни с духом, ни с буквой еврейской Библии.]

Павел проходит мимо всех этих моментов: в его изображении еврейский Закон грозен, неумолим и непрощающ; и поэтому он выставляет веру в качестве спасения от своей карикатуры на Закон.

Утверждение, что Бог предаст проклятию людей, которых Он Сам же создал несовершенными, предполагает в Нем весьма жестокие наклонности, но именно таков был характер созданной учением Павла карикатуры на библейского Бога. Эта карикатура лежит в основе распространенного мифа якобы о том, что Бог евреев мстителен и жесток, в то время как Бог Нового Завета, Бог христиан – добр, любящ и благостен.

Концепция Павла о примате веры была создана для распространения среди язычников, и она добилась огромных успехов, с ее помощью более миллиарда людей пришли к монотеизму. Однако ее отрицательный побочный эффект проявился в том, что на протяжении веков и до сих пор миллионы христиан убеждены, что для Бога поведение и поступки людей менее важны, нежели их убеждения и вера. Вот почему в истории христианства бывали эпохи, когда людей (даже праведных и добрых) жестоко преследовали всего лишь за отклонения в убеждениях от церковных догматов веры. На примате веры над

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org делами в течение веков основывались такие печальные явления, как инквизиция (суд веры), насильственное крещение под страхом смерти (чтобы человек, пусть даже насильно, был обращен в «правильную веру» и, таким образом, спасен), физическое (иногда даже поголовное) уничтожение еретиков во время религиозных войн и т. п. В истории иудаизма никогда не было ситуаций массового насилия над еретиками из-за вопросов веры; Саадия Гаон, например, мог вести очень резкую полемику с караимами (еретическое движение в иудаизме в VIII–X веках), но никогда и речи не было о том, что следует бороться с ними путем физического уничтожения.

Из примата веры над делами происходит принципиальная разница между иудаизмом и христианством в подходе к иноверцам. Извне может показаться, что христианская религия, основанная на знаменитых словах Павла о том, что «нет ни эллина, ни иудея», является более универсальной и плюралистической, чем иудаизм – религия, выделяющая предназначение одного народа, потомков Авраама. На самом деле, все наоборот: для христианина нет эллина и иудея среди тех, кто «уверовал во Христа»; те же, кто не верит в Иисуса, будь они даже добрыми и человечными, с точки зрения классического христианского подхода, лишены спасения. Иудаизм же, как мы уже говорили, не требует от человека обращения в еврейство. Напротив, достойные люди всех народов – праведники народов мира, то есть те, кто исполняет основные общечеловеческие нравственные заповеди и не запятнал себя грубым идолопоклонством, – достойны Божественного спасения за свои добрые дела, даже если они верят в Единого Бога по-своему, а не так, как это принято в иудаизме. Вот почему в иудаизме нет и не может быть стремления обратиться других людей в прозелитов; по той же причине миссионерская пропаганда в течение веков была интегральным элементом христианства. Источник этого принципиального различия коренится в подходе Павла, провозгласившего, что «если добрыми делами можно достигнуть спасения, то нет тогда никакого смысла в распятии Христа. Христос, следовательно, пожертвовал своей жизнью напрасно» (Послание к Галатам 2:21)[44 – Все это, разумеется, не означает, что христианская вера мало приводила людей к праведной деятельности. Христианство создало величественную западную цивилизацию, и «горение веры» играло в этом созидании весьма заметную роль – подчеркивая важность праведности, силу духа и преодоление смерти, оно подвигало людей (и продолжает подвигать многих) на великие деяния. Для многих народов мира «спасение через веру в Иисуса» было основой и точкой опоры для рывка из тьмы язычества к свету монотеизма. Идея примата веры над делами стала одной из сил, подтолкнувших развитие западной цивилизации, но она же и ограничила это развитие, приведя в дальнейшем христианскую цивилизацию к кризису – тема, обсуждение которой выходит за рамки нашего исследования.].

Для Павла было необходимо акцентировать именно и исключительно веру, поскольку он имел дело с язычниками, и привести их к монотеизму можно было, только заявив, что «одними добрыми делами, без веры – не спасешься». Примат веры важен для религии, которая хочет привести людей к себе, обратить их, помочь им совершить начальный рывок – и именно такова «схема действия» христианства. Но иудаизм имеет дело с людьми, которые к монотеизму и к Богу давно уже обращены, и поэтому для него естественен примат правильного действия, а не одной только веры.

В завершение рассмотрения этой темы мы хотели бы особо подчеркнуть, что отнюдь не намереваясь представить этот аспект различия в подходах иудаизма и христианства как «преимущество» одной религии над другой. Иудаизм с самого начала ставил своей миссией привести людей к Богу, но он действует не проповедями, а собственным, еврейским примером – в частности, через описание еврейской жизни и еврейского учения в Библейском тексте, являющемся наиболее читаемой и почитаемой книгой человечества. Христианство взяло часть идей иудаизма и – именно ввиду «примата веры» миссионерского рвення! – оно смогло раскрутить эти идеи, донести до отдаленных уголков планеты. Еврейство и христианство невозможно соединить, но, с точки зрения духовной истории человечества, они дополняют друг друга.

Именно это осознание «несоединимости и дополнительности» является новым уровнем понимания, который может быть достигнут сегодня.

5.3. Христианский тезис о примате веры и библейские источники

Поскольку в дискуссиях с евреями христиане приводят часто две цитаты из

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org Еврейской Библии, из которых якобы можно заключить, что «уже пророки Ветхого Завета ставили веру на первое место», – мы разберем их подробно.

В Послании к Галатам (3:12) Павел приводит цитату из пророка Хаввакука (Аввакума): «Праведник верой своей жив будет» (стих 2:4), – как оправдание своей концепции о приоритете веры. Что же касается еврейской традиции, то она также придает большое значение этим словам пророка; в Талмуде (трактат Макот 24а) сказано, что эти слова можно даже считать краткой формулировкой всего иудаизма. Однако в словах пророка речь идет отнюдь не о том, что вера может заменить соблюдение заповедей. Праведник у пророка – это именно праведный человек, то есть тот, кто соблюдает Учение Торы и старается действовать в соответствии с Божественными заповедями. Такой человек получает от своей веры внутреннюю силу для праведной жизни, он жив ею. Вера здесь выступает как источник праведных дел, а отнюдь не как их заменитель.

Второй источник, который часто цитируют христиане, – диалог между Богом и Авраамом (Бытие, гл. 15). Когда Авраам и его жена Сара были уже стары, и у них не было детей, то на слова Бога: «Награда твоя весьма велика», – Авраам ответил: «Господь Всевышний! Что же Ты дашь мне? Ведь Ты не дал мне потомства...» И когда Бог говорит Аврааму: «Многочисленным, как звезды на небе, будет потомство твое», – то, продолжает Тора: «И поверил Авраам Господу, и вменилось ему это в праведность» (Бытие 15:6). Павел (Гал. 3:6) приводит эту цитату как обоснование тезиса о спасении и праведности через веру, а не через дела. Однако ситуация, в которой происходит этот диалог, не оставляет никакой возможности для подобного вывода. Ведь собеседник Всевышнего здесь – Авраам, человек выдающийся, уже подтвердивший свою праведность великими деяниями. Несомненно также и то, что еще до этого Откровения Авраам верил в Единого Бога: ведь это не первый его диалог со Всевышним. Говорится же здесь о том, что в сложной ситуации, когда Божественное обещание, казалось бы, не согласуется с естественным ходом вещей, – одним из элементов праведности является доверие, способность положиться на Бога. Именно таков смысл слов «и поверил Авраам Господу»: не «принял решение верить в Него», т. е. уже верил и до этого, а «решил положиться на Божественное управление миром». (И таково исходное значение слова «эмуна» – это не «вера», а «доверие».) Такое доверие к Богу, является, конечно, одним из элементов праведности, но оно отнюдь не есть замена соблюдения заповедей и праведных дел.

Христиане обычно обосновывают произведенный Павлом сдвиг центра религии с «дел» на «веру» тем, что «духовность человечества возросла» – и поэтому, якобы, в христианстве центр тяжести религии переносится от плотских действий, соблюдения внешних правил – к духовным, к любви к Богу и ближнему, и к поведению в соответствии с этой любовью. Они считают, что ко временам Иисуса человечество созрело для «духовного исполнения Закона», поэтому сам обременительный «Закон плоти» уже перестал быть нужным.

Иудаизм, конечно, не может согласиться с таким подходом. Прежде всего, иудаизм не признает, что можно отменить физическое исполнение Законов и заповедей, заменив его «духовным исполнением». Подобно тому, как невозможно сделать это в отношении заповеди «не убий!»[45 – т. е. поведение тех, кто «соблюдает заповедь "не убий" на духовном уровне», а физически, реально, ее нарушает, – является чудовищным преступлением. А ведь такое было в истории человечества, более того – в массовых масштабах и неоднократно: достаточно вспомнить инквизицию, которая «любила Бога и ближнего», и на основании этого замучила и казнила многие тысячи людей, исключительно для их же «душевной пользы». На таком же психологическом механизме был основан массовый террор, осуществленный коммунистическими властями во многих странах мира.], – так же ни в какой другой области нельзя заменить «духовным соблюдением Закона» его ежедневное практическое применение и воплощение.

Но проблема различия подходов иудаизма и христианства здесь, конечно, гораздо более глубока, чем упомянутые экстремальные случаи «насилия из любви». Иудаизм в принципе считает, что недопустимо отрывать духовное от материального, недопустимо физическую жизнь заменять на исключительно духовную. Бог создал нас в физическом мире и дал заповеди именно для того, чтобы мы этот самый мир приблизили к Богу, а не оторвались от него, став подобием ангелов. Бог в первой же главе Библии заповедал человеку «плодиться и размножаться, и наполнять землю, и властвовать над нею» – и будет недопустимо, если человек на практике откажется от семьи, общества, народа, цивилизации, и будет лишь в своем сознании «в духовном смысле»

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org плодиться и размножаться, и наполнять землю. Если такое, не дай Бог, станет действительно идеалом всех – то это будет концом человечества. По мнению иудаизма, отрыв отдельного «праведного человека» от мирской жизни тоже плох – и для мира, и для него – потому что на одной только спиритуальности, без практических действий в реальной жизни, праведных поступков, осуществляющих выбор добра в жизненных перипетиях и коллизиях, никакой настоящей святости достигнуть нельзя. Не говоря уже о том, что если праведные люди будут озабочены только праведностью духа, то они позволят физическому миру (а ведь весь этот мир является Божественным Творением, и он не менее Божественен, нежели мир духовный!), а вместе с ним и живущим в нем людям, погружаться во тьму. Таким образом, иудаизм принципиально отвергает то разделение мира на «плоть» и «дух», которое столь часто проявляется в христианстве. Как плоть, так и дух – равно Божественны, и только на их соединении человек может осуществить миссию, порученную ему Богом.

Глава 6. Подобие идей, но различие акцентов

Выше мы обсудили очевидные, лежащие на поверхности аспекты соотношения еврейской и христианской этики. В главе 4, рассматривая совпадение основных элементов еврейской и христианской этики, мы хотели показать, что в этой области видимость различия или прогресса является всего лишь результатом неправильного изображения еврейской этики в христианских источниках. После этого, глава 5 была посвящена рассмотрению отношения к вере и делам – того, что действительно составляет очевидное различие в подходах иудаизма и христианства. В данной же, шестой главе мы рассмотрим некоторые более сложные аспекты: то, что является одновременно и общим, и различным; вопросы, выявляющие довольно тонкие – но весьма существенные! – расхождения между еврейской и христианской системами этических ценностей.

6.1. Различие иудаизма и христианства в интерпретации заповеди «любви к ближнему»

В европейской массовой культуре распространено представление, что еврейская религия требует только любви к ближнему, к «своим», а христианская говорит о любви ко всем людям и даже к врагам. Это представление, однако, далеко не верно.

Не будем останавливаться здесь на том, что в реальном христианстве «любовь христианина к врагам» провозглашается только по отношению к его личным врагам: конкурентам, соседям, бывшим друзьям; в то время как по отношению к «врагам Христовым» (а к ним, в процессе истории, христиане относили всех своих принципиальных оппонентов) предписывается борьба вплоть до полного их уничтожения. Сконцентрируемся на том, что думает о «любви к другим» иудаизм.

Прежде всего, отметим, что совершенно неверно считать, что иудаизм говорит о любви только по отношению к евреям. На самом деле, и в Еврейской Библии, и в Талмуде, и в высказываниях Мудрецов более поздних поколений, неоднократно говорится о единстве человечества, о том, что всякий человек вообще, будучи потомком Адама, создан по образу и подобию Бога, о любви ко всему человечеству. Идеалом именно такой, универсальной любви является в иудаизме наш праотец Авраам – уже из этого видно, насколько важное место в иудаизме занимает любовь ко всему человечеству.

Вместе с тем, иудаизм категорически настаивает на том, что любовь к человечеству должна быть не однородной, но градуированной, иерархичной. Иудаизм предписывает любить ближних больше, чем дальних. Следует любить свою семью больше, чем других людей вокруг, а свой народ – больше, чем другие народы. Да, надо стараться помогать всем, но в первую очередь – тем, кто ближе.

Подобный подход – это отнюдь не прагматическое правило, но моральный императив. Например, человек, который любит свою жену ровно в той же степени, как и всех других женщин, поступает недостойно. Тот, кто любит своих детей не в большей степени, чем всех детей вокруг, вряд ли может считаться образцом. Любовь к своей семье должна быть больше, чем любовь к

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org другим мужчинам, женщинам или детям. И точно так же весьма далека от моральной позиция, которая предлагает относиться одинаково ко всему человечеству и любить свой народ не более остальных.

Иудаизм учит человека строить свою любовь к окружающему миру иерархически: начиная от любви к себе и своей семье, постепенно расширять свою любовь до уровня своей общины, своего народа, всего человечества, всех живых существ, всего мироздания.

При этом иудаизм делает четкое различие между обязательным уровнем, требуемым от всех, и уровнем идеала для праведников. Обязательным уровнем любви к ближнему – т. е. еврейской библейской обязанностью – является любовь к каждому еврею, к еврейскому народу. Идеалом же для праведника является расширение рамок любви на весь мир (с сохранением иерархии!) [46 – Например, рае Авраам – Ицхак Кук, один из самых великих раввинов начала XX века и создатель философии религиозного сионизма, пишет об этом так: «я люблю все мироздание. Я физически не могу не любить всех людей, все народы, не могу не желать в самой глубине своего сердца блага всему и исправления всего. При этом моя любовь к народу Израиля более сильна, более глубока, более горяча; и любовь ко всему мирозданию распространяется из нее».]

Одна из причин ограничения «обязательного уровня любви» рамками своего народа состоит в том, что обратной стороной любви является вмешательство – ведь когда я люблю кого-то, я стремлюсь повлиять на него и изменить его. Когда же человек, прежде всего, прикладывает усилия к улучшению своего собственного дома, это имеет гораздо больше шансов на успех, чем попытки влезать в дом соседа с предложениями об усовершенствовании его быта. В своем доме я, по крайней мере, знаю свои потребности и понимаю ограничения, и остается лишь вопрос, насколько я смогу добиться того, чтобы обстановка в доме соответствовала этим потребностям. Но если я, исходя из принципа равной любви ко всем, буду стремиться переустраивать по своим, даже самым лучшим вкусам, не свой дом, а дом соседа – то, боюсь, это не приведет к добру. Народы отличаются один от другого, прежде всего, не языком или местом проживания, а – и это главное! – своими вкусами и потребностями, т. е. своей ментальностью, тем, что называют национальной душой.

Общность ментальности означает, что в целом у большинства представителей данного народа совпадает представление о том, что является жизненными идеалами; разные же движения и партии внутри одного народа различаются тем, что они предлагают разную стратегию для достижения этих идеалов. Но что касается разных народов – идеалы правильной жизни могут быть у них абсолютно разными, и поэтому основанная на «равной любви ко всем» попытка навязать другому народу свои концепции может привести к чрезвычайно отрицательным результатам.

Иудаизм обязывает евреев любить, прежде всего, свой народ, причем любовь эта должна быть деятельной. Мы обязаны строить и укреплять собственный национальный дом – другие же народы, если хотят, смогут учиться на нашем примере и сами улучшать свои национальные дома, но мы не должны лезть в их дела и начинать «помогать» им в их «домашних» делах. И этот уровень – любовь к собственному народу – является не только реально достижимым, но и конструктивным, он позволяет строить морально более продвинутое общество. Попытка же на равном уровне любить все человечество приводит – и при этом лучших людей, желающих человечеству счастья! – к неизбежным попыткам навязать соседу свое понимание жизни. Поэтому оборотной стороной декларированной христианской «равной любви ко всему человечеству» неизбежно являлось, в течение веков, агрессивное миссионерство с разной степенью насилия, начиная от принуждения евреев слушать христианские проповеди и кончая инквизицией, изгнанием всех некрестившихся и даже крещением под угрозой смерти. Это агрессивное миссионерство являлось постоянным историческим спутником христианства неслучайно – не потому, как иногда христиане говорят в такой ситуации, что «христианство хорошо, но сами христиане были недостаточно хороши» (подобный довод мы слышали 30 лет назад и от защитников марксизма), – но потому, что принципы эти были заложены в самой христианской концепции, как она трактовалась классическим христианством.

Что же касается непосредственно христианского призыва «любить врагов» – то, с точки зрения иудаизма, здесь все определяется иерархией и степенью этой любви. Категорическим моральным требованием иудаизма является обязанность человека активными действиями защищать гонимых и обижаемых; Тора (Левит

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org 19:16) формулирует эту заповедь так: «Не стой над кровью брата твоего», – т. е. не будь безучастен, когда проливается кровь ближнего. Защита преследуемых необходима не только ради самих этих преследуемых, но также и потому, что без такой защиты мир будет деструктивен, придет в состояние хаоса, и добро будет уничтожено. Тем самым, согласно мнению иудаизма, защита преследуемых имеет не только сиюминутную прагматическую, но и глобальную религиозную ценность. Эта обязанность защищать преследуемых касается и себя самого: в случае, когда враг нападает на меня, я обязан защищаться, в том числе физически.

Поэтому в вопросе о любви к врагам, мы можем сформулировать еврейский подход так: если человек активно противостоит врагу, но при этом у него хватает душевных сил, чтобы, продолжая воевать, любить высшую духовную составляющую его врага – то это не только допустимо, но и является идеалом для праведных людей. (Как уже отмечалось выше, это ни в коем случае не является требованием ко всем обычным людям, от которых требуется только «не ненавидеть врага».) Но если иерархия любви нарушена, и человек любит своего врага больше, чем он любит себя самого; если человек любит врагов своего народа больше, чем он любит собственно свой народ (или даже любит их равно) – то это мазохизм, осуждаемый иудаизмом.

Здесь надо отметить также, что само понятие «любовь», по своей сути, есть страстная жажда единства. И единство со всем миром является, конечно, чрезвычайно привлекательным. Бели оно осуществляется иерархически, то оно жизненно и приводит к добру, но тот, кто ощущает свое единство с врагами больше (или даже на том же уровне), чем свое единство с ближними – такой человек деструктивен.

На самом деле, в реальном христианстве любовь к врагам декларировалась лишь «теоретически», но никогда не была элементом практической христианской морали. За всю историю ни один христианский духовный лидер в случае нападения врага, огнем и мечом уничтожающего его страну, не предлагал своей стране и своему народу сдаться и не воевать, исходя из того, что врагов нужно любить, и поэтому нельзя их убивать. Иными словами, христианство предлагало человеку осуществить любовь не более чем к «бытовым врагам», к врагам в смысле рутинных ссор с окружающими – а вовсе не к настоящим врагам, несущим народу смерть и уничтожение.

Таким образом, и в самом христианстве призыв «любить врагов» является скорее возвышенным лозунгом, чем реальным призывом. И главный недостаток этого лозунга, с точки зрения иудаизма, заключается в том, что этот лозунг совершенно неправильно ориентирует общественную мораль. Он ориентирует людей, причем наиболее тонко чувствующих из них, не на заботу о своих, а на деструктивный мазохизм «единения с врагом». Такой призыв не только не ведет к добру – но, напротив, ведет мир к власти безнаказанного зла.

И здесь мы уже фактически перешли к обсуждению следующего важного принципа христианства, а именно – принципа «непротивления злу насилием».

6.2. Принцип «непротивления злу насилием»

Одним из известнейших принципов христианской этики является непротивление злу насилием. Иисус формулирует его следующим образом:

«Не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, подставь ему и другую...» (Матфей 5:39).

Всякий духовно продвинутый человек ощущает, конечно, что принцип «подставь ему и другую щеку» содержит некоторую искру истины. Принцип непротивления злу насилием звучит особенно притягательно для людей высокоморальных, зачастую склонных к самоедству, к признанию своих грехов еще до того, как их обвинят. Но попытка перевести этот призыв в плоскость действия, в плоскость заповеди – немедленно вызывает острые сомнения в его истинной моральной ценности.

Все мы знаем, что случаются, и нередко, ситуации, когда человек, причинив зло другому, подсознательно стремится искупить и преодолеть свой грех. В таком случае демонстративный отказ от насильственного противодействия может пробудить в нем муки совести и подтолкнет его на путь раскаяния. Однако, к

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org сожалеению, вряд ли можно считать эту ситуацию универсальной моделью поведения людей. Гораздо чаще реализуется другой вариант развития событий: преступник, не встретив отпора, распоясывается еще больше и становится все более опасным, как для данного человека, так и для окружающих. Именно поэтому наши мудрецы учили: «кто милостив к злодеям – тот, тем самым, жесток к праведникам». Отнюдь не всякое декларативное милосердие приводит к истинному милосердию.

Однако, категорически отрицая «подставление второй щеки» в практической области, иудаизм вовсе не считает эту концепцию бессмысленной. Мы будем удивлены, узнав, что слова о «подставлении щеки» вовсе не являются совершенно новой христианской идеей – они взяты из классического еврейского источника. Слова Иисуса являются парафразой жившего за 600 лет до него пророка Иеремии [47 – см. об этом также выше, в конце гл.4. До Иеремии идею «подставления щеки» мы находим также и у пророка Исаяи (50:6)]. Описывая разрушение Храма и еврейского государства, описывая свой плач на развалинах города Иерусалима, пророк говорит:

«Благо тому, кто молча ждет спасения Господня. Благо мужу, несущему бремя в юности своей. Пусть одиноко и молча сидит он, ибо Бог возложил на него это бремя. Пусть подставит он щеку бьющему его, пусть насытится позором, ибо не покидает Господь навеки; ибо если и опечалит Он, то и помилует по великому милосердию Своему» (Плач Иеремии 3:26–33).

Глубокая разница между еврейским и христианским подходами состоит, однако, в том, что в проповеди Иисуса «подставить другую щеку» предлагается в качестве одного из центральных этических принципов, абсолютного идеала поведения на все случаи жизни – в то время как у Иеремии подставление щеки имеет в виду совершенно особую, специфическую ситуацию. А именно: Иеремия имеет в виду ситуацию свершившегося поражения, когда Храм и Иерусалим уже разрушены, и теперь речь идет лишь об осознании итогов разрушения, о том, что необходимо осмысление своей вины и понимания справедливости Божественного наказания, необходимо духовное исправление – прежде, чем мы сможем добиться внешнего, материального исправления.

В терминах современной психологии можно сформулировать, что Иеремия (и классический иудаизм вслед за ним) имеет здесь в виду интравертную этическую ценность в области переживания («мое отношение к этому»), а отнюдь не экстравертную деятельную этическую ценность в области поведения («указание к действию»).

Вообще, углубляя осознание противоречия между тем, что, с одной стороны, человек свободен в своих действиях, имеет свободу выбора и поэтому несет ответственность за свои действия, но в то же время, с другой стороны, Бог обо всем заранее знает и управляет всем в мире – иудаизм последовательно проводит концепцию этической дихотомии (= выделения двух совершенно разных слоев) в вопросе отношения человека к поступкам окружающих его людей. Например, некто напал на меня и нанес мне какой-то ущерб. Мое отношение к этому должно быть двояким. С одной стороны, я должен считать, что нападавший, обладая свободой воли, выбрал зло и должен нести за это ответственность. (Может быть, в том или ином конкретном случае его следует, скорее, простить, но решение о таком прощении должно быть принято отдельно в каждой конкретной индивидуальной ситуации, а не провозглашено «вообще» – т. е. такое огульное прощение приведет мир к полному развалу.) С другой стороны, само то, что Бог направил ход движения мира так, что именно я подвергся нападению, должно заставить меня задуматься (в рамках моих отношений с Богом и с миром в целом, а вовсе не в рамках моих отношений с напавшим на меня, который в этом, втором аспекте представляет собой не более чем орудие в руках Всевышнего!), в чем состоит моя вина, в чем мои грехи, за что я наказан. В порядке этого осознания, если мои грехи действительно тяжелы – я, может быть, когда-то даже должен подставить бьющему щеку, чтобы ощутить справедливость наказания, чтобы обрести силы для внутреннего исправления. В одно и то же время я должен, с одной стороны (независимо от моего осознания собственной греховности) принять все возможные меры для отражения нападения и для того, чтобы остановить преступника, а с другой стороны (параллельно с предпринимаемыми мною активными действиями) – проникнуться осознанием собственных недостатков и принять меры по их исправлению [48 – Отметим, что некоторые христианские философы – например, В. Соловьев и Н. Бердяев – понимали «подставление второй щеки» именно в сформулированном выше еврейском смысле; но такое понимание не является на сегодня мейнстримом христианства.].

Такая дихотомия ведет к исправлению души и мира, а попытка смешать эти две плоскости и рассматривать подставление второй щеки как универсальный практический нравственный идеал – ведет мир к разрушению.

(Подход иудаизма к этому вопросу можно попытаться сформулировать и с несколько иной стороны. Если в обществе достигнуты основы справедливости – что является, с точки зрения иудаизма, обязательным требованием Бога к человеку, – то дальше можно осторожно пробовать проводить линию поведения, основанную на повышенном благочестии и в основном стремиться прощать. Но сделанная христианством (хотя бы и на уровне декларативном) попытка отказаться от установления справедливости и сконцентрироваться сразу на повышенном благочестии – приводит не к исправлению, а к разрушению человеческого общества и личности, а это нарушение Божественной задачи, поставленной перед человеком.)

6.3. Являются ли заповеди обязанностями или же идеалами

Выше, при обсуждении темы любви к ближнему, мы уже затронули этот вопрос, но нам хотелось бы разобрать его подробнее в отдельном пункте, ввиду его важности при рассмотрении соотношения иудаизма и христианства.

Необходимо учитывать, что, при внешней схожести терминологии само понятие «заповедь» глубоко различно в иудаизме и христианстве. В иудаизме четко различают два разных уровня требований к поведению человека: уровень законодательно – юридической нормы, являющийся минимумом, требуемым от каждого; и уровень благочестия, высокого морального идеала, который желателен, но который нельзя вменить в обязанность всем. Первое (обязанность для всех) называется «заповедь», второе (идеал) называется «Идур», «хасидут» (повышенное благочестие). Тот, кто реализует в своей жизни заповеди, вовсе не называется «праведник», он просто нормально соблюдающий еврей; а праведник – это гораздо более высокий уровень, чем просто соблюдение заповедей. Христианство же, отказавшееся от «закона» и сконцентрировавшееся на «призыве к праведности», знает, по сути, только уровень морального идеала (высшая праведность), и в христианстве именно к этому идеалу применяется термин «заповедь».

Христианство никак реально не требует (и даже не ожидает), чтобы все обычные нормальные верующие христиане реализовали эти идеалы («христианские заповеди») в своей жизни. Тот, кто реализует в своей жизни «христианские заповеди», уже считается праведником, и это совсем не ожидается от многих. В еврейской религиозной общине заповеди играют роль той нормы, соблюдение которой ожидается от всех; в христианском же обществе заповеди играют роль морального компаса, почти недостижимого для обычных людей идеала, наличие которого помогает не погрузиться окончательно в грех, – но никак не реального всеобщего нравственного закона.

Таким образом, возникающее иногда впечатление «этического прогресса христианства» создается лишь из-за того, что христианские заповеди (идеалы) пытаются сравнивать с еврейскими заповедями (законодательными минимальными нормами), в то время, как христианские заповеди надо сравнивать с еврейскими идеалами. Соответственно, христианскую заповедь «любви ко всему человечеству» надо сравнивать не с еврейской заповедью «любви к ближнему/еврею», а с еврейским идеалом «любви ко всему человечеству, но градуированной любви – к ближним больше, чем к дальним». Такое сравнение будет гораздо более адекватным.

6.4. Человек как «раб Бога», как «сын Бога» и как «супруг Бога»

В иудаизме выделяются три уровня взаимоотношения Бога и человека. Все эти уровни находят многократное выражение в высказываниях Торы, еврейских пророков и мудрецов более поздних эпох. Эти три уровня человек должен последовательно пройти, осознать, подняться по ним – чтобы, в конце концов, продвинуться к идеалу.

Первый уровень – это отношение человека к Богу как раба к Господину. На этом уровне человек осознает себя как раб Божий, подчиненный Всевышнему.

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org Обязательность соблюдения заповедей воспринимается на этом уровне как навязанная свыше.

Вторым уровнем, на который человек должен затем подняться, является уровень отношений человека к Богу как сына к Отцу (о чем говорят множество мест в Торе и Пророках, как, например: «Все вы сыновья Господу, Богу вашему» – Второзаконие 14:1). На этом уровне человек – это сын, любимый Всевышним, который хочет оказать ему милость и наградить его. На этом уровне обязательность соблюдения заповедей и моральных норм проистекает у человека не из принуждения, а из желания соответствовать своему высокому происхождению и положению, из желания оказаться достойным своего звания.

Но и второй уровень не является высшим, и человек (и также народ, и все человечество) должен подниматься на третий уровень, уровень взаимоотношений Бога с Человеком как Мужа и Жены. На этом уровне человек действительно приближается к Богу; об этом уровне говорит написанная царем Соломоном Песнь Песней, а также многочисленные высказывания пророков и мудрецов.

Ответственность сына (второй уровень) существенно отличается от ответственности супруга (третий уровень). Сын ответственен только за себя, но не за весь дом (= мир); супруги же делят ответственность за все мироздание. Необходимость соблюдения заповедей и необходимость соответствовать моральному идеалу проистекает на этом, третьем уровне, не из навязанной обязанности, и даже не из осознания своего величия, а из ощущения ответственности – в чем?; то равной ответственности Бога! – за все окружающее мироздание. По сравнению со вторым уровнем это стадия духовного совершеннолетия.

Иудаизм считает, что человек должен последовательно подниматься по этим трем ступеням, продолжая при этом опираться на пройденный уровень, не отрываясь от него. При продвижении с первого на второй уровень человек должен не потерять в своем мироощущении также и первый уровень; и также при продвижении к третьему уровню надо сохранить для себя ощущения первого и второго уровней. В процессе духовного продвижения прежний уровень не должен показаться человеку несущественным, устаревшим, примитивным. Наоборот, он должен стать основанием, удерживающим более высокий уровень, и не дающим ему упасть.

Две монотеистические религии, произошедшие из иудаизма, – ислам и христианство – сфокусировались на разных ступенях на этой лестнице. Ислам сосредоточен на подчинении, на человеке как рабе Божьему. Христианство стало подчеркивать статус человека как сына Божьего – что явилось новым словом для язычников, к которым пришла христианская проповедь. И та, и другая системы мировоззрения являются, конечно, громадным прогрессом по сравнению с идолопоклонством, но иудаизм призывает человека продвинуться к осознанию связи с Богом на третьем уровне.

Когда Павел в своей проповеди говорит: «Иисус освободил нас от рабства Закона», – то он предполагает, что его слушатели находятся на нижнем уровне восприятия взаимоотношений Бога и человека, и предлагает им перейти на второй уровень. О том, что иудаизм, еще со времен древних еврейских пророков, говорил не только о втором, но и о третьем уровне связи и единства (= любви) Бога и человека, Павел не упоминает. Это, в частности, еще раз показывает нам, что проповедь Павла была обращена не к евреям, а к язычникам, воспринимавшим связь с Богом как «рабство» и воодушевленных новым статусом «сына». Даже и сегодня можно услышать от христиан идею в духе: «Иисус превратил для нас Бога – Творца в Бога – Отца», – т. е., по их представлениям, христианство подняло монотеизм с уровня «раба» до уровня «сына». Это действительно верно для народов мира, которые, благодаря деятельности Павла, могут осознать отцовскую любовь Бога к человеку. Они, однако, при этом не осознают, что оба эти уровня уже имеются в иудаизме.

(Интересно отметить, что традиция рассматривает ивритское слово «мицва» («заповедь»), как производное от двух значений: и от «цав» – «приказ», и от «цвевт» – «работать вместе, в одной группе» (аналогичной двойственностью обладает в русском языке слово «команда», оно означает и «приказ», и «группу, работающую вместе»). Мидраш говорит: если человек воспринимает свои отношения с Богом на низком уровне, то заповеди – это приказы, команды; но на более высоком уровне заповеди – это связь, единство, дающее возможность действовать с Богом в одной команде, вместе исправлять мироздание.)

Глава 7. Мирское и духовное

Современная европейская цивилизация построена на разделении религиозных и светских сфер человеческой жизни. В европейской цивилизации содержание религии – это, прежде всего, вопросы веры в Бога, которые рассматриваются отдельно от мирских, светских сфер жизни – науки, искусства, внешней и внутренней политики, экономики и т. д. Такая структура культуры опирается на христианскую концепцию религии, сформулированную в знаменитых словах Иисуса: Воздавайте «Богу Богово, а кесарю кесарево» (Матф. 22:21). Эти слова Иисуса были сказаны в ответ на вопрос о деньгах и налогах, но позже они приобрели более широкое значение и стали пониматься в христианской культуре как общий принцип, разделяющий мир на область духовную, находящуюся в ведении религии, (Богово) и область светскую, внерелигиозную (кесарево). «Богово» было отделено от «кесарево», религиозное, по возможности, отодвинуто подальше от плотского, материального, светского и государственно – национального [49 – Опять;#8209;таки, надо оговориться, что такие христианские философы, как В. Соловьев и Н. Бердяев (и также многие протестантские мыслители), считали такое толкование слов Иисуса «вырванным из контекста» и стремились к единству материального и духовного миров. Но в классическом христианстве (и до сих пор – в мейнстриме христианского сознания) эти слова служат основанием для их разделения.].

В иудаизме подход к этой проблеме совершенно иной. Иудаизм не признает разделения на «плоть» и «дух», на «мирское» и «духовное». Настоящая духовность, по мнению иудаизма, может быть достигнута только на базе освящения материи – как в индивидуальных, так и в общенациональных рамках, а потому ни одна сфера жизни – ни индивидуума, ни народа, ни государства и человечества – не остается вне внимания религии. В частности, еврейские источники подробно рассматривают и обсуждают не только проблемы веры, культа и ритуала, но также и те вопросы, которые в европейской системе мышления воспринимаются как светские и не относящиеся к религии – вопросы уголовного и гражданского права, экономики, войны, государства. С еврейской точки зрения, любая сторона человеческой жизни религиозно значима – и потому сотни страниц Талмуда и других еврейских религиозных книг посвящены тому, какие принципы следует соблюдать при обработке земли, сборе урожая, постройке домов, разрешении гражданских и уголовных конфликтов; законам царской власти, внешней и внутренней политике и другим проблемам. Эта разница в подходах является источником того недоумения, которое порой испытывает христианин, знакомясь с еврейской религиозной литературой: с его точки зрения, многие вопросы, которые там обсуждаются, вообще выходят за рамки религии. Но все дело в том, что следует понимать под словом «религия». Иудаизм – это цельная система, включающая обсуждение всех аспектов жизни. Таким образом, по европейско – христианским меркам иудаизм – это даже не только религия, а скорее цивилизация. Иудаизм же склонен рассматривать классическое христианское разделение мира на «духовную» и «мирскую» сферы жизни как недостаток, ибо, в конце концов, мы должны осознать все аспекты жизни как элементы диалога человека с Богом.

Глава 8. Проблема первородного греха

8.1. Первородный грех и проблема смысла «первого прихода Иисуса как Мессии»

В начале книги Бытия – книги, священной как для евреев, так и для христиан, – рассказывается о том, как Первый Человек, Адам, совершил свой первый грех: нарушив запрет Бога, он вкусил в Саду Эдемском от плода Древа Познания Добра и Зла. Это первое грехопадение повлекло за собой вселенскую катастрофу – изгнание первых людей из Райского Сада.

Как иудаизм, так и христианство согласны в том, что последствия греха Адама люди ощущают на себе до сих пор, и поэтому в мире есть болезни, тяготы и смерть. Т. е. в смысле «беды» последствие греха Адама рассматривается в иудаизме и в христианстве одинаково.

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org Однако что касается аспекта «вины» – т. е. личной вины, лежащей на каждом вновь родившемся человеке из-за греха Адама – то позиции иудаизма и христианства здесь существенно отличаются.

Вообще, история, которая произошла в Саду Эдемском, ставит перед читателем множество вопросов. Что такое Древо Познания Добра и Зла? Как изменился человек после того, как съел этот плод? В чем заключаются причины греха Адама? Эти важнейшие и сложнейшие вопросы подробно – и часто по – разному – рассматриваются и в еврейских, и в христианских источниках. Мы не будем сейчас, за неимением места, углубляться в детальное их обсуждение. Рассмотрим здесь только один из этих вопросов: как отражается грех Адама на всем человечестве.

Христианство учит, что на каждом человеке лежит наследственная вина за этот грех, она передается всем его потомкам: каждый от рождения несет ее, ибо он – человек, сын согрешившего в Саду Адама. С точки зрения христианства, единственный путь освобождения и искупления этой вины за первородный грех дал людям Иисус: пожертвовав собой за людей, он, как они считают, снял с человечества великую вину. В этом, по мнению христиан, и состоял смысл первого пришествия Иисуса на землю, его роль как «Мессии, Спасителя и Искупителя рода человеческого». Однако эта роль (и все понимание Иисуса как Мессии) осмысленна только в том случае, если ввиду греха Адама на каждом человеке лежит индивидуальная вина (от которой Иисус мог бы его очищать), – а именно с этим иудаизм категорически не согласен.

Тут мы снова возвращаемся к упоминавшейся ранее проблеме критериев Мессии, столь кардинально измененных христианством по сравнению с исходными еврейскими источниками. Выше (в первой главе этой книги) мы уже говорили, что у идеологов христианства всегда была проблема с трактовкой мессианской роли Иисуса: как объяснить, что Иисус, вопреки тому, что предсказано библейскими пророками, не исполнил обещаний и реально не исправил мир, в котором продолжают существовать страдания, нищета и войны? И если он не сделал этого, то почему же его можно считать Мессией? Идея наложения первородного греха как вины на каждого только что родившегося человека была логически необходима первохристианам для решения этой проблемы. Христианство стало учить, что первый приход Иисуса только подготовил почву для исполнения библейских пророчеств (которые будут осуществлены в результате «Второго пришествия») – а именно, этот первый приход дал человечеству возможность освободиться от наследственной вины за первородный грех. Освобождение от этой вины давалось только с помощью крещения (обряда погружения в воды «миквы», взятого из иудаизма, но преобразованного так, чтобы он символизировал веру в Иисуса и в единение с христианской церковью). Люди, не прошедшие этого обряда, несут на себе вину за грех Адама, от которой христиане избавлены[50 – Эта концепция есть и в католицизме, и в православии. Католическую формулировку искупления вины за первородный грех через крещение мы находим, например, в Декретах Тридентского Собора (1545 г.): «Поскольку грехопадение вызвало потерю первородности, падение в рабство к дьяволу и гнев Божий, и поскольку грех первородный передается по рождению, а не подражанием, – все, что имеет греховную природу, и всякий, являющийся виновным в первородном грехе, может быть искуплен крещением». Подобную концепцию демонстрирует и Православный Богословский Энциклопедический Словарь (СПб, 1992, стр. 1792): «По учению церкви, крещение изглаживает в человеке Первородный грех, унаследованный от прародителей, освобождает человека от вины перед Богом. Несмотря на это, следствия Первородного греха, а именно: склонность ко злу, болезни, смерть – не могут быть уничтожены таинством крещения. Учением о Первородном грехе обосновывается необходимость Искупления».]

Для иудаизма совершенно неприемлема христианская концепция греха Адама как универсальной вины, унаследованной его потомками. С еврейской точки зрения, последствия грехопадения Адама распространяются, конечно, на его потомков, что выражается и в рациональной, и в мистической областях – как в объективных трудностях повседневной человеческой жизни («в поте лица своего будешь есть хлеб свой» – Быт. 3:19), так и в проблемах внутреннего устройства личности и мироздания. Вследствие греха Адама людям стало труднее жить и труднее общаться с Богом, в мистическом плане в душе возникла «трещина». Однако все это вовсе не «вина вновь рождающейся души», а проблема и трудность, с которой каждый человек может и должен справляться, понимая свою ответственность перед Богом за свою судьбу и за судьбу всего мира.

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org В иудаизме есть термин «Грех Адама», но нет христианского термина «первородный грех». Такой термин неприемлем для иудаизма, ибо он подразумевает, что от самого рождения на каждом человеке лежит вина перед Богом, что каждый изначально как бы уже грешник. Иудаизм же со всей определенностью утверждает, что любой человек, кем бы он ни был, получает от рождения чистую душу, и только от его собственного выбора зависит – сделать ее грешной и виновной перед Богом, или же сделать ее праведной и чистой.

Иудаизм учит, что человек не рождается грешником и что от рождения никто не поработен грехом. С младенчества у каждого человека есть обе склонности – и к добру, и ко злу, он в равной степени расположен как к греху, так и к праведности. В книге Бытия говорится о том, что у человека есть склонность к греху от юности его (Бытие 8:21), но есть также и силы противостоять ему. Бог говорит Каину: «У входа грех лежит, ты же имеешь возможность властвовать над ним» (Бытие 4:7). Человек сам отвечает за свои поступки, он сам делает свой моральный выбор – грешить или не грешить; и он может винить в своих грехах только себя самого, но никак не наследие греха Адама или «поработенность дьяволу».

Иными словами, с точки зрения иудаизма каждый человек от рождения и так уже обладает именно тем онтологическим статусом, который с точки зрения христианства, ребенок (или взрослый) получает после крещения.

8.2. Различное отношение иудаизма и христианства к пониманию сексуальной жизни человека

Библейский рассказ о Сотворении мира не только рисует нам исходную историю человеческого рода, но также объясняет структуру мира и устройство человеческой души. Как мы видели, евреи и христиане по – разному понимают историю Сотворения мира, изложенную в книге Бытия. С этой различной трактовкой священного Текста связано различие во многих взглядах, касающихся важнейших сторон человеческой жизни, в том числе различное отношение к сексу.

Еврейская и христианская традиции различаются, прежде всего, описанием последовательности событий в той драме, которая разыгралась в Эденском саду. Согласно христианской трактовке, Адам познал свою жену (Бытие 4:1) после того, как Адам и Ева нарушили Божественный запрет и сорвали плод с Древа Познания, а их дети – Каин и Авель – родились после изгнания, вне пределов Сада Эденского. Христиане при этом считают, что познание, о котором идет речь в стихе 4:1, т. е. сексуальные отношения между Адамом и Евой, – является прямым следствием греха. Из этого христиане заключают, что сексуальные отношения между мужчиной и женщиной изначально таят в себе некоторое исходно греховное начало. (Христианство, разумеется, не считает сам брак грехом, но рассматривает его как «вынужденное последствие греха», как уступку человеческой слабости.) Поэтому принципиальной важностью обладает для христиан чудесное рождение Иисуса от «девы, не познавшей мужа» – ибо только так, по их мнению, могла быть достигнута высшая чистота и святость. Даже само название этого догмата в христианстве – «догмат о непорочном зачатии» – подразумевает, что всякое другое (т. е. обычное) зачатие уже содержит в себе некоторый элемент порока. Сам Иисус никогда не вступал в брак и с похвалой отзывался о тех, кто сам сделал себя «скопцом ради Царства Небесного» (Мф. 19:12), фактически отменяя обязательность Божественной заповеди «плодитесь и размножайтесь» (Бытие 1:28) и выдвигая вместо нее принцип «если можешь не жениться – не женись». Павел (1-е Послание к Коринфянам 7:25–40) еще более подробно говорит о том, что «девство лучше женитьбы». Давая человеку возможность выбора пути мирянина либо монаха, классическое христианство при этом считает, что эти пути отнюдь не дают человеку равных возможностей, и для достижения высокого уровня святости человеку лучше было бы отказаться от сексуальных отношений, поэтому в традиционном христианстве только монахи могут занимать высшие посты церковной иерархии.

Совершенно иное отношение к сексуальной сфере человеческой жизни мы встречаем в иудаизме. Иудаизм рассматривает сексуальные отношения мужа с женой и рождение детей как величайшую Божественную заповедь, а отказ от сексуальных отношений и деторождения – как неполноценность человеческого существования, и, таким образом, категорически отрицает монашество и

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org безбрачие. Это представление связано, в частности, с тем, что еврейская традиция совершенно иначе понимает рассказ о Сотворении мира и, соответственно, делает иные выводы о правильном Божественном пути человека. Еврейская традиция подчеркивает, что дети Адама и Евы родились в Саду Эдемском еще до изгнания, причем Каин родился даже до того, как первые люди сорвали плод с Древа Познания (грамматически в стихе 4:1 глагол «И Адам познал Еву» стоит в «давно прошедшем времени», т. е. это не хронологическая последовательность событий, а ретроспекция уже происшедшего в Саду). Иначе говоря, сексуальные отношения вовсе не являются следствием греха. Еврейская традиция отмечает, что еще в первой главе книги Бытия, там, где впервые заходит речь о сотворении человека, дана заповедь вступления в брак и рождения детей:

«И сотворил Бог человека в образе Его, в образе Божественном сотворил Он его; мужчиной и женщиной сотворил Он их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и овладейте ею...» (1:27-28).

Как мы видим, Бог повелевает человеку «плодитесь и размножайтесь» еще до того, как вообще заходит речь о плодах с Древа Познания. Эта заповедь не только хронологически первая – она является как бы одним из сопутствующих условий к самому сотворению человека: рождая детей, человек, тем самым, продолжает Божественный труд сотворения мира. Поэтому сказали в Талмуде еврейские мудрецы: «Тот, кто отказывается выполнить заповедь рождения детей, может быть уподоблен убийце, проливающему кровь» [51 – В еврейской традиции встречались, очень редко, отдельные мудрецы, которые так всю жизнь и не женились, – но они сами, и окружающие рассматривали это как личную трагедию и недостаток, и никогда не как «повышенное достоинство».]

Иудаизм считает, что путь к святости пролегает не через подавление или сублимацию естественных сторон жизни, а через их полноценную и правильную реализацию. Самоограничение и даже некоторая доля аскетизма в иудаизме, конечно, тоже есть, но аскетизм никогда не занимал в иудаизме такого важного, а порой даже довлеющего статуса, какой он занимает в классическом христианстве.

Глава 9. Дополнение: некоторые исторически важные тексты

Мы приводим в этой главе, в качестве дополнения, два классических текста, важных для понимания истории иудео – христианских взаимоотношений: отрывок из Иосифа Флавия (I в. н. э.) и отрывок из «Диспута Нахманида» (XIII в.).

9.1. «Testimonium Flavianum» – «Свидетельство Флавия»

Одним из важнейших «свидетельствующих об Иисусе» исторических источников считается «Testimonium Flavianum» – «Свидетельство Флавия». Иосиф Флавий упоминает Иисуса и его учеников в своей книге «Иудейские древности», написанной в 90-х гг. н. э., и это упоминание является почти единственным историческим упоминанием об Иисусе вне новозаветной литературы.

Тексты Иосифа Флавия были изначально написаны по – гречески; они не сохранились в еврейской культуре, но их переписывали и сохраняли в христианской традиции. (Некоторые исследователи считают, что именно наличие упоминания об Иисусе у Флавия и было вообще причиной сохранения в христианском мире этих текстов.)

В обычном христианском издании «Иудейских древностей» отрывок, упоминающий Иисуса (18:3:3), выглядит так:

Около этого времени жил Иисус, человек мудрый, если Его вообще можно назвать человеком. Он совершил изумительные деяния и стал наставником тех людей, которые охотно воспринимали истину. Он привлек к себе многих иудеев и эллинов. То был Христос. По настоянию первенствующих у нас людей Пилат приговорил Его к кресту. Но те, кто раньше любили Его, не прекращали любить Его и теперь. На третий день Он вновь явился им живой, как возвестили о нем и о многих других Его чудесах боговдохновенные пророки. Поныне еще

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org существуют так называемые христиане, именующие себя таким образом по Его имени.

Характер этого отрывка настолько прохристианский, что многие ученые вообще сомневались в его подлинности и считали его редакционной вставкой (интерполяцией) в текст Флавия; христианская же традиция, наоборот, демонстрировала его как «объективное свидетельство об Иисусе и Его роли». Однако в двадцатом веке была найдена и опубликована книга христианского египетского епископа и историка X века Агапия «Всемирная история» («Китаб аль – унван»), в которой он цитирует отрывок из Флавия – текст которого, при этом, расходится с общепринятой греческой версией «Testimonium Flavianum». Согласно Агапию, текст Флавия выглядит так:

В это время был мудрый человек по имени Иисус. Его образ жизни был похвальным, и он славился своей добродетелью; и многие люди из числа иудеев и других народов стали его учениками. Пилат осудил его на распятие и смерть; однако те, которые стали его учениками, не отреклись от своего ученичества. Они рассказывали, будто он явился им на третий день после своего распятия и был живым. В соответствии с этим он был Мессия, о котором пророки предвещали чудеса (перевод С. С. Аверинцева).

Именно таким, видимо, был исходный подлинный текст Иосифа Флавия, сохранившийся у Агапия благодаря ранним переводам сочинений Флавия на сирийский язык. Итак, мы видим, что Флавий упоминает Иисуса как «человека мудрого и достойного поведения», но не более того. Христианские же редакторы дополнительно приписали Флавию:

(1) Упоминание о чудесах, которые должен был совершить Иисус, о его мессианстве и божественности: «...если Его вообще можно назвать человеком...Он совершил изумительные деяния... То был Христос».

(2) Упоминание о Воскрешении и о связи Иисуса с библейскими пророчествами как о факте, а не как проповеди, провозглашаемой учениками Иисуса: «На третий день Он вновь явился им живой... Как возвестили пророки». Здесь пропущено исходное у Флавия: «Ученики его рассказывали, будто...»

(3) И, наконец, к словам Флавия: «Пилат приговорил Его к кресту», – христианские редакторы добавили: «По настоянию первенствующих у нас людей», – иначе теряется идея возложить ответственность за казнь Иисуса на евреев.

Во всех этих аспектах исходный текст Флавия описывает ситуацию с точки зрения ее современников, а христианские дополнения к Флавию рисуют ее такой, какой она была нужна для христианства. Этот отрывок может служить ярким примером того, как редактировались и изменялись тексты в рамках христианской традиции в первые века н. э.

9.2. Диспут Нахманида

Мы уже говорили выше о том, что в течение многих веков христианская церковь предпринимала постоянные попытки убедить евреев, что учение христианства является законным наследником библейского иудаизма; и поскольку евреи отвергали эти претензии, церковь устраивала диспуты, на которых представители иудаизма должны были отвечать на доводы христиан. Поскольку христианские «доказательства» в этой области и еврейские ответы на них не изменились за последнее тысячелетие, текст этих диспутов интересен также и для нас.

Один из наиболее известных подобных диспутов средневековья – это диспут Нахманида. Официально он происходил по инициативе выкреста из евреев, доминиканского монаха брата Пабло Христиани; ему должен был отвечать известный еврейский ученый, один из руководителей евреев Испании, раввин Моше бен Нахман (он же РаМБАН, Моисей Нахманид). Диспут состоялся в Барселоне в июле 1263 года в присутствии и при участии арагонского короля Якобо 1, его двора, кардиналов, епископов и членов францисканских и доминиканских орденов.

Хотя перед диспутом Нахманиду был обещан полный иммунитет от преследования за высказанную на диспуте критику христианской теологии, – после диспута

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org доминиканцы возбудили против него уголовное дело «об оскорблении веры», и ему пришлось (с тайного разрешения короля) бежать из Испании.

Мы помещаем ниже отрывки из книги, написанной самим Нахманидом по следам этого диспута[52 – Цитируется по изд.: Диспут Нахманида. Пер. Б. Хаскевича. Иерусалим, 1976].

* * *

Ниже пишу я о том, что отвечал я этому неучу брату Пабло, показавшему глупость своих доводов публично, в присутствии короля, государя нашего, его мудрецов и советников, да возрастет величие его и да возвысится царство его.

Велел мне король, государь наш, провести диспут с братом Пабло во дворце своем в присутствии короля и его советников в Барселоне.

Я ответил, сказав: Я исполню повеление короля, государя моего, если вы разрешите мне говорить, как я хочу. Я прошу дозволения короля и его соратников, и монахов, здесь присутствующих.

Ответили мне: Если только ты не будешь поносить нашу веру.

Я сказал им: Я не хочу вступать в дискуссию, если не смогу говорить свободно, как и вы, обо всем, что касается диспута. Я умею говорить вежливо и аккуратно, но я буду говорить то, что я хочу.

И все дали мне разрешение говорить, как я хочу. И сам король велел мне говорить, как я хочу.

Я сказал: Немало было диспутов между христианскими священниками и иудеями о законах и обычаях, не связанных с основами веры. Я же хочу в этом почтенном дворце говорить лишь об основах, от которых зависит все, а не пустословить о вещах, не имеющих существенного значения.

И сказали они в ответ: Ты хорошо сказал.

* * *

Итак, мы согласились, что будем сначала говорить о Мессии. Пришел ли он уже, как верят христиане, или должен прийти, как верят иудеи. Затем будем говорить о том, является ли Мессия самим Богом или же он полностью человек, родившийся от мужа и жены.

А позднее будем говорить о том, кто придерживается истинного учения – мы или христиане...[53 – Этот последний вопрос уже не обсуждался, так как диспут был прерван по приказу короля.]

Мы стали обсуждать вопрос о Мессии и о грехе Адама. И я сказал, что, по нашему мнению, в эпоху Мессии прекратится грех Адама.

Сказали на это наш государь, король, и брат Пабло: И мы считаем, что грех Адама прекращается при Мессии [т. е. прекращается уже сегодня], но только не в том смысле, в котором ты думаешь. Ибо раньше все отправлялись в ад в наказание за грех Адама, а во дни Мессии Иисуса он прекратился, ибо Иисус искупил своей смертью первородный грех и вывел людей из ада.

Я сказал в ответ: У нас есть пословица: Если ты решил солгать, то удали своих свидетелей! Много всяких наказаний определено в книге Бытия Адаму и Еве за их грех: «Проклята земля для тебя... терн и волчец произрастит она тебе... в поте лица твоего будешь есть хлеб... ибо прах ты и в прах возвратишься». Так же и о женщине: «В тяготах будешь рожать детей» (Быт. 3:16–19). И все эти наказания, видимые и ощутимые, существуют и сегодня, и ничего из них, как мы реально видим, не отменилось и не искупилось в дни вашего мессии. Зато про ад, о котором как о наказании ничего в книге Бытия не сказано, вы говорите, что он искуплен, – и вы говорите так потому, что никто не может вас опровергнуть! Пошлите туда кого-нибудь из вас[54 – Скрытая реминисценция из книги Бытия (42:16). Нах- манид иронически предлагает своим оппонентам отправить кого-нибудь в ад, чтобы

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org проверить, действительно ли Иисус искупил грехи всех смертных.], пусть он пойдет туда, вернется и расскажет всем!

И, кроме того, не может быть у Бога такого неправосудия[55 – Реминисценция из книги Иова (34:10): «Не может быть у Бога неправды или у Вседержителя неправосудия».], чтобы праведные попадали в ад за грех Адама, их праотца. Моя душа имеет такую же зависимость, в смысле вины за грех, от души моего отца, как и от души фараона – а за грех фараона моя душа в ад не попадет! Наказания за грех Адама – во плоти, ибо плоть моя дана мне от отца и матери, и именно об этих наказаниях говорится в Торе. И коль было определено Адаму и Еве, чтобы они стали смертными за свой грех, то и потомки их за этот грех стали смертными по своей телесной природе[56 – Иными словами, когда в эпоху Мессии будет воскрешение из мертвых и люди вновь станут бессмертными – только тогда можно сказать, что грех Адама искуплен. Таким образом, это искупление – согласно тому, что сказано в Торе о грехе Адама, – никак не могло быть совершено Иисусом.].

Встал брат Пабло и сказал: Я приведу доказательство, что время Мессии уже прошло.

Я сказал царю: Выслушай, государь мой! Наш Закон, Истина и Правосудие не зависят целиком от Мессии... Основной предмет разногласий между иудеями и христианами заключается не в Мессии, а в том, что христиане говорят ужасные вещи о Божественной Сущности. Ты сам, государь наш, – христианин, сын христианина и христианки, ты привык к этому и перестал это осознавать. Ты всю свою жизнь слушал священников и монахов, говорящих о рождестве Иисуса. Они до мозга костей наполнили тебя рассуждениями об этом, вплоть до того, что все это утвердилось у тебя в силу привычки. Однако то, во что вы верите – и это основа вашей веры! – не приемлет данный нам Богом разум: что Всевышний, Создатель небес и земли, превратился в плод в утробе некой женщины, пробыл там девять месяцев и родился младенцем, затем вырос, а впоследствии был предан в руки своих врагов, которые осудили его на смерть и умертвили; после чего, как вы утверждаете, он ожил и вознесся на небо. Все это противно природе вещей, этого не приемлет разум человека, который действительно верит в то, что Всевышний есть Создатель и Владыка небес и земли; пророки никогда ничего подобного не говорили, да и нельзя оправдать такие вульгарные верования ссылками на возможность чуда (и если ты хочешь, то я могу подробно объяснить тебе отдельно, почему так). Этого не стерпит разум иудея и вообще никакого думающего человека! И тщетно вы приводите свои доказательства о Мессии – ведь не в Мессии вся суть нашего спора. Но мы поговорим дальше о Мессии, раз вы требуете этого...

Сказал брат Пабло: И ты поверишь, что Мессия уже пришел?

Я сказал: Я верю и знаю, что Мессия еще не пришел. Невозможно поверить в мессианство Иисуса, потому что он не исполнил слов пророков. Пророк говорит о Мессии, что он будет царем Израиля, и что при этом он будет властвовать от моря до моря и от реки до концов земли (Псалмы 72:8). У Иисуса же не было вообще никакой власти, ибо при жизни он сам был гоним врагами и скрывался от них. Позднее же он был пойман и не мог спасти сам себя – как же он избавит весь Израиль? Да и после его смерти не было у него какой-либо власти. Ведь владычество Рима – не от него, потому что Римская империя властвовала над большей частью мира до Иисуса, зато после принятия его веры она потеряла много государств. Да и сейчас у ваших религиозных врагов, мусульман, больше власти и стран в подчинении, чем у вас. К тому же пророк говорит, что «во дни Мессии Земля будет наполнена ведением (познанием) Бога, как воды наполняют море» (Исайя 11:9). И еще: «Не будут больше учить друг друга, и не будет нужды в том, чтобы брат учил брата, и не будут говорить: Познайте Бога, ибо все сами будут знать Меня» (Иеремия 31:33). – г- И ничего подобного нет сейчас! И еще сказано: «И перекуют мечи свои на орала [плуги], и копыя свои на серпы; не поднимет народ меча на народ, и не будут более учиться воевать» (Исайя 2:4). Но от дней Иисуса и поныне столько войн, и весь мир полон насилия и грабежа, а сами христиане проливают крови больше других народов! Как же можно говорить, что Мессия пришел, – ведь мы ясно видим, что мессианские времена еще не настали.

И еще говорит пророк о качествах Мессии так: «И жезлом уст своих поразит он землю» (Исайя 11:4). А в книге Агады, которую держит и на которую ссылается брат Пабло, это объясняется более подробно: «Скажут Мессии – Властителю: Такое-то государство взбунтовалось против тебя. – А он скажет: Да

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org погубит его нашествие саранчи (т. е. Царь – Мессия поразит это государство «жезлом уст своих»). Скажут ему: Такая-то область не подчиняется тебе. – А он скажет: Нашествие диких зверей да истребит ее», – ничего подобного не было у Иисуса. Вы же, рабы его, предпочитаете идти в наступление на врагов своих с мечом, а вовсе не с «жезлом уст». У вас рать вооруженная, а иногда и этого вам недостаточно. И еще я приведу вам множество обоснований из слов пророков о том, что Мессия еще не пришел...

Завопил тот человек, сказав: Вот вечно он так со своими длинными речами! А у меня есть, что спрашивать!

Сказал мне король: Умолкни, ведь он же истец, а ты ответчик.

И я замолчал и продолжал отвечать на его вопросы.

И сказал брат Пабло: Вот Даниил (9:24) говорит: «Семьдесят седьмин (т. е. $70 \times 7 = 490$ лет) определены для народа твоего и святого города твоего, чтобы покрыто было преступление, запечатаны были грехи и заглажены беззакония, и чтобы приведена была правда вечная, и запечатаны были видение и пророк, и помазан был Святой святых». Семьдесят седьмин – это годы: 420 лет существования Второго Храма и 70 лет Вавилонского пленения. Значит, слова «Святой святых» относятся к Иисусу, и о нем сбылось предсказание Даниила.

Я сказал ему: Но ведь даже согласно вашим расчетам Иисус был раньше этого времени, он родился раньше указанного Даниилом срока более чем на десять седьмин (т. е. на 70 лет, т. к. по христианской хронологии Храм был разрушен в 73 году от рождения Иисуса).

Он сказал: Так. Но вот есть стих у Даниила, где сказано: «Итак, знай и разумей: с того времени, как выйдет повеление о восстановлении Иерусалима, до помазанника – князя – семь седьмин и шестьдесят две седьмины». Помазанник – князь – это и есть Иисус.

Я сказал ему: Это тоже общеизвестная нелепость. Ведь Писание разделяет вышеупомянутые семьдесят седьмин и отсчитывает семь седьмин до помазанника – князя; затем шестьдесят две седьмины до отстройки улиц и стен, а потом еще одну седьмину, когда он «утвердит завет для многих». В общей сложности получается семьдесят седьмин. Иисус же, которого ты называешь помазанником – князем, явился не к семидесяти седьминам, а после примерно шестидесяти седьмин, согласно твоему счету. Попробуй объяснить мне всю главу согласно твоему толкованию, и я тебе отвечу. Ведь ты даже не сможешь объяснить ее никоим образом... Но ты не стесняешься говорить о вещах, которых не знаешь. Я же поведаю тебе, что помазанник – князь – это Зерубавель (руководитель евреев эпохи возвращения из Вавилонского плена), и он пришел ко времени семи седьмин, как и сказано в Писании.

Он сказал: Как же он именуется Мессией (помазанником)?

Я сказал: И Кир, царь Персии, тоже назван помазанником (мессией). И об Аврааме, Ицхаке и Якове сказано: «Не прикасайтесь к помазанникам Моим...» (Исаия 45:1). Потому и сказано о нем (Зерубавеле) «князь», что царство его не возвысится (до настоящего царства), но все же его будет славить и превозносить народ его. Я с готовностью растолкую тебе всю главу эту, если только ты и товарищи твои захотите слушать, и твой ум настроен понимать...

* * *

Брат Пабло сказал: Я приведу доказательство из Писания, что Мессия – это не человек, как думаете вы, а Бог, как думаем мы. Ведь о нем Псалом (110:1) говорит: Сказал Господь господину моему: «Сядь одесную [57 – Одесную – со стороны десницы, по правую руку.] Меня...» Кому, кроме самого Бога, мог Давид говорить «господин мой»? И как может сидеть человек «одесную Бога»? Ясно, что Давид имеет в виду господина своего – Мессию, и что Мессия – это Бог.

Сказал король: Правильно он спрашивает! Если бы Мессия был самым обыкновенным человеком и из потомства Давида в буквальном смысле, Давид не говорил бы ему «господин мой». Если бы у меня был сын или внук из потомства моего, который властвовал бы над всем миром, я бы не стал ему говорить «господин мой». Я бы скорее хотел, чтобы он мне говорил «господин мой» и целовал мне руку.

Я повернулся лицом к брату Пабло и сказал: Ты что же – тот иудейский мудрец, который сделал это открытие и поэтому крестился, и теперь советует королю собрать всех иудейских мудрецов, чтобы вести с ними диспуты по твоим находкам? Да разве не слышали мы этого до сих пор? Ведь не найдется ни одного попа или ребенка, которые не задавали бы иудеям этого вопроса! Ведь это же очень старый вопрос...

Сказал король: Однако же ответь на него.

Я сказал: Так послушайте меня. Давид был псалмопевцем, который сочинял Псалмы под Святым вдохновением. Он сочинял Псалмы для того, чтобы их пели пред Божьим алтарем в Храме. Сам он не пел их – ему это не было дозволено по Закону Торы, ибо только левиты могли принимать участие в храмовых песнопениях; Давид же был из колена Иуды, а не из колена Леви. Он передавал Псалмы левитам, чтобы они их пели. Так об этом прямо и говорится в Библии (книга летописей 1, 16:7). Поэтому Давид должен был сочинять Псалом в такой форме, чтобы левиты могли его читать. Если бы Давид написал: «Сказал Господь мне: Сядь одесную Бога», то левит не мог бы это провозгласить, так как это не о нем. Левиту следует говорить: «Сказал Господь господину моему (т. е. Давиду): Сядь одесную Бога». Суть же слов «одесную Бога» в том, что Всевышний обещает Давиду – и также Мессии, его потомку, – защищать его Своею Десницею, содействовать ему во всем и помочь одолеть его врагов. Так оно и было, ибо сказано про Давида, что один из его воинов «поднял копье свое на восемьсот человек и поразил их в один раз» (2-я книга Самуила 23:8). Есть ли, король, среди твоих ратников кто-то, кто мог бы своей силой свершить такое? А это и есть Десница Божья.

У Давида так и написано: «Десница Твоя поддерживает меня» (Псалмы 18:36). Или: «Десница Господня высока, десница Господня творит силу» (Псалмы 118:16) А о нашем учителе Моисее, блаженной памяти, написано: «Который вел Моисея за правую руку величественною мышцею Своею...» (Исайя 63:12). И он же сказал при поражении фараона: «Десница Твоя, Боже, разит врага» (Исход 15:6). И, кроме того, в Писании вообще немало мест, где пророк говорит о себе в третьем лице и называет себя по имени, а не говорит «я» или «мне». Так что все это – обычное выражение в Писании, а вовсе не доказательство того, что якобы Мессия – это БОГ.

Заявил брат Пабло: Посмотри на книгу пророка Исайи (глава 63): «Вот, раб Мой будет благоуспешен...», – и т. д. Эта глава рассказывает о смерти Мессии, о том, как он попал в руки врагов своих, о том, как поместили они его со злодеями. Ведь ясно, что все это и сбылось с Иисусом. Верить ли ты, что глава эта говорит о Мессии?

Я сказал ему: Согласно прямому смыслу текста, глава эта не говорит ни о чем другом, кроме как о народе Израиля в целом, ибо так называют его пророки всегда: «Израиль, раб Мой, Яков, раб Мой» (см. Исайя 41:8; 44:1-2).

Сказал брат Пабло: А я покажу, что, согласно вашим же мудрецам, эта глава говорит о Мессии.

Я ему сказал: Верно, что эту главу мудрецы наши в книгах Агады (т. е. в аллегорических комментариях) толкуют как говорящую о Мессии [58 – Большинство комментаторов полагают, что речь здесь идет о народе Израиля в целом. Согласно Агаде, речь идет о Мессии. Связь между этими двумя комментариями проявляется на основании принципа, изложенного у Раши в его комментарии к Торе (Числа 21:21), где он обсуждает, что «при Исходе из Египта Моисей – это Израиль, а Израиль – это Моисей. Писание говорит тебе, что вождь поколения символизирует все поколение...» Аналогично этому, в мессианскую эпоху Мессия олицетворяет собой весь еврейский народ, и поэтому здесь возможны оба понимания.], но они никогда не говорили, что он будет убит рукою своих врагов. Ты не найдешь никогда ни в одной из еврейских книг, ни в Талмуде, ни в Агаде, что Мессия, сын Давида, будет убит и предан врагам своим или что он будет похоронен среди злодеев. Ведь Мессия, которого вы создали себе, даже не был похоронен. Если хотите, я объясню вам весь этот отрывок в четком и ясном толковании. И там вообще нет ничего об убийстве, как это произошло с вашим Мессией.

Но они не хотели слушать...

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org
* * *

Такова была суть наших слов. Я записал их текст полностью и не изменил в них ни слова. Позже, в тот же самый день, я предстал перед нашим государем, королем, и он сказал: «Пусть диспут будет приостановлен, ибо я не видел ни одного человека, который был бы неправ, и при этом аргументировал бы все так хорошо, как это сделал ты».

Я слышал во дворце, что король и монахи – проповедники хотят прийти в синагогу в субботний день. И я остался в городе еще на восемь дней (чтобы иметь возможность возразить им). И когда они явились туда в следующую субботу, я ответил нашему государю по достоинству, ибо он очень настаивал в своей проповеди, обращенной к евреям, что Иисус – это Мессия.

Я поднялся и сказал: Слова государя нашего в моих глазах благородны, превосходны и высокочтимы, ибо они исходят от столь благородного, превосходного и высокочтимого, которому нет равного во всем мире! Однако я не могу сказать, что они истинны. Ибо у меня есть убедительные доказательства, ясные, как солнце, что истина не такова, как он говорит. Однако спорить с ним – неблагопристойно. Я скажу только, что совсем не понимаю одного: ведь так же, как король убеждает нас поверить, что Иисус – это Мессия, Иисус сам убеждал наших предков, но они полностью опровергли его доводы. А ведь Иисус мог доказать свою правоту лучше короля, если он, по – вашему, был Богом. И если предки наши, которые видели и знали его, не согласились с Иисусом, то как же мы можем послушаться короля, который знает о нем лишь понаслышке от людей, не знавших его и не бывших даже в его стране, – в отличие от наших отцов, знавших и засвидетельствовавших о нем?..

... И встал король, государь наш, и встали все и разошлись.

* * *

На следующий день я вновь предстал перед государем нашим, и он сказал мне: «Возвращайся в город свой с миром». И дал мне триста золотых динариев на дорожные расходы, и я расстался с ним..

Часть вторая. Необходимость осознания дополнительности: Современный диалог иудаизма и христианства
Современный диалог иудаизма и христианства

Эта часть посвящена новым аспектам еврейско- христианских взаимоотношений, возникшим за последнее столетие; изменению позиций христианства от «теологии замещения» к «теологии дополнения» (включая принципиальный отказ христианства от попыток миссионерского обращения евреев и признания им религиозной ценности иудаизма); и рассматривает элементы того намечающегося диалога, который может развиваться между евреями и христианством в такой ситуации.

Глава 10. От конфликта к диалогу

Изменение отношения к иудаизму в христианской теологии в наше время – влияние Катастрофы и создания Государства Израиль на еврейско – христианские взаимоотношения

А. КЛАССИЧЕСКИЙ ЭТАП

1. Амбивалентная основа христианского отношения к Танаху и к евреям
2. «Теология презрения» Августина (и параллельные ей концепции в восточном христианстве)
3. «Теология презрения» и сохранение еврейского меньшинства в Средневековой Европе

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org

Б. СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП

4. Изменения в протестантских кругах

5. Изменения в католицизме вследствие шока Второй мировой войны и Катастрофы, а также ввиду создания Государства Израиль

6. Реформы Второго Ватиканского собора

7. Дальнейшие возможные пути развития диалога иудаизма с христианством

* * *

А. Классический этап

Вначале мы рассмотрим некоторые «аспекты классического» отношения христианства к иудаизму («теология презрения» Августина), а затем – те далеко идущие изменения, которые произошли в теологии христианства за последние сто лет.

1. Амбивалентная основа христианского отношения к ТаНаху и к евреям

В первые два века существования христианства, когда оно сначала было небольшой группой в рамках иудаизма, а затем развивалось как нееврейская гонимая секта в римской империи – в этот период конфликт между христианством и иудаизмом развивался в основном в чисто идеологической, религиозной сфере. Но с того момента, когда, после 325 года, христианство стало государственной религией Римской империи, вопрос должен был быть поставлен на уровне социума и государства: как относиться к еврейскому народу, который продолжает «не признавать христианство» и остается со своей исходной религией, – которая, вроде бы, и не должна быть верной, но и не может быть «совсем неверной», ведь Еврейская Библия, продолжает считаться боговдохновенной и святой книгой, и соблюдение ее заповедей (т. е. иудаизм) не может быть совсем уж неправильным действием!

В этой проблеме – «как относиться к евреям» – проявляется более глубокая проблема амбивалентности христианства по отношению к ТаНаху, Еврейской Библии, как к своей базе. С одной стороны, если объявить, что ТаНах не является полностью Божественной и святой книгой – то тогда как же можно считать его «основанием» и «базой» для христианства, и оставлять, пусть даже в виде «Ветхого Завета», в христианской Библии? Если же, наоборот, святость и божественность ТаНаха полноценны – то как же можно объявить его заповеди устаревшими? Ввиду этого противоречия, классическое христианство стремилось удержаться «посередине» – осуждая, с одной стороны, Маркиона (желавшего отменить ТаНах и остаться только с Новым Заветом), а с другой стороны – «жидовствующих» (т. е. те христианские группы, которые считали важным продолжать соблюдать «заповеди Ветхого Завета» – субботу и т. п.).

Для того чтобы одновременно и сохранить ТаНах в качестве боговдохновенной книги – фундамента, и при этом отказать ему в статусе действенного Завета с Богом, была разработана особая система, объявлявшая ТаНах «обетованием», «детоводительством» и «религией Закона», а Новый Завет, соответственно, – «реализацией» и «религией Благодати». Только в рамках такого урезания смысла Еврейской Библии христианство могло продолжать считать себя «религией духовного прогресса, стоящей выше иудаизма».

Эта теологическая концепция сформировалась уже в первые века христианства, однако после 325 г. христианству как государственной религии требовалось определиться также в отношении к еврейскому народу, который упорно не соглашался отказаться от своего исходного Завета с Богом и принять прогресс Нового Завета. И решение этой проблемы было найдено в рамках амбивалентности по отношению к еврейскому народу – «теологии презрения» Августина Блаженного.

2. «Теология презрения» Августина Блаженного и параллельные ей концепции в восточном христианстве [«потеря избранности» и изгнание – как наказание за неприятие Иисуса; притеснение, но не уничтожение; «призывать» евреев

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org креститься, но не «заставлять» их]

Именно в это время Августин Блаженный (354–430 гг.), один из главнейших отцов христианской церкви, сформулировал концепцию (ставшую затем нормой отношения христиан к евреям более чем на тысячу лет), называемую «теологией презрения». Суть ее заключается в том, что евреи, действительно, были в древности избранным народом – но только, как считал Августин, до тех пор, пока не пришел Иисус. Когда же пришел Иисус, то евреи, не приняв его проповеди, потеряли свою избранность, и за это «отпадение от Бога» они были изгнаны из своей страны. Это изгнание, конечно же, имеет духовную, а не материальную причину: евреи изгнаны по повелению Бога, римляне же осуществили это лишь чисто технически, выполняя Божественное предназначение.

(Отметим, что и сами евреи тоже считали, что разрушение Храма и изгнание из Страны Израиля – это Божественное решение. В этом взгляды христиан и евреев были аналогичны, – при том, что причины и суть этого Божественного решения евреи, конечно, объясняли совершенно по – другому.)

Итак, согласно «теологии презрения» Августина, евреи за свое неприятие Иисуса потеряли избранность и были рассеяны – однако некоторый особый духовный потенциал у евреев все же остается, и поэтому завершающей фазой мирового исторического (мессеанского) процесса должно было стать принятие евреями христианства, после чего они смогут вернуться в свою Страну, что явится весьма важной частью подготовки мира ко «Второму пришествию Мессии». А поскольку роль евреев в истории столь амбивалентна, то и отношение к ним тоже амбивалентно: с одной стороны, их можно и нужно презирать, унижать и т. п., – но, с другой стороны, ни в коем случае нельзя их уничтожить или насильно (под страхом смерти) заставлять принимать христианство: потому как «если их уничтожить, то как же в конце времен реализуется Божественное предсказание, о том, что они тогда примут христианство?» Итого, евреев было можно и нужно держать на низшей ступеньке социальной лестницы христианского общества, но не вне него.

Аналогичные взгляды на мировую миссию еврейского народа сложились и в восточной патристике, хотя – ввиду различия характеров восточного и западного христианства – они не приняли там вида законченной теологически – социальной доктрины. Например, Иоанн Златоуст, утверждая невозможность восстановления еврейского Иерусалима, пишет:

«Когда бы после взятия (Иерусалима) прошло каких-нибудь десять или двадцать, или тридцать, или пятьдесят лет; то и тогда не следовало бы упорствовать... Но вот, не пятьдесят, но сто, дважды и трижды столько, и даже гораздо более лет прошло после разрушения (Иерусалима), а доселе не видно ни следа, ни тени ожидаемой вами перемены... (Иерусалимский) храм никогда не восстановится... обращусь к пророкам, которым иудеи, по – видимому, особенно верят, и на них докажу, что иудеи никогда не получают ни храма, ни города. Для меня, собственно, и не было никакой нужды доказывать, что (храм) не восстановится, и не мое, а их было бы дело доказать противное, т. е. что будет восстановлен. У меня в самом времени имеется доказательство, которое свидетельствует и стоит за меня... то, например, что город пал, и то, что он не восстановлен чрез столько времени; а все то, что они говорят, заключается в пустых словах. Им следовало бы доказать, что город снова будет восстановлен... Так надлежало бы сделать теперь и иудеям, представить нам пророка, который бы говорил, что город их непременно будет восстановлен; потому что, если бы настоящему их пленению надлежало окончиться, пророки непременно предсказали бы об этом...» (Против иудеев, Слово 5–е, п.4)

3. «Теология презрения» и сохранение еврейского меньшинства (единственного нехристианского меньшинства) в Средневековой Европе

«Теология презрения» и сам христианский антииудаизм принесли еврейскому народу огромные бедствия: погромы, массовые убийства и гонения, постоянное физическое и психологическое давление на протяжении почти двух тысяч лет изгнания. Однако, объективно анализируя опыт прошедших веков, нужно отметить, что у «теологии презрения» все же были и положительные стороны. Ведь в средневековой Европе, в конечном счете, не выжило ни одно нехристианское меньшинство, за исключением евреев, и это не в последнюю очередь из-за «теологии презрения», запрещавшей крестить евреев насильно. С другими народами поступали иначе: если они не крестились сами,

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org им предлагали креститься под страхом смерти, как это было, например, со славянами Прибалтики, а евреи все же могли остаться самими собой. В истории христианства бывали ситуации, когда евреев заставляли креститься насильно, но это все же было исключением, и противоречило официальной позиции церкви, и если это происходило (например, во время кровавых погромов в Рейнской области при Первом Крестовом походе), то после этого Папа официально разрешил насильственно крещеным вернуться в иудаизм, что было совершенно исключительным в те времена.

(Конечно, были и дополнительные факторы, позволившие евреям выжить – экономические и т. д., но средневековый европейский мир был таким, что без религиозной санкции «теологии презрения» одних только экономических факторов было бы совершенно недостаточно для еврейского выживания.)

Нравы в средневековой Европе были весьма жесткими. Когда в XII веке в Южной Франции развилась Альбигойская ересь, то католическим войскам, посланным ее искоренять, иногда приказывалось полностью уничтожить население, как гласило знаменитое указание папского легата при осаде Тулузы: «Убивайте всех, Бог на том свете разберется, кто свой, а кто чужой», – и, соответственно, все жители были уничтожены физически. В отношении евреев ситуация была иной. Христианская церковь вела против евреев идеологическую войну, практикуя искаженное изображение иудаизма, объявление его «дьявольской религией, враждебной христианству» и т. д., что, конечно, вело также и к физическим эксцессам, погромам, убийствам и изгнаниям – но это все же не была тотальная физическая война. И мы, конечно, не должны забывать все происшедшее с нами за эти века, – но при этом надо также и помнить, что особенностью нашей истории являются не «несчастья», а именно их преодоление и выживание. Ведь никакой другой народ вообще не смог бы выжить в таких условиях; другие группы, не соответствующие «правильной» вере, были вынуждены принять господствующую религию или же были уничтожены физически.

Итак, теология презрения, будучи проявлением амбивалентной позиции христианства по отношению к евреям, сыграла и в нашей истории амбивалентную роль: с одной стороны, она привела ко многим несчастьям, а с другой – оставила возможность выжить. Она без особых изменений дожила в христианстве почти до 19 века, когда все начало радикально изменяться.

Б. Современный этап – изменение христианской теологии по отношению к иудаизму в XX в

4. Изменения в протестантских кругах [от попытки «христианского влияния на евреев» к признанию религиозной ценности иудаизма]

В XX веке в теологии христианства по отношению к евреям произошли весьма серьезные изменения – настолько радикальные, что нам даже трудно зачастую осознать их масштаб. Прежде всего, уже в начале XX века произошли изменения с некоторыми группами протестантов [59 – протестантизм изначально совсем не был проеврейским. Например, Лютер – после того, как евреи отказались креститься в созданное им «новое христианство» – развил бурную антиеврейскую деятельность, призывал изгонять евреев отовсюду и т. д. Однако, поскольку в протестантизме сразу возникло много направлений, некоторые из них стали занимать более позитивную позицию по отношению к евреям. Ранние протестантские «сионистские» и проеврейские группы появились еще в XVII веке, но только в конце XIX – начале XX века такой подход начал распространяться достаточно широко.]. Во второй половине XIX века в протестантизме наблюдался определенный «ренессанс», одним из аспектов которого было то, что часть протестантов (настроенная скорее проеврейски, чем антиеврейски) стала активно заниматься миссионерством по отношению к евреям и активизировала попытки обращения евреев в христианство – надеясь, как это уже неоднократно бывало в истории, что «уж теперь, когда мы к евреям так хорошо относимся, они поймут, что им было бы правильно принять христианство». При этом довольно быстро выяснилось, что большого успеха эта кампания не имеет – и, что поразительно, через небольшое время эти же самые христианские миссионеры, еще раз критически проанализировав свою деятельность (неясно, было ли это прямым психологическим следствием неуспеха их кампании, или произошло независимо), вдруг сами для себя «поняли», что завершающая заповедь Иисуса своим ученикам: «Идите и научите этому все народы» (Матф. 28:19), – не может относиться к евреям, т. к. на

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org еврейском языке того времени понятие «народы» означает именно остальные народы, кроме евреев. (Отметим, что буквальным, точным переводом слова «народы» здесь является термин «язычники» = «те, кто говорит на [разных] языках».) А поскольку протестанты отличаются тем, что напрямую читают библейский текст, и на основе этого сами принимают решения – то они пришли к выводу, что, пожалуй, именно евреев и не нужно обращать в христианство. И, как это ни парадоксально, к этому пришли именно те группы, у которых был очень высокий уровень религиозного «горения» и которые до этого пытались склонить евреев к переходу в христианство.

Для протестантов, в отличие от католиков (и от православных), патристика, т. е. отцы церкви, не является обязывающим духовным авторитетом; вся суть протестантизма – это возвращение к прямому чтению библейского текста и его непосредственному восприятию. Поэтому «теология презрения» перестает иметь значение, а Августин остается выдающимся философом, но теряет свой предписывающий статус.

Уже к концу XIX века среди протестантов Англии появилось течение «христианского сионизма», призывающее помочь евреям вернуться в Страну Израиля (его сторонники способствовали в 1917 г. принятию Декларации Бальфура и через это – созданию Израиля). Вместе с этим, среди них развивалось понимание и признание того, что иудаизм – это живая действенная религия, параллельная христианству (а не «замененная» им), также дающая своим последователям истинный путь к Богу.

(Некоторое движение в этом направлении происходило не только в протестантизме, но и в католицизме и православии. Такие мыслители, как В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Булгаков, тоже начали говорить о признании полноценности ТаНаХа, о том, что христианство дополняет, а не заменяет иудаизм и т. д. Однако так считали лишь единицы.)

Таким образом, основы нового подхода к еврейско-христианскому диалогу были заложены уже в начале XX века, но только события середины века подтолкнули его к серьезному развитию.

5. Изменения в католицизме вследствие шока Второй мировой войны и Катастрофы, а также ввиду создания Государства Израиль [Осознание вины христианства за антисемитизм и крушение идеи «неодолимости изгнания»]

Вторая мировая война не только физически явилась крушением всего строя жизни Европы, но и заставила миллионы людей содрогнуться и поменять очень многие из своих идеологических и теологических установок. В частности, изменения в еврейско-христианских отношениях затронули уже не только протестантов, но и католиков, т. е. вызвали сдвиг всего западного христианства. И причиной этого были, во – первых, нацизм и Катастрофа (приведшие к осознанию «продолжающейся избранности еврейского народа», и также вины церкви за антисемитизм [60 – Катастрофа европейского еврейства во время Второй Мировой войны стала шоком для европейских народов и вызвала кризис их сознания не только по причине невероятной масштабности, но и из-за садистской систематичности, «немецкой пунктуальности» в ее осуществлении – и, особенно, из-за того, что это страшное преступление было осуществлено одним из самых культурных и христианских европейских народов, провозглашавшим ранее духовную свободу, «евангельские ценности» и утонченную христианскую философию и теологию.]), и, во – вторых, создание Государства Израиль.

В результате этого, западное христианское сознание стало пересматривать свои теологические установки (что, заметим в скобках, должно вызвать у нас серьезное уважение: ведь здесь произошло не только изменение позиции, но и принятие на себя ответственности за прежние ошибки – что случается с религиозными лидерами и движениями не так уж часто).

Вторым фактором, радикально повлиявшим на концепцию западного христианства по отношению к евреям, было создание Государства Израиль – что полностью противоречит концепции Августина. Ведь согласно его точке зрения (и, например, процитированному выше отрывку из Златоуста), евреи потеряли свое государство за «грех непризнания Христа», и они не могут вновь обрести его, пока не исправят этот «грех». Однако мы видим, что евреи, оставаясь верными иудаизму (не всегда в смысле пунктуального исполнения заповедей, но, все же, несомненно, в смысле общей принадлежности к иудаизму как к национально – религиозной самоидентификации), смогли, реализуя видения пророков

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org «Ветхого Завета», вернуться в Страну Обетованную и вновь построить там свое государство.

Возвращение евреев через почти две тысячи лет в свою страну из рассеяния и воссоздание Государства явилось абсолютно уникальным, единственным подобным явлением за всю историю человечества; и оно заставило тех, кто воспринимает историю как диалог Бога и Человека, задуматься о том, что же, собственно, Бог хочет нам этим сказать. Если «Ветхий Завет» продолжает реализовываться – то может быть, он совсем не такой уж «ветхий», и христианство слишком поторопилось занести его в «уже пройденный этап».

На языке понятий западной христианской культуры все эти изменения и пересмотр прежних позиций называются «Теология после Освенцима». Эта концепция подчеркивает, что мировая история есть, в частности, раскрытие Бога человеку, и что мы должны постараться воспринять ту «весть», которую Бог, самым ходом истории, хочет нам передать, – и, соответственно, должны измениться, не потеряв прошлое понимание, но исправив в нем ошибки и добавив к нему новое.

Рассмотрим этот сделанный западным христианством шаг более подробно.

6. Реформы Второго Ватиканского собора

Итак, в результате Катастрофы и осознания своей вины за антисемитизм, а также в результате создания Государства Израиль, западное христианское сознание начало перестраиваться. Эта перестройка в католицизме реализовалась в решениях Второго Ватиканского собора (1963–1965 гг.), который вообще провел очень широкую модернизацию католической церкви – и, в частности, изменил некоторые важные теологические установки в католицизме.

Собор провозгласил Соборную Декларацию «Nostra Aetate» («Декларация об отношении к нехристианским религиям»). В ней, в частности, было признано, что «теология презрения» исторически явилась не только фундаментом христианского антисемитизма, но и прологом Катастрофы, почвой, на которой стало возможным возникновение нацистской идеологии, – а потому она должна быть не только отменена, но и осуждена. Были пересмотрены и отменены все антисемитские положения исторического христианства, концепции, возлагающие на еврейский народ в целом ответственность и вину за распятие Иисуса [61 – Конечно, следует осознавать, что все эти антисемитские положения христианства уже привели, в течение веков, к непоправимым последствиям, гонениям, погромам и т. д., и все это так просто не исправишь – но, тем не менее, то, что эти положения стали пересматриваться, все же чрезвычайно важно.], из молитвенника были убраны анти-еврейские фразы (например, из молитв на Страстную пятницу были исключены слова «против вероломных иудеев») и т. д.

Второй Ватиканский собор нелегко принял эти решения, вначале не все члены Собора поддержали их. Однако, после долгих дискуссий, «Nostra Aetate» получила полную поддержку.

В последующие годы этот процесс получил дальнейшее развитие, и Папа Иоанн – Павел II провел еще более резкие решения в «еврейском вопросе», чем Второй Ватиканский собор [62 – Отметим, что будучи избранным на свой пост, он взял себе имя Иоанн – Павел именно по именам тех двух Пап, которые вели Второй Ватиканский собор, Иоанна XXII и Павла VI, провозглашая этим верность направлению Собора.].

Надо отметить, что сама личность Иоанна – Павла II (Кароля Войтылы) играла здесь, по – видимому, далеко не последнюю роль, т. к. еще в молодости он занимал совершенно нетривиальную позицию по проблеме отношений с еврейством. Известна история, как во время Второй мировой войны, когда он был молодым священником в оккупированной нацистами Польше, ему однажды принесли еврейского ребенка, у которого погибли родители, и те поляки, которые ребенка спасли, хотели его крестить; однако он отказался делать это, спросив, согласились ли бы его родители крестить его, – а раз не согласились бы, то и он сам отказывается крестить ребенка. Такое решение совершенно выходит за рамки классического подхода христианства, и оно означает, что будущий Иоанн – Павел II, видимо, уже в то время считал иудаизм религией, имеющей свою истину и занимающей свое законное место в духовной жизни человечества, – и поэтому считал, что совершенно не следует стараться крестить евреев, ибо они идут по пути своего собственного Завета

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org с Богом. По сути, именно такая позиция нашла свое выражение в его дальнейшей деятельности.

Развивая идеи Собора, Иоанн – Павел II провозгласил, что иудаизм продолжает быть живой религией, и что «Первый» [Ветхий] Завет продолжает быть действенным заветом с Богом, а евреи получают спасение в рамках этого Завета. Иными словами, вывод таков: евреям не требуется креститься, чтобы получить спасение. В соответствии с этим, всем католическим организациям было дано указание прекратить всякую миссионерскую деятельность по отношению к евреям. Это указание было дано как раз перед визитом Иоанна – Павла II в Иерусалим в 2000 году, где он, подойдя к Стене Плача, вложил в стену записку с «просьбой к Богу даровать христианству истинное примирение с евреями, как с избранным народом Божьим» (текст записки был официально оглашен с разрешения Иоанна – Павла II).

Такая линия была продолжена и далее развита нынешним римским Папой Бенедиктом XVI – заявившим, что еврейское неприятие христианства провиденциально, а не есть следствие какой-то еврейской «жестокости», и что оно необходимо христианству для его собственного развития и продвижения (подробнее см. выше, во Вводной части, § 32).

В достаточно полном виде описание «Теологии после Освенцима», включая переход от теологии замещения к теологии дополнения, можно найти, например, в статье Д. Поллефе «Иудейско – христианские отношения после Освенцима с католической точки зрения», (см. ниже) и в других статьях на сайте <http://www.jcrelations.net/>: <http://www.jcrelations.net/>: <http://www.jcrelations.net/>: <http://www.jcrelations.net/>: <http://www.jcrelations.net/>: <http://www.jcrelations.net/>, целиком посвященном еврейско – христианскому диалогу.

Итак, в современной ситуации основное ядро протестантов и католиков прекратило, в принципе, активные действия по обращению евреев в христианство. Подобную деятельность продолжают вести сегодня только некоторые мелкие маргинальные протестантские группы (типа «Евреи за Иисуса», считающие себя в этом отношении буквально «святейшей Папой Римского»), – но основная масса западного христианства заняла позицию, провозглашающую отказ от миссионерской деятельности по отношению к евреям.

7. Дальнейшие возможные пути развития диалога иудаизма и христианства

Ситуация, возникшая в западно – христианском мире, создает совершенно новые возможности взаимоотношений иудаизма и христианства. Если сами христиане занимают позицию, осуждающую миссионерство по отношению к евреям, то это открывает возможности для настоящего диалога и открытого обсуждения сложных вопросов. Люди всегда будут чувствовать недоверие, когда они подозревают, что цель оппонента – склонить его к перемене религии, и они смогут открыто обсуждать сложные проблемы, лишь тогда, когда не будут бояться этого. И такой диалог в современном мире в той или иной степени продвигается.

На сегодняшний день наиболее полно позитивная христианская точка зрения по отношению к иудаизму выражена в опубликованной в конце 2002 г. декларации, подписанной многими видными католическими и протестантскими теологами, кардиналами и руководителями нескольких национальных протестантских церквей (см. ниже). В ней подтверждается, что «иудаизм есть живая религия», а Еврейский Закон Торы есть Закон Бога, который никоим образом не может быть отменен и продолжает действовать, ибо Слово Бога неотменяемо – и поэтому Завет Торы является действенным путем спасения для евреев, придерживающихся его. Осуждается миссионерство по отношению к евреям, признается религиозная важность связи евреев со Страной Израиля и еврейское право на Страну. Иными словами, по очень многим пунктам это именно та позиция, которая открывает путь к взаимопониманию и создает возможность для диалога и конструктивного сотрудничества. Целью сотрудничества провозглашается «дальнейший углубленный обмен духовным опытом, чтобы евреи могли более правильно реализовать себя как евреи, а христиане могли более правильно реализовать себя как христиане».

С православным миром такого продвижения пока не достигнуто, но и здесь несколько месяцев назад появилась православная декларация, призывающая к переосмыслению православно – еврейских взаимоотношений (текст ее также см. ниже).

* * *

Мы зачастую не осознаем, насколько события, происходящие в жизни еврейского народа, влияют на все человечество. В рамках наших религиозных установок мы декларируем этот тезис, но в действительности осознаем его совсем недостаточно. Например, нам обычно даже не приходит в голову, что создание Государства Израиль столь сильно повлияло на теологию христианства. Во внутриеврейском дискурсе мы можем долго спорить о том, имеет или не имеет Государство Израиль религиозный смысл, – и, соответственно, одни евреи провозглашают, что имеет, а другие не менее громко утверждают, что нет. И мы иногда совершенно забываем, что в окружающем нас нееврейском мире тоже есть религиозная теология, на которую Государство Израиль может кардинально повлиять, и что именно она (порой на сознательном, а часто и на бессознательном уровне) определяет отношение разных социально – религиозных групп и народов мира к Израилю. Ощущая катастрофу и создание Израиля как центральные события еврейской истории XX века, мы часто не чувствуем, насколько сильно они повлияли также и на сознание всего человечества. Мы, не замечая, проходим мимо влияния нашей вполне «светской» истории на религиозные воззрения человечества – и это плохо, так как здесь мы сами себя недооцениваем, сами себя не понимаем, – и как следствие, недостаточно адекватно себя ведем.

И здесь может проявиться феномен того, что не только диалог с христианством как таковой, но уже и наша настроенность на этот диалог – позволяют нам лучше понять события собственной истории. И в этом, в частности, причина того, что нам представляется очень важным вести такой диалог – хотя бы для самих себя. Порой достаточно даже внутреннего диалога, чтобы посмотреть на себя совершенно с другой стороны, и понять, что наша «светская» жизнь имеет настолько важное религиозное значение, что упустить это, как мы зачастую, к сожалению, делаем – никоим образом не следует.

Глава 11. Дидье поллефе: иудейско- христианские отношения после освенцима с католической точки зрения

- [1. «Христология замещения» и христианский антисемитизм]
- [2. «Христианский «антииудаизм» как первопричина катастрофы]
- [3. Переоценка прошлого в решениях Второго Ватиканского собора]
- [4. Позитивное восприятие современным христианством еврейского неприятия Иисуса]
- [5. Смысл иудео – христианского диалога в том, чтобы каждый мог стать лучше в рамках своей религии]

Дидье Поллефе, доцент Католического университета г. Лёвен (Бельгия), принадлежит, как и многие другие католические теологи сегодня, к школе «политологической теологии».

Сторонники данной школы представляют ее позицию следующим образом: «Политологическая теология всерьез воспринимает те вопросы, которые ставит перед нами история и общество, и определяет теологию как слово о Боге в наши дни. Это означает, что нужно постоянно ставить диагноз нашему времени, выяснять, что происходит с историей и обществом. С этой точки зрения, говорить о Боге – значит, говорить также и о «знамениях времени». К тем знамениям времени, без которых сегодня невозможно говорить о Боге, относится и Освенцим. Но как можно говорить о Боге перед лицом этой Катастрофы?»

Ниже приведены отрывки из статьи Д. Поллефе «Иудейско – христианские отношения после Освенцима с католической точки зрения». Полностью перевод статьи на русский язык можно найти на сайте [www:](http://www.jcrelations.net/)
<http://www.jcrelations.net/>.: <http://www.jcrelations.net/jcrelations>:
<http://www.jcrelations.net/>.: <http://www.jcrelations.net/net>:
<http://www.jcrelations.net/>, посвященном еврейско – христианским взаимоотношениям.

[1. «Христология замещения» и христианский антисемитизм]

<...>

В течение многих веков в прошлом христиане не могли воспринимать иудейское «нет» Иисусу иначе, чем как глумление над их христианским самосознанием. В сохранении иудаизма как «живой» религии они видели – а порой видят и сейчас – не что иное, как попытку представить христианство в качестве религии сомнительной и даже ложной. Поэтому христиане не могли допустить того, чтобы иудаизм сосуществовал с христианством. Как писал Карл Барт, «существование Синагоги наряду с Церковью воспринималось как онтологическая невозможность, зияющая рана в теле Христа, нечто совершенно недопустимое».

В 1933 г. кардинал Михаэль фон Фаульхабер произнес проповедь, в которой заявил, что после смерти Христа Израиль был отлучен от служения Откровению: «Израиль не опознал времени своего призвания. Он отверг Помазанника Божьего и повел Его на Крест... Дщери Сиона получили разводную, и с тех пор иудеи осуждены вечно скитаться по всей земле». Данный тезис предполагает, что Завет с иудеями был отменен с появлением Христа. На протяжении всей истории христиане часто задавали вопрос, остается ли Израиль народом Божьим, или же Церковь заняла его место. Положительный ответ на последний вопрос обычно называют «теологией замещения» (она же «теология вытеснения»). Христиане решили, что поскольку они уверовали в Иисуса как в Мессию, то богоизбранность еврейского народа была полностью и окончательно перенесена на них, а Церковь раз и навсегда заняла то место, которое ранее занимал иудаизм. Подобная теология подразумевает, что в Божественном плане спасения для Израиля места не предусмотрено, что в «истории откровения и искупления» Израиль отныне потерял всякую роль. Она полагает, что иудейское «нет» Иисусу как Мессии означает конец Божьего попечения об Израиле, и на передний план выступает новый богоизбранный народ, истинный духовный Израиль, Новый Завет. Соответственно, христианская экзегеза, христианская литургия и христианский катехизис описывали отношения Первого [Танаха] и Второго [Иисусова] Заветов в таких категориях, как «обетование и исполнение», «ветхий и новый», «временный и конечный», «ответ реальности и реальность». Конечный смысл этих «формул замещения» состоит в том, что Израиль, некогда возлюбленный народ Божий, отверг свое призвание, утратил свою избранность и, соответственно, само право на существование, стал «народом проклятым» или, в лучшем случае, превратился в некий анахронизм. Многие христиане до сих пор разделяют мнение, согласно которому смерть и воскресение Христа отменили «старый» Завет. Теология замещения очень рано заняла важное место в истории христианской мысли, поэтому неудивительно, что она на многие века стала бесспорной частью христианской веры и христианского учения, как на Востоке, так и на Западе. Уже во II в. Тертуллиан (ок. 160–225) говорил об «отмене иудейского завета и иудейской избранности в пользу христиан». Теория замещения опиралась, в том числе, и на Евангелие, особенно рассказ о «страстях Христовых», в котором иудеи избираются как враги Иисуса, ответственные за его смерть и поэтому не являющиеся более народом Божьим. События Великой Пятницы [т. е. казнь Иисуса] определяются как конец иудейской истории. При этом дальнейшее существование иудеев рассматривалось не иначе, как в контексте богооставленности и возмездия, ибо они считались не только убийцами Христа, но и людьми настолько жестокосердыми, что и в дальнейшем продолжали отвергать Его.

Итог теологии замещения заключается в морализирующем, апологетическом и нетерпимом отношении христиан к еврейскому народу: раз ваше понимание всего, что связано с Иисусом из Назарета, не тождественно нашему, значит, вы – враги истины и не заслуживаете ничего, кроме отвержения. Теология, утверждающая, что с пришествием Церкви Христовой историческое призвание Израиля завершилось, и что его роль в священной истории подошла к концу, стала краеугольным камнем теологического антииудаизма. За иудаизмом не признается неизменного и однозначного спасительного значения – разве что в той мере, в которой он имеет отношение к истории христианства.

В данном случае нам важно отметить, что христология сыграла решающую роль в легитимации многовековой трагической истории, порожденной подобным теологическим антииудаизмом. Рютер даже называет антииудаизм «левой рукой христологии». В контексте понимания отношений иудаизма и христианства как «заместительных», мы будем называть такой род христологии «христологией разрыва». Христиане, являющиеся сторонниками «христологии разрыва»,

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org утверждают, что первоначальная избранность Израиля была «прервана», и христианство стало «наследником» иудаизма, «верным остатком», истинным носителем священной функции Израиля. <...>

[2. «Христианский «антииудаизм» как первопричина Катастрофы]

Драматическая история христианского антииудаизма показывает, что в такого рода христианской теологии и «христологии замещения» заложен потенциал насилия. Когда в судьбоносном 1933 г., приведшем Гитлера к власти, кардинал фон Фаульхабер говорил в своей проповеди

о том, что иудеи «получили разводную», он еще не догадывался, какую страшную цену предстоит иудейскому народу заплатить за свое иудейство. Ученые, исследующие Холокост, часто отмечали параллельность нацистской идеи «окончательного решения» (Endlösung) и очень многого в традиции и практике христиан и их Церквей. Как бы сильно ни отличались исходные моральные предпосылки христиан и нацистов, программа Гитлера может считаться радикальным осуществлением старого как мир христианского предостережения: «Остерегайся иудеев!» И главная причина, позволившая нацистам зайти так далеко, заключается в том, что христианская культура была буквально пропитана крайне негативным отношением к еврейскому народу – как в догматике, так и в теологии. Очень точно заметил в связи с этим Грегори Баум: «Холокост реализовал церковные фантазии о том, что иудеи – это не – народ, что перед Богом для них нет места, и что им давным – давно следовало признать Христа и тем самым исчезнуть». Баум делает вывод: «Сегодня Церкви необходимо радикально пересмотреть свое вероучение, освободить его от идеологической деформации, превратить действие Бога, явленное во Христе, в безусловную весть о жизни, а не о смерти».

Освенцим означает крах христологического триумфализма спасения, <...>

[3. Переоценка прошлого в решениях Второго Ватиканского собора]

[После окончания Второй мировой войны наступила эпоха переоценки и переосмысления прошлого. Это выразилось, в частности, в решениях Второго Ватиканского собора.] Второй Ватиканский собор дал теологический ответ на Холокост и открыл новый этап в иудейско-христианских отношениях.

Четвертый параграф Соборной декларации об отношении Церкви к нехристианским религиям «Nostra Aetate» (1965) посвящен взаимоотношениям Церкви и иудаизма и включает ясное и радикально изменяющее предыдущий подход заявление, что «иудеи не должны быть представлены ни отверженными Богом, ни проклятыми – как будто это якобы вытекает из Священного Писания». Продолжая эту линию, Папа Иоанн – Павел II видит в иудейско – христианском диалоге одну из главных целей своего понтификата.

31 октября 1997 г. он принял ученых, участвовавших в ватиканском симпозиуме «Истоки антииудаизма в христианском мире», и в своей речи, ссылаясь на Второй Ватиканский собор, сказал, что иудейский народ «вопреки всему, стойко хранит свою веру, потому что это народ Завета; также и Господь, вопреки неверности человеческой, верен своему Завету. Игнорировать этот основополагающий факт – значило бы вступить на путь ереси Маркиона, немедленно и решительно осужденной Церковью». Далее Иоанн – Павел II подверг критике христо-логические теории, «полагающие якобы случайным культурным эпизодом тот факт, что Иисус был иудеем и что его окружение было иудейским; считающие, что одна религиозная традиция может якобы легко подменяться другой, а личность Господа, с легкостью отсеченная от традиции, не будет, по их мнению, лишена этим своей идентичности». Такие теории, сказал он, «не только игнорируют смысл истории спасения, но и подвергают сомнению саму истинность Воплощения». (Иными словами, И. – П. II здесь почти ставит знак равенства между «антииудаизмом» и «антихристианством».)

Признание непреходящего значения иудаизма, вместе с утверждением, что иудейство Иисуса составляет определяющую черту его личности и веры Церкви, приводит к важным и новым христологическим выводам. Находясь в диалоге с иудейской религией и признавая ее истинность, мы оказываемся перед необходимостью по – новому определить нашу веру в Иисуса. Если иудаизм признается неизменно живым и достоверным религиозным опытом, то можем ли мы после этого по – прежнему утверждать, что Иисус выполнил мессианские обетования, содержащиеся в иудейских Писаниях, – в особенности, если факт непризнания Иисуса Мессией зафиксирован собственно самим непрекращающимся

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org существованием иудаизма? Может ли христианин признать непреходящую истинность иудаизма, не отказываясь от своей веры в уникальность и совершенство Иисуса Христа? Я хотел бы показать, каким образом размышления об иудейском народе оказывают влияние на самосознание и самоопределение Церкви. Подлинная христология сегодняшней Церкви должна позволить ей свободно утверждать Бога и себя во Христе, не умаляя при этом другой религиозный подход.

[4. Позитивное восприятие современным христианством еврейского неприятия Иисуса]

Современная христология решительно отказалась от идеи «вытеснения», в ней подчеркивается преемственность христианства по отношению к Завету Бога с Израилем – Завету, который Христос никоим образом не отменяет, но напротив, делает его открытым всему неиудейскому миру. Эта христология провозглашает:

- нерушимую прочность и действенность Исходного Завета, заключенного с Израилем;
- позитивный характер свидетельства, заключенного в иудейском «нет» Иисусу и ставшего конструктивным вкладом в дело конечного спасения человечества, а вовсе не актом неверности или высокомерного ослепления;
- позитивный характер иудейского свидетельства о неискренности этого мира;
- признание того, что Иисус лишь частично исполнил иудейские мессианские пророчества;
- эсхатологическое единство всех народов Божьих [т. е. совместное ожидание прихода Мессии].

<...>

[5. Смысл иудео – христианского диалога в том, чтобы каждый мог стать лучше в рамках своей религии]

Задача «христологии после Освенцима» состоит вовсе не в том, чтобы сделать христианство привлекательным для иудеев. Цель христологии, отражающей иудейско – христианскую реальность, должна формулироваться Церковью вовсе не для того, чтобы иудеи могли бы принять ее или, по крайней мере, не считать оскорбительной. Напротив, христология, отражающая иудейско – христианскую реальность, будет христологией Церкви, которая признает и провозгласит существенной частью реальности, в которой она пребывает, нерушимый Завет Израиля с Богом.

Это означает, что нам следует учитывать одновременно как преемственность обеих общин веры, так и разрыв между ними.

<...>

Единственная цель иудейско – христианского диалога (если таковой вообще существует, как выразился Фишер) заключается в том, чтобы дать иудеям возможность стать лучше в своем иудействе [а вовсе не отказываться от него], а при этом христианам – дать возможность укрепиться в своем христианстве и стать его подлинными представителями. Таким образом, христиане для самих себя не должны оставлять открытым вопрос о мессианстве Иисуса, но им надлежит признать легитимность того (как заметил Дитрих Бонхеффер), что иудеи оставили его открытым. Христианам, ради себя самих, во имя своей собственной христологии, следует научиться теологически сосуществовать с иудейским «нет» Иисусу.

Глава 12. Современные христианские документы по вопросу христианско – иудейских взаимоотношений

1. Священный долг – о новом подходе христианского вероучения к иудаизму и еврейскому народу

Декларация христианских теологов, католиков и протестантов (США), членов Комитета по вопросу христианско – иудейских взаимоотношений (Christian Scholars Group on Christian‑Jewish Relations) 1 сентября 2002

[Десять положений, которые должны быть приняты христианством для установления новых взаимоотношений с евреями и иудаизмом.]

Объединившись в 1969 г., Комитет христианских ученых поставил своей задачей разработку христианских теологических подходов, которые более верно отражали бы взаимоотношения Церкви с иудаизмом и еврейским народом. Проводя эту работу более трех десятилетий члены нашего сообщества протестантских и католических ученых – библеистов, историков и теологов опубликовали множество трудов, посвященных христианско – иудейским отношениям.

Наша деятельность неотделима от ее исторического контекста. Почти две тысячи лет христиане ошибочно изображали иудеев отступниками, возлагая на них коллективную вину за смерть Иисуса и, таким образом, объявляя их проклятыми Богом. Сегодня, разделяя положения многих современных официальных христианских документов, мы отвергаем эти обвинения как исторически ложные и теологически ущербные: такого рода обвинения предполагают, что Бог способен нарушить свой вечный завет с еврейским народом. Мы с глубоким стыдом признаем, сколь большие страдания для еврейского народа повлекла за собой подобная ложная картина. Мы раскаиваемся в учении теологии презрения, и наше раскаяние требует от нас выработки нового учения – учения уважения. Эта задача сохраняет актуальность в любое время, но тяжелейший кризис на Ближнем Востоке и угрожающее возрождение антисемитизма по всему миру придают ей особую важность.

Мы полагаем, что пересмотр христианского учения об иудаизме и еврейском народе – главная и жизненно необходимая обязанность современной теологии. Важно, чтобы христианство достоверно воспринимало и отображало иудаизм – тем самым не только поступая справедливо по отношению к еврейскому народу, но и подтверждая цельность самой христианской веры, которую мы не можем провозглашать вне ее отношения к иудаизму. Более того, поскольку между христианством и иудаизмом существует уникальная взаимосвязь, новое живое восприятие еврейской религиозной жизни послужит углублению христианской веры. Наши убеждения основываются на результатах продолжающихся научных исследований и на официальных заявлениях различных христианских деноминаций за последние пятьдесят лет.

Мы благодарны многим иудеям за готовность участвовать в диалоге и вести совместные исследования. 10 сентября 2000 г. еврейские ученые, при поддержке Балтиморского института христианских и иудейских исследований, опубликовали историческую декларацию «Дабру Эмет» – «Поведайте правду» (Иудейская декларация о христианах и христианстве). Мы приветствовали появление этого документа, подписанного известными раввинами и еврейскими учеными, в котором содержится призыв к иудеям переосмыслить свое отношение к христианству. Вдохновленные трудом коллег, иудеев и христиан, мы выносим на обсуждение наших христианских единомышленников десять положений и призываем всех христиан, в свете указанных положений, задуматься о своей вере. В этом нам видится наш священный долг.

1. Божий Завет с еврейским народом вечен

В течение многих веков христиане провозглашали, что иудейский Завет с Богом был заменен (вытеснен) христианским Заветом. Мы отвергаем подобные притязания и верим, что Бог не отменяет данных им обещаний. Мы утверждаем, что Бог пребывает в Завете и с иудеями, и с христианами. К величайшему прискорбию, глубоко укоренившаяся теология вытеснения по – прежнему оказывает влияние на христианское вероучение, богослужение и практику, хотя ее отвергают многие христианские деноминации и не разделяют многие христиане. Мы признаем непреходящее значение иудаизма для всех сторон христианской жизни.

2. Иисус из Назарета жил и умер как правоверный иудей

Христиане поклоняются Богу Израиля в Иисусе Христе и через Иисуса Христа.

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org Тем не менее, идея вытеснения на протяжении многих веков побуждала христиан говорить об Иисусе как о противнике иудаизма. С исторической точки зрения это мнение ошибочно. Жизнь и учение Иисуса формировались богослужением, этикой и практикой иудаизма. Он воспитывался и вдохновлялся писаниями своего народа. Современная христианская проповедь и учение должны описывать земную жизнь Иисуса, как всецело отвечающую постоянному стремлению иудеев осуществлять завет с Богом в повседневной жизни.

3. Древнее соперничество не должно определять нынешние христианско – иудейские отношения

Хотя сегодня иудаизм и христианство – это две разные религии, Церковь начиналась как движение внутри иудейской общины, спустя много десятилетий после земного служения и воскресения Иисуса. Разрушение Иерусалимского Храма римскими армиями в 70-м г. н. э. вызвало кризис в еврейском обществе. Различные группы, включая христиан и представителей раннего раввинистического иудаизма, вели борьбу за главенство в еврейской общине, провозглашая себя истинными наследниками библейского Израиля. В Евангелиях нашла отражение эта борьба, сопровождавшаяся взаимными обвинениями ее участников. Обвинения иудеев в лицемерии и законничестве со стороны христиан создают неверное представление об иудаизме и формируют ложную основу для христианского самосознания.

4. Иудаизм – живая вера, развивавшаяся и обогащавшаяся на протяжении многих веков

Многие христиане ошибочно отождествляют иудаизм [только лишь] с библейским Израилем. Напротив, за века, прошедшие после разрушения Храма, иудаизм, как и христианство, выработал новые формы вероучения и практики. Раввинистическая традиция по – новому раскрыла и подчеркнула особое значение существующей практики – общей молитвы, изучения Торы, дел милосердия. Таким образом, иудеи, даже лишившись Храма, могли по – прежнему соблюдать завет с Богом. В последующее время они создали обширный корпус толковательной литературы, которая продолжала обогащать еврейскую жизнь, веру и самосознание. Христиане не могут во всей полноте понять иудаизм без учета его постбиблейского развития, – которое само по себе способно сделать христианскую веру глубже и богаче.

5. Библия одновременно объединяет и разделяет иудеев и христиан

Сегодня некоторые иудеи и христиане, в процессе совместного изучения Библии, открыли новые пути ее прочтения, позволяющие глубже понять традиции друг друга. При том, что обе общины опираются на одни и те же библейские тексты древнего Израиля, они по – разному их интерпретируют. Христиане рассматривают эти тексты через призму Нового Завета, в то время как иудеи – через традиции раввинистического комментария.

Название «Ветхий Завет», присваиваемое первой части христианской Библии, может создать ошибочное впечатление, что соответствующие тексты устарели. Альтернативные названия – «Еврейская Библия», «Первый Завет», «Общий Завет» – хотя также проблематичны, все же лучше отражают новое понимание Церковью непреходящего значения этих писаний – как для иудеев, так и для христиан.

6. Нерушимый характер Божьего Завета с еврейским народом должен найти отражение в христианской концепции спасения

Христиане обретают спасительную силу Божью в лице Иисуса Христа и верят, что эта сила доступна в Иисусе Христе всем людям. Поэтому на протяжении многих веков христиане учили, что спасение достижимо исключительно через Иисуса Христа. Недавнее осознание того факта, что Завет Божий с еврейским народом вечен, позволяет христианам признать действие искупительной силы Божьей в иудейской традиции. Но если иудеи, которые не разделяют нашей веры во Христа, пребывают в спасительном завете с Богом, то от христиан требуется новое понимание универсального значения Христа.

7. Иудеи не должны служить для христиан объектом религиозного обращения

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org

В свете нашей убежденности, что иудеи пребывают в вечном Завете с Богом, мы отвергаем миссионерские усилия, направленные на обращение иудеев. В то же время мы приветствуем всякое стремление христиан и иудеев свидетельствовать об их опыте спасительного пути Божьего. Никто не может претендовать на полноту и исключительность знания о Боге.

8. Христианское богослужение, воспитывающее презрение к иудаизму, оскорбляет Бога

В целом ряде мест Нового Завета выказывается негативное отношение к иудеям и иудаизму. [Эти высказывания необходимо воспринимать лишь в контексте конкретных столкновений и споров той исторической реальности.] Использование же этих текстов в качестве богослужебных [влечет за собой ложный перенос этих высказываний на сегодняшних евреев и поэтому] способствует укреплению вражды к иудеям: Под воздействием христианской антииудейской теологии также и богослужение формировалось таким образом, чтобы унижить иудаизм и воспитать презрение к иудеям. Мы призываем церковных лидеров проанализировать читаемые в ходе богослужения Евангелие и Апостолов, молитвы, проповеди и песнопения, с тем, чтобы исключить из них искаженные образы иудаизма. Исправленная таким образом христианская литургия станет выражением новых взаимоотношений с иудеями и, тем самым, прославит Бога.

9. Мы подтверждаем важность и значимость Страны Израиля для еврейского народа

Страна Израиля всегда занимала центральное место в жизни еврейского народа. Однако в прошлом христианская теология учила, что иудеи обрекли себя на бездомность, отвергнув Мессию Божьего; идея вытеснения исключала для христиан всякую возможность осознать, насколько евреи привязаны к Стране Израиля. Христианские теологи уже не могут обходить этот вопрос, особенно в свете тяжелого непрекращающегося конфликта. При этом признавая, что и израильтяне, и палестинцы имеют право жить в мире и безопасности на своей родине, мы призываем предпринять все усилия для обеспечения справедливого мира между всеми народами региона.

10. Христиане должны трудиться совместно с иудеями ради исцеления мира

Почти целое столетие иудеи и христиане в Соединенных Штатах совместно трудились над разрешением социальных проблем, в т. ч., боролись за права рабочих и гражданские права. В наши дни возросли насилие и терроризм, и мы должны крепить наши общие усилия во имя справедливости и мира, к чему нас призывали и израильские пророки, и Иисус. Общие усилия иудеев и христиан являют собой образ человеческой солидарности и служат моделью сотрудничества с людьми других вероисповеданий.

Декларацию подписали члены Комитета христианских теологов по вопросу христианско – иудейских взаимоотношений:

Dr. Norman Beck, Poehlmann Professor of Biblical Theology and Classical Languages, Texas Lutheran University, Seguin, Texas

Dr. Philip A. Cunningham, Executive Director, Center for Christian & Jewish Learning, Boston College Chestnut Hill, Massachusetts

Dr. Eugene J. Fisher, U. S. Conference of Catholic Bishops' Committee for Ecumenical and Interreligious Relations, Washington, D. C.

Dr. Mary C. Boys, SNJM, Skinner & McAlpin Professor of Practical Theology, Union Theological Seminary, New York City, New York

Dr. Celia Deutsch, NDS, Adj. Assoc. Prof. of Religion, Barnard College/Columbia University, New York City, New York

Dr. Eva Fleischner, Montclair [NJ] State University (emerita), Claremont, California

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org
Dr. Rosann Catalano, Roman Catholic Staff Scholar, Institute for Christian & Jewish Studies, Baltimore, Maryland

Dr. Alice L. Eckardt, Professor Emerita of Religion Studies, Lehigh University, Bethlehem, Pennsylvania
Dr. Deirdre Good, General Theological Seminary of the Episcopal Church, New York City, New York

Dr. Walter Harrelson, Distinguished Professor emeritus of Hebrew Bible, Vanderbilt University, Nashville, Tennessee

Dr. John T. Pawlikowski, OSM, Professor of Social Ethics, Director, Catholic & Jewish Studies Program, Catholic Theological Union, Chicago

Dr. Jean & Pierre Ruiz, Associate Professor and Chair, Dept. of Theology and Religious Studies, St John's University, New York

Dr. John T. Townsend, Visiting Lecturer on Jewish Studies, Harvard Divinity School, Cambridge, Massachusetts

Rev. Michael McGarry, CSP, Tantur Ecumenical Institute, Jerusalem

Dr. Peter A. Pettit, Institute for Christian & Jewish Understanding, Muhlenberg College, Allentown, Pennsylvania

Dr. Franklin Sherman, Associate for Interfaith Relations, Evangelical Lutheran Church in America, Allentown, Pennsylvania

Dr. Joseph Tyson, Professor emeritus of Religious Studies, Southern Methodist University, Dallas, Texas
Dr. John C. Merkle, Professor of Theology, College of St. Benedict, St. Joseph, Minnesota

Dr. Peter C. Phan, The Warren & Blanding Professor of Religion and Culture, The Catholic University of America Washington, D. C.

Dr. Joann Spillman, Professor and Chair, Dept of Theology and Religious Studies, Rockhurst University, Kansas City, Missouri

Dr. Clark M. Williamson, Indiana Professor of Christian Thought emeritus, Christian Theological Seminary, Indianapolis, Indiana

Перевод с английского Юрия Табака.

Материал расположен в Интернете на сайте <http://www.jcrelations.nem1595.htm/>:
<http://www.jcrelations.nem1595.htm/>:
<http://www.jcrelations.nem1595.htm/>:
<http://www.jcrelations.nem1595.htm/jcrelations>:
<http://www.jcrelations.nem1595.htm/>:
<http://www.jcrelations.nem1595.htm/nem>:
<http://www.jcrelations.nem1595.htm/1595>:
<http://www.jcrelations.nem1595.htm/htm>: <http://www.jcrelations.nem1595.htm/>

2. «Узнать Христа в его народе»

Итоговый документ христианского церковно – общественного круглого стола священнослужителей и деятелей православной культуры из Греции, Грузии, Италии, России и Украины

На протяжении многих веков евреев и христиан связывает и разделяет отношение ко Христу. Апостол Петр говорит: «Бог Авраама и Исаака и Иакова, Бог отцов наших, прославил Сына Своего Иисуса, Которого вы предали и от которого отреклись пред лицом Пилата, когда он полагал освободить Его» (Деян. 3:13). Но если слова апостола «вы предали» могли относиться лишь к той толпе, которая кричала: «Распни, распни Его!», – то напоминание о «Боге отцов наших, прославившем Сына Своего», навсегда обращено ко всем иудеям и ко всем христианам. Оно вечно, как Завет, заключенный на Синае.

Бог Авраама, Исаака и Иакова, Бог Моисея, Давида и Соломона, Бог Исаяи,

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org Иезекииля и Даниила, Бог Иуды Маккавея, пророчицы Анны и Симеона Богоприимца был, есть и остается Отцом Господа нашего Иисуса Христа. Идея преемственности с особой силой выражена в анафоре Литургии св. Василия Великого. Иисус был, есть и остается истинным, единственным и неисчерпаемым откровением Отца, которое даруется нам в Духе Святом.

Связь Иисуса со своим народом на долгие века ушла в тень. Зато слова об отречении и предательстве вышли на первый план, облеклись в идеологию, презрение, отвержение, гетто, черту оседлости, ненависть, погромы и завершились Холокостом... Мы предлагаем задуматься о том, почему яростные крики людей, не ведающих, что творят, отпечатались в христианской памяти, а мольба Господа о прощении выветрилась из нее. Почему неуслышанным оказался апостол Петр, сказавший: «...я знаю, братия, что вы, как и начальники ваши, сделали это по неведению; Бог же, как предвозвестил устами всех Своих пророков пострадать Христу, так и исполнил» (Деян. 3:17–18).

Антисемитизм, даже после уничтожения шести миллионов людей, ничуть не ощущает себя виновным. Напротив, он усиливается в бывших коммунистических странах. Будучи тоталитарной идеологией, антисемитизм находится в состоянии духовной одержимости, постоянно изобретающей новых врагов под старой личиной. В любой из его форм он является ядом, отравляющим христианскую душу. И тот, кто в наши дни произносит слово «еврей» как некое ругательство, жмет, называя себя христианином. Вновь осмысливая трагедию Холокоста, мы призваны совершить поистине евангельское открытие: узнать Христа, распинаемого вместе с Его народом. Холокост является очевидным знаком, указующим на антихристов характер позиции отторжения. Он должен привести нас к покаянию и поиску новых путей, в том числе и богословских. Пора, наконец, назвать антисемитизм тяжким грехом против Бога и человека.

Что застилает нам глаза?

Мы исповедуем Христа Истинным Богом и Истинным Человеком. Мы знаем, что Слово Божие, обращенное ко всем народам, впервые прозвучало на родном языке Иисуса, читавшего на Нем Писание, соблюдавшего Закон народа, которому Он принадлежал. Насколько же позиция отторжения застилала нам глаза, что мы не могли ни произнести, ни даже помыслить столь очевидных вещей? Забыли, что Иисус, посланный первоначально лишь к погибшим овцам Дома Израилева, исцелял и воскрешал людей этого Дома, любил их и плакал о них, как о братьях и сестрах Своих. Эта любовь, которой пронизано все Евангелие, разве не служит выражением Его подлинной, исповедуемой нами человечности? И эту Истинную Человечность нашего Господа невозможно растворить в абстрактной всеобщности. Христос – Богочеловек, Новый Адам, принесший жертву за грехи мира, был и остается также Сыном «Благословенной в женах» и Сыном Своего народа по плоти. Все, что приносит нам новое знание о Христе во время Его земного существования, способно только обогатить нашу веру.

Непреложность даров

Слова апостола Павла о «непреложности даров и призвания Божия» (Рим. 11:29) во всей их полноте не доходили до сердца христиан. Их место заняла так называемая «теология замещения», несостоятельность которой обнажила Катастрофа. Конфликт между двумя Израилями не вытекает из Откровения и не записан навеки в христианском сознании. Новый Израиль не отменяет Первоначальный. Чтобы понять промыслительную тайну сосуществования двух Израилей, нужно начать, прежде всего, с молитвы о примирении. Мы обязаны задуматься о том, что дары, полученные иудеями, до сего времени остаются вне реальности нашего опыта. Именно наша вера призвана помочь нам глубже понять иудаизм. Следует признать, что богословская замена «теологии замещения» еще не предложена. Но мы уповаем на христианскую – а лучше совместную – молитву о примирении.

Примирение не означает богословского, богослужебного или вероисповедного смешения. Оно несет в себе покаяние, прощение и любовь.

Наше наследие

В духе этой любви мы должны взглянуть и на наше гимнографическое наследие (в частности, на некоторые песнопения Страстной Седмицы). Все ли здесь

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org соответствует той любви, которая «долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла; не радуется неправде, а сорадуется истине» (1 Кор. 13:4–6)?

Избавиться от яда

Равнодушие к распространению антисемитской литературы в храмах, невнимание и даже поощрение этого прискорбного явления противоречат христианской этике. Мы ожидаем, что этому будет положен конец.

Опыт мученичества

Христиане прошли через небывалый опыт мученичества. В этом опыте иногда было очень трудно отделить собственно мученичество за веру от страстотерпчества, то есть умирания не во имя Христова, но в духе Христовом, в духе безгласного «Агнца, ведомого на заклание» (Ис. 53:7). Разве нельзя увидеть изображение этого Агнца и на всех жертвах погромов и геноцидов, и шире, на всех вообще невинных жертвах, начиная с Авеля?

Право на землю

Осознание вековых страданий евреев должно выражаться и в деятельном признании их права на свою землю и свою страну. Оглядываясь на собственную историю, христианские общества не должны забывать, что они не сумели гарантировать безопасность евреев в своей среде.

В силу этого долг людей доброй воли сегодня – содействовать тому, чтобы государство Израиль могло жить в мире и безопасности. Паломникам, посещающим Святую Землю, надлежит помнить, что эта Земля находится на территории государства с историей, вышедшей из Библии. Нельзя не увидеть знамения Божия в восстановлении этого государства через девятнадцать веков после его уничтожения. Это не означает поддержки какого бы то ни было национализма и подразумевает уважение к правам и достоинству всех народов, живущих в этом регионе.

Осуждение терроризма

Требование безоговорочного осуждения террора во всех его формах со стороны мусульманских религиозных деятелей – одно из важнейших условий необходимого христианско – исламского диалога. Мы должны быть не только непримиримы к террору, но и ко всем его вдохновителям и учителям.

Диалог с иудаизмом

На протяжении многих веков еврейские богословы игнорировали само существование Пророка из Галилеи. Во второй половине прошлого века положение, наконец, изменилось. Помимо обращения христиан к иудейскому наследию, рождается интерес иудеев к наследию Христа, о чем говорят исследования и публикации еврейских ученых (Козна, Флуссера, Клаузнера, Шураки и др.). Разумеется, Иисус для нас не только историческая личность, не только учитель, не только пророк. Вне Святого Духа, дарующего нам веру, вне Бога – Троицы, вне Воскресения для нас нет и Иисуса. Но и такой интерес мы готовы встретить с пониманием и сочувствием. Особенного внимания заслуживает принятая в 2000 году видными еврейскими учеными и раввинами Декларация «Дабру Эмет» (Евреи о христианах и христианстве).

Израиль и примирение между христианами Все неоспоримее становится связь между примирением христиан и Израиля и примирением христиан между собой. Это не означает, что мы немедленно должны переступить через наши предания и вековые разногласия, но предполагает, что, оставаясь верными своим традициям, мы должны вновь и вновь обращаться к тайне примирения в живом и благодатном чувстве Христа, несущем и спасающем в Себе все человечество.

Мы обращаемся к христианам, людям доброй воли, с призывом присоединиться к этому документу.

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org

Вадим Залевский, правовед, Украина Священник Владимир Зелинский, церковный писатель, Италия

Игумен Иннокентий (Павлов), церковный историк и публицист, Россия

Иеромонах Иосиф (Киперман), церковный публицист, Греция

Валерий Каджая, журналист, Россия Каленике Капанадзе, географ, Грузия Александр Нежный, писатель, Россия Юлия Нежная (Ермоленко), журналист, Россия Валентин Никитин, церковный публицист, главный редактор православного радио «Логос», академик РАЕН, Россия

Протоиерей Иоанн Свиридов, главный редактор радиостанции «Христианский церковно – общественный канал», Россия

Сергей Серов, искусствовед, академик Академии графического дизайна, Россия

Архимандрит UIuo (Габричидзе), настоятель Шавнабадского монастыря Святого Георгия, Грузия

Иерусалим, 20–24 апреля 2007 Материал расположен в интернете на сайте <http://www.jcrelations.net/ru/?item=2837>:
<http://www.jcrelations.net/ru/?item=2837>

Глава 13 дальнейший вклад иудаизма в религиозный прогресс человечества

Величие еврейского вклада в древности в религиозный прогресс человечества является очевидным и признано всеми. Еврейский народ создал Библию (или, в другой формулировке, еврейский народ смог достичь того, чтобы стать орудием передачи Божественного света человечеству, «коллективным пророком», через которого Бог дал человечеству Библию), – а Библия, конечно, является основой построения западной цивилизации. Но завершился ли на этом вклад иудаизма в духовный прогресс человечества, или же это только начало, и еврейскому народу предстоит также и в будущем раскрыть человечеству новые уровни понимания Божественности? В этом вопросе взгляды иудаизма и христианства обычно расходятся.

С точки зрения классического христианства, все важное в раскрытии Божественного света человечеству уже произошло, уже в прошлом. Поскольку Мессия Христос уже пришел, «уже принес в мир спасение», то наше дело – только воспринимать это и присоединиться к нему (= «поверить»). С еврейской же точки зрения раскрытие Божественного света человечеству еще далеко от завершения. Это раскрытие происходило не только в библейские времена, но оно продолжалось на всем протяжении истории – и, что особенно важно, продолжается и поныне. И так же, как в прошлом Божественный свет был открыт человечеству через еврейский народ, так же через еврейский народ этот свет будет продолжать открываться человечеству и в будущем.

Впрочем, о том, как конкретно это дальнейшее раскрытие может произойти, в иудаизме нет единого мнения. Ниже мы приведем один из подходов к этой проблеме, разработанный одним из величайших еврейских философов нашего века равом Авраамом – Ицхаком Куком (1865–1935), создателем философии религиозного сионизма и концепции «ортодоксальной модернизации» в иудаизме, Главного раввина Страны Израиля в 1904–1935 гг. [63 – Текст, приведенный ниже, является одной из глав (в сокращении) из книги «Рае А. – И. Кук: Личность и Учение. Каббала и новый этап в развитии иудаизма», изд. Маханаим, 2006 г.,]

1. Монотеизм как главный еврейский вклад в цивилизацию. Сущность монотеизма как диалога

Еврейская история делится на две части: первая эпоха – от праотцев и до конца II в. н. э., когда центром еврейской жизни была Страна Израиля, и вторая – с III по XIX век, когда народ жил в Изгнании. (В наше время, поскольку еврейский народ возвращается в свою Страну, этот второй период

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org завершается, и еврейская история переходит к своему новому этапу.)

Вклад первого периода еврейской истории в мировую цивилизацию огромен, но если попытаться сформулировать весь этот вклад в одной фразе, в одной главной идее, то это будет отвращение от идолопоклонства и, конечно, идея этического монотеизма, исходно провозглашенная иудаизмом и затем, через христианство и ислам, распространившаяся на всю западную цивилизацию. Эта концепция базируется на этической ответственности человека перед лицом Божественной любви и состоит в том, что Бог создал человека по Своему образу и подобию, как Своего сына (и поэтому любит его), вложил в него свободу выбора, различные умения, способности, разум, чувства, дал человеку заповеди и идеалы, дал человеку миссию и поставив перед ним задачу, – и далее теперь Бог ведет с человеком Диалог. (Собственно, смысл созидания человека «по образу и подобию Бога» и состоит именно в том, чтобы создать возможность для такого диалога – ведь диалог осуществим только между подобными.) Все, что мы делаем, думаем, решаем, все то, как мы поступаем, – это и есть наше «слово» в Диалоге с Богом (т. е. нашими «словами» являются, прежде всего, наши действия). А все то, что происходит вокруг нас и случается с нами, то, как отвечает нам мир, – это «слово Бога», ответ Бога нам. (Здесь принципиально важен именно монотеизм, потому что воспринять жизнь как единый Диалог возможно лишь тогда, когда разные явления, происходящие в мире, воспринимаются как проявления Единой Личностной Силы, которая хочет нам нечто сказать и услышать от нас ответ.) Таким образом, этический монотеизм рассматривает все мироздание, весь окружающий мир как пространство Диалога между человеком и Богом. В этом диалоге Бог требует от человека «ответственности перед Богом». (Это чувство можно назвать также ответственностью перед жизнью, перед национальной историей, человечеством) – все это на практике почти эквивалентные понятия, и именно они, т. е. «глобальная ответственность», являются источником этики.) Важнейшая часть этого Диалога – «ответственность перед образом Бога в человеке, называемая совестью». В этом Диалоге с Богом, в течение своей индивидуальной биографии, человек постигает и открывает, и для себя для других то или иное раскрытие Божественного света.

Именно этический монотеизм, сформированный в иудаизме, явился в прошлом центральным вкладом еврейства в мировую культуру и цивилизацию, и через христианство и ислам он распространился по человечеству.

2. Два уровня Диалога человека с Богом: индивидуальный и обще – Национальный

Однако, как отмечает рав А. – И. Кук, в исходном Божественном откровении, в Торе, нам была дана не одна, но две центральные идеи. Первую идею, идею индивидуального Диалога человека с Богом, человечество уже восприняло от иудаизма и уже «переварило». Но есть еще и вторая великая идея, которую человечество еще не восприняло, хотя она также имеется в Еврейской Библии, в ТаНаХе – т. е. в книге, которую человечество признало священной. Эта идея тоже является идеей Диалога, но только не индивидуального, а обще – Национального – т. е. «Диалога с Богом всего народа как единого целого». При этом народ тоже воспринимается как Личность, как органическая сущность, протяженная вдоль истории, т. е. состоящая из всех своих поколений, не только ныне живущих, но и поколений прежних и будущих. У каждого из народов имеется своя «душа», свои особые таланты и возможности, у народов есть заповеди (обязанности) и этика общенационального поведения, своя специфическая миссия и задача. Каждому народу, так же как и каждому человеку, дана свобода выбора. И каждый народ, как единое целое, ведет с Богом свой Диалог. Все действия, поступки, решения народа – все это есть те слова, которые говорит народ в его Диалоге с Богом. А все, что случается с этим народом, – это слова Бога, обращенные к нему. И точно так же, как индивидуум постигает Божественный свет в процессе своего индивидуального развития, ведя Диалог с Богом в рамках своей индивидуальной биографии, – так же и народ постигает Божественный свет из своего национального развития, ведя Диалог с Богом в рамках своей национальной биографии, которая носит название «национальной истории». (Субъектом такого Диалога с Богом в ходе истории является народ как единая Личность во всех своих поколениях, а не индивидуумы, – ибо масштаб исторических \

событий и их длительность намного больше, чем индивидуальная жизнь.)

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org иными словами, вторая главная идея Еврейской Библии – это идея о том, что Бог раскрывается человечеству не только через откровения пророков, но и в ходе «естественного» исторического процесса. А поэтому история требует от народа ее религиозного осмысления; и так же как индивидуум должен в своем диалоге с Богом анализировать свои достижения и провалы, свои заслуги и свои грехи и исправлять их – так же должен поступать и народ. Откровение Бога человеку продолжается в ходе всей, в том числе сегодняшней, истории, – и мы должны постараться уловить то, что Бог хочет нам сказать, и воспринять Его слово в рамках личной ответственности каждого из нас за историю своего народа.

(В иудаизме есть также и идея обще – человеческого Диалога с Богом; однако при этом национальный уровень отнюдь не пропадает, – подобно тому, как не исчезает индивидуальный уровень при обще – Национальном диалоге. Таким образом, обще – Человеческий Диалог с Богом есть интеграция национальных Диалогов.)

Следует отметить, что как идея индивидуального, так и идея «общего» (обще – Национального и обще – Человеческого) Диалога с Богом даны в Торе с самого начала. Тора начинается с двух изложений истории сотворения человека; при этом в первом изложении (Быт. 1:1–2:3) человек, созданный «по образу Бога», предстает прежде всего «родовым понятием», всем человечеством как единым целым; и лишь во втором (Быт. 2:4–3:24) – понятием индивидуальным. Создав человека, Бог говорит ему: «Плодитесь и размножайтесь, наполняйте землю и властвуйте над нею» (Быт. 1:28). Эта заповедь (и это вообще первая заповедь, данная в Торе) относится, очевидно, ко всему человечеству как к единому целому. Человек, единое человечество – в течение своей жизни, наполняя мир и строя цивилизацию, ведет с Богом Диалог; и власть человека над природой (как то, насколько достойно человек этой властью распоряжается), включая науку и технику, а также литературу, искусство, общественный строй, отношения между людьми и социальными группами – все это является различными параметрами этого Диалога. После разделения человечества на отдельные народы (в эпоху строительства Вавилонской башни) – обще – Человеческий Диалог с Богом дополнился также и Национальными Диалогами.

Все дальнейшее библейское повествование, книги Торы и Пророков проникнуто идеей обще – Национального диалога с Богом. Еврейский народ, Израиль, выступает в библейском тексте как личность, имеющая свободу воли, ведущая себя иногда хорошо, а иногда плохо, но всегда – в тех случаях, когда происходят обще – Национальные поступки – несущая ответственность за свои действия.

Осознание обще – Национального Диалога с Богом выражается в «сакрализации истории», т. е. восприятии истории как одной из форм Откровения. Поэтому, в частности, исторические записи почти тысячелетней истории Древнего Израиля, т. е. книги Судей и Царей, были включены в Библию (т. е. получили статус Откровения).

На уровне ТанаХа, в эпоху Еврейской Библии, идеи индивидуального и общенационального Диалога присутствуют в равной мере, объединены. Но в дальнейшем судьбы двух этих идей – как в еврейском народе, так и во всем человечестве – оказались весьма различными.

3. Передача человечеству, через христианство и ислам, идеи индивидуального диалога с Богом

Итак, в начале своей истории, в период Первого Храма (до V в до н. э.), в еврейском народе присутствовало живое ощущение обоих этих уровней Диалога с Богом, и иногда даже бывало так, что общенациональный диалог проявлялся в это период сильнее, чем диалог индивидуальный.

Однако передать сразу обе эти идеи человечеству – а ведь суть еврейской избранности состоит именно в передаче народам мира Божественного света – было невозможно. Во – первых, человечество не смогло бы воспринять две такие великие идеи сразу – это, видимо, было бы для него непосильно. И, во – вторых, даже и в самом еврейском народе эти идеи не были достаточно сбалансированы, и обще – Национальный Диалог с Богом вначале развивался лучше, чем индивидуальный (т. е. восприятие Бога в общенациональной жизни

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org было сильнее, чем восприятие Бога в жизни индивидуальной), – и поэтому нужно было усилить чувство индивидуального диалога внутри самого еврейского народа. Поэтому в период Второго Храма, в течение около пятисот лет (V в. до н. э. –

I в. н. э.), осознание обще – Национального Диалога было «снижено» и постепенно распадалось, так что к концу периода Второго Храма в иудаизме осталось только осознание индивидуального Диалога. Именно в этот момент из иудаизма исходит христианство, которое распространяется среди человечества и несет народам мира еврейскую идею монотеизма на уровне индивидуального Диалога с Богом. А евреи, лишившись государственности и поэтому потеряв обще – Национальный уровень Диалога даже и в физическом смысле и уйдя в Изгнание, также остались в рамках лишь индивидуального Диалога с Богом, чтобы с его помощью исправить себя на индивидуальном уровне.

Таким образом, христианство является «дочерним предприятием» иудаизма периода конца Второго Храма (или, в более привычной формулировке – «дочерней религией по отношению к иудаизму»), провиденциально призванным передать человечеству монотеизм индивидуального уровня. Христианство, внося вклад в духовное развитие человечества, развивало понимание индивидуального диалога с Богом, и сделало его, через образ Иисуса, доступным для многих сотен миллионов людей. При этом подход христианства оказался созвучен прежде всего яфетическим (европейским) народам; а поэтому для семитских и других «ближне- и средне – восточных» народов было в дальнейшем создано еще одно «дочернее предприятие иудаизма» – ислам, который несет идею индивидуального монотеизма этим восточным народам. Через христианство и ислам еврейская идея индивидуального монотеизма распространилась и была воспринята большинством человечества.

4. Еврейская миссия сегодня – в передаче человечеству идеи обще – Национального и (далее) обще – Человеческого Диалога

За прошедшие две тысячи лет оба эти процесса – восприятие всем человечеством концепции Личностного Бога и индивидуального Диалога, а также, параллельно, исправление евреями себя на индивидуальном уровне – подошли к концу. На сегодняшний день практически все человечество уже «переварило», восприняло еврейские представления о Едином Личностном Боге, Его любви к человеку, о заповедях, об индивидуальном Диалоге человека с Богом и обо всем, что к этому относится (сначала эти идеи были приняты на Западе, но сегодня и дальневосточное человечество тоже быстро вестернизируется, и его массовое сознание перенимает «западные» идеи, в основе своей – еврейские). А сами евреи, находясь в рассеянии, за прошедшие века исправили себя на индивидуальном уровне. Поэтому, как указывает рав А. – И. Кук, в нашу эпоху пришло время для еврейского народа начать готовить себя к передаче человечеству второй Божественной идеи, идеи обще – Национального Диалога.

Для этого еврейский народ должен сначала возродить в самом себе понимание и живое ощущение этого обще – Национального уровня Диалога. И именно в этом состоит религиозный смысл того, что появился сионизм и было создано Государство Израиль: чтобы еврейский народ, на опыте развития своей Страны и на опыте религиозной ответственности за нее, смог возродить в самом себе осознание общенационального Диалога с Богом, т. е. еврейский народ в Государстве Израиль призван оживить библейский уровень духовности, и затем постепенно научить этому все человечество.

Таким образом, современный подход к иудаизму, разработанный р. А. – И. Куком, включает в себя несколько тесно связанных между собой идей: обще – Национальный Диалог, сакрализация истории, религиозный сионизм, принцип Продолжающегося Откровения и схему «ортодоксальной модернизации» религии (мы подробнее рассмотрим их ниже). Актуализация всей этой «Божественности в реальной жизни», духовности посястороннего мира и дальнейшая передача ее человечеству – и будет являться главной еврейской духовной задачей на обозримое будущее, в этом и реализуется еврейская избранность и миссия сегодня.

5. Равновесие индивидуального и обще – Национального типов Диалога с

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org
Богом. Повышение уровня ответственности

Здесь следует еще раз подчеркнуть, что активизация и возрождение уровня обще – Национального Диалога с Богом (и через это – общенациональной духовной жизни, общенациональной моральной ответственности и т. д.) ни в коей мере не принижает и не отменяет индивидуального Диалога. В процессе продвижения человечества ничто, достигнутое ранее на основе индивидуального Диалога (т. е. понимание важности личности как образа Бога на земле, ее ценности и космичности, ее прав и ответственности и т. п.) – не должно отмениться или уменьшиться. Однако одной только идеи индивидуального Диалога с Богом (которая обеспечивала прогресс западной цивилизации последние две тысячи лет) теперь стало недостаточно. «Мотор» этой идеи уже выработал тот моторесурс, который эта идея могла реализовать одна; и духовный кризис, наступающий сегодня из-за этого на Западе, может быть преодолен только тем, что идея индивидуального Диалога с Богом будет дополнена идеей обще – Национального Диалога – который, совместно с первым, должен вести человечество дальше.

Важно также отметить, что идея «национального организма как Личности и его диалога с Богом» столь же далека от примитивного «ура – национализма», сколь и идея «ценности личности как образа Бога» далека от примитивного «эгоистического человеческого самообожания». Осознание национально – государственной жизни не просто как процесса совершенствования межличностных отношений в обществе, но как длящегося в течение веков Диалога народа с Богом – ведет не к понижению уровня ответственности отдельной личности, а, наоборот, к повышению этого уровня. В обще – Национальном Диалоге с Богом каждая отдельная личность – это не безгласный «винтик», а скорее активный и самостоятельный «моторчик», на который возлагается ответственность за движение всей машины в целом. Иными словами, если в обычной западной концепции индивидуального Диалога с Богом на человека возлагается моральная ответственность лишь за свое индивидуальное поведение, то в концепции «обще – Национального Диалога с Богом» на каждого отдельного человека возлагается ответственность перед Богом за поведение всего общенационального организма.

Ответственность эта, конечно, чисто моральная – так же как сугубо моральной, а совсем не юридической, является и индивидуальная ответственность человека перед Богом за свое личное поведение. Однако именно это расширение чувства ответственности совершенно меняет соотношение ценностей в обществе и направление его развития.

Начавшееся в человечестве две тысячи лет назад распространение концепции «индивидуального монотеизма» (т. е. индивидуального Диалога) возложило на личность гораздо больше моральных обязательств, чем было до того, в эпоху язычества, – и тем самым чрезвычайно способствовало процессу духовного роста цивилизации Запада. (Ибо вообще уровень развития общества пропорционален тому уровню моральной ответственности, который культура этого общества налагает на личность. Чем больше личной моральной ответственности каждого за все происходящее вокруг – тем больше общественный и духовный прогресс.) Соответственно, распространение концепции обще – Национального Диалога с Богом, возлагающего на личность еще большую моральную ответственность (что возможно лишь потому, что человечество уже подготовлено к этому), явится предпосылкой нового сущностного прорыва в продвижении человечества – прорыва, сравнимого с тем, который произошел два тысячелетия назад в результате начала распространения идеи индивидуального Диалога.

6. Диалог с Богом всего человечества как единого целого

Мы уже отметили выше, что идея обще – Национального Диалога с Богом, в которой каждый из народов предстает как «общенациональная личность», не отменяет, конечно, того, что также и все человечество является единым целым, которое тоже ведет с Богом наш «обще – Человеческий Диалог». В ходе этого Диалога вся история человечества должна быть воспринята как единый «протокол общения»: все, что человечество делает, все его «поступки» и «решения» – есть то слово, которое Человек хочет сказать Богу, а все то, что происходит с человечеством, есть то слово, которое Бог говорит Человеку.

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org
Если человек ощущает свою личную ответственность за этот обще –
Человеческий Диалог с Богом, – то это, конечно, прекрасно и является даже
более высоким уровнем духовности, чем его ответственность только за Диалог
его собственного народа с Богом. Однако здесь есть две существенные
проблемы, мимо которых никак нельзя пройти.

(1) Обще – человеческое не должно подменять или вытеснять национальное.
Наоборот, оно должно дополнять и усиливать его, – так же как, например,
национальный уровень не должен вытеснять уровень семейный, но наоборот,
должен дополнять и усиливать его. Иными словами, путь к универсализму (=
общечеловеческому) лежит отнюдь не через космополитизм (= отказ от своего
национального), а, наоборот, через правильно и конструктивно реализованный
национализм (= заботу и ответственность за конструктивное и моральное
продвижение своего национального бытия). Поэтому в реальности (а не в
декларациях) только тот, кто уже ощущает ответственность за свой народ,
может подняться на следующую ступеньку – ощутить ответственность за
человечество. Без этого разговоры

о «чувстве ответственности за все человечество» будут лишь пустыми словами,
призванными оправдать отсутствие чувства ответственности за судьбу
собственного народа.

(2) Так же, как и у народа полноценный «обще – Национальный Диалог с Богом»
возможен лишь при наличии той или иной формы национального государства, в
рамках которой народ может предпринимать «обще – Национальные действия», –
так и для человечества полноценная реализация «чувства ответственности
перед Богом за поведение всего человечества» станет возможной лишь тогда,
когда все человечество настолько объединится, что будет ощущать себя единым
организмом, принимающим общие ответственные решения. Такой уровень
предполагает не только тотальное прекращение войн, но и прекращение вообще
«конфликтов на вытеснение» между народами, что означает психологическую
перестройку и расширение чувства любви к ближнему до такой степени, чтобы
осознание успеха любой другой группы человечества воспринималось бы каждым,
как свой собственный успех (как, например, люди сегодня радуются успехами
«своих спортсменов», «своей страны и государства» и т. п.). Такой уровень
(разумеется, еще очень и очень далеко не достигнутый сегодня), именно и
соответствует знаменитому пророчеству Исаии о приходе Машиаха/Мессии: «И
перекуют [все народы] мечи на орала, и копыя на серпы, не поднимет народ
меча на народ, и не будут более учиться воевать ..., и наполнится вся земля
познанием Господа» Иными словами, приход Машиаха/Мессии – это вовсе не
«конец Истории», а начало нового ее этапа, когда человечество начнет вести
диалог с Богом как единое целое (при этом без потери национальных и
семейных структур!)

Дальнейший же ход Диалога Человечества с Богом бесконечен.

7. Религиозная ценность развития цивилизации и концепция «Продолжающегося Откровения»

Ощущение не только индивидуального, но и более широкого (обще –
Национального или обще – Человеческо- го) уровня Диалога с Богом дает нам
еще одно весьма существенное изменение наших религиозных представлений. А
именно, оно дает нам возможность воспринять развитие окружающей жизни и
мира – включая прогресс цивилизации, развитие культуры, науки, моральных
ценностей общества, его социального устройства и т. д. – не как просто
«человеческий прогресс», но как интегральный элемент Продолжающегося
Откровения, требующий развития и модернизации религии (при сохранении,
разумеется, ее ортодоксальности!)

Рассмотрим этот важный вопрос более подробно. Обычно в религиозных
концепциях (всех религий) все «Божественное Откровение» целиком
сконцентрировано в начальных моментах этой религии; а дальнейшее дело
человека – только лишь изучать, воспринимать и принимать то, что было уже
открыто. Например, обычный подход в христианстве подчеркивает, что все
необходимое человечеству Откровение уже содержится в Библии, а наше дело –
только «поверить и принять это Откровение». В исламе подобная идея
подчеркнута тем, что «Мухаммад – самый последний из пророков», и после него
человечеству никакие пророки не нужны, а дальнейшее пророчество и
Откровение невозможно. Да и в иудаизме можно зачастую встретить точку

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org зрения, подчеркивающую, что «все уже было открыто на Синае, и далее нам следует лишь изучать и реализовывать традицию». Однако совершенно иным является подход к этой проблеме в рамках разработанных р. Куком идей «ортодоксальной модернизации».

Ведь если история – это Голос Бога, и Бог продолжает вести свой Диалог с еврейским народом и с человечеством, то в этом Диалоге Он обязательно продолжает говорить нам нечто новое, ведь иначе это был бы не Диалог, а чтение Книги, и Бог не являлся бы действительно нашим Собеседником. А это означает, что новое раскрытие Божественного Откровения продолжается и сегодня.

Иными словами, концепция «Продолжающегося Откровения» утверждает, что Откровение не прекратилось в древности в момент создания религии, но что оно продолжалось и продолжается сейчас; и при этом оно выражается не в пророчестве, не в «чудесах» или мистических «голосах с Неба», но в самом обычном ходе человеческой истории, в развитии науки, культуры, морали, социума; и прежде всего – в ходе еврейской истории. А для того, чтобы услышать это Откровение, мы должны рассматривать историю не просто как набор человеческих свершений, но как Диалог народов и Человечества в целом с Богом, и попытаться вычленив из хода истории обращенное к нам Божественное «послание». Воспринимая и акцептируя его, религия и развивается, продвигается и модернизируется. (Но поскольку при этом мы никак не можем отказываться также и от сказанных ранее «Божественных слов», то мы не теряем ничего из достигнутого религией ранее, и поэтому наш подход к религии будет оставаться ортодоксальным, т. е. будет происходить «ортодоксальная модернизация религии»).

Концепция «Продолжающегося Откровения», возрожденная и актуализованная в начале XX века р. Куком, не является при этом «совершенно Новой» в иудаизме. Эта идея укоренена во множестве еврейских источников, и прежде всего – в еврейской Библии, в которой пророки в течение многих столетий (после дарования Торы на Синае) продолжали не только передавать, нам Откровение, но и учили видеть Божественное слово в ходе истории. Однако в течение почти двух тысяч лет Изгнания и рассеяния, когда перед еврейским народом стояла, прежде всего, задача выжить и сохраниться, – идеи религиозного развития и Продолжающегося Откровения отходили на задний план. И лишь в наше время, в связи с созданием Государства Израиль и активизацией еврейского обще – Национального Диалога с Богом, идея Продолжающегося Откровения тоже возвращается на свое место в иудаизме, – и далее может быть воспринята человечеством, давая импульс к развитию «ортодоксальной модернизации» в христианстве и исламе. (Отметим, что в западном христианстве именно это в нашем веке и начало происходить – см. выше гл. 10 и 11). Подчеркнем еще раз, что такая модернизация вовсе не является «реформой» и не означает отход от прежнего религиозного наследия. Ведь наравне с тем, что нынешний ход истории мыслится как Откровение, которое поэтому надо интегрировать в религию, – весь прежний ход истории, включая исходное Откровение начала религии и ее дальнейшее развитие тоже никуда не может быть убран. В ходе сегодняшнего Диалога с нами Бог не говорит ничего такого, что противоречило бы Его прежним словам; ибо всякое Божественное Слово и обетование вечно, и прежнее не может быть отменено. Иначе говоря, прежнее Откровение никогда не отменяется, но оно постоянно должно развиваться и дополняться. Таким образом, представление об обще – Национальном и обще – Человеческом Диалоге с Богом естественно ведет к принципу «Продолжающегося Откровения», а оно – к концепции «ортодоксальной модернизации». А далее оно открывает путь к возвращению в религию творческого начала, к истинному религиозному творчеству – творчеству развития самой религии с сохранением ее ортодоксальности. Ибо только «обновленная и модернизированная, но при этом ортодоксальная» религия может дать обществу адекватную базу для его дальнейшего развития.

Идя по такому пути, научившись развивать в религии новое, не отбрасывая при этом старое, мы и сможем продвинуться в решении тех задач и задачек, которые Бог ставит перед нами и задает нам в ходе истории.

И в этом плане «теология дополнения» и открытый иудео – христианский диалог могут весьма способствовать такому продвижению.

1. Я понял ваше объяснение про веру, но что про надежду и любовь?..
2. Близость Бога и человека
3. Теология дополнения: противоречит ли идея спасительности христианства идее спасительности иудаизма?
4. Авраамическое единство: общность наследования, при невозможности совмещения
5. Исчерпана ли миссия иудаизма в мире?
6. Уровень предстояния человека перед Богом
7. Жертва крови во искупление грехов
8. «Иисус взял на себя грехи мира»?
9. Мессия – человек или Бог?
10. Так кто же прав?

В этой главе, в завершение книги, собраны некоторые вопросы, которые реально были заданы мне после публикации в интернете чернового варианта данной книги.

Я хотел бы отдельно поблагодарить участников сообщества «Иудео – христианский диалог» на блогосервере Livejournal.com:

http://community://community:livejournal.com/christ_v_judai/, критика которых помогла улучшить текст книги.

14.1. Я понял ваше объяснение про веру, но что про надежду и любовь?.

Вопрос: Я понял ваше объяснение того, почему евреи не могут принимать христианскую веру. Но что про надежду и любовь?..

Ответ:

Надежда и любовь в иудаизме и христианстве как раз более или менее совпадают – поскольку они базируются на одних и тех же идеалах любви к Богу и любви к ближнему, исходно провозглашенных в Торе (Втор. 6:5, Левит 19:18), и затем еще раз повторенных и акцентированных в качестве центральной заповеди как фарисеями и Талмудом, так и Иисусом (Марк 12:28–33). И в иудаизме и в христианстве идеалом является любовь к человеку как к образу Бога на земле (хотя и с определенными различиями в акцентах, подробнее см. выше, гл. 4). Надеждой же как в иудаизме, так и в христианстве является приход Мессии, реализующего проочества Исаии (2:4): «И перекуют (все народы) мечи свои на орала, и копья свои – на серпы; не поднимет народ меча на народ, и не будут больше учиться воевать», и Хаббакука (Аввакума, 2:14): «Ибо вся земля наполнится познанием славы Господа Саваофа, как воды наполняют море...». Поэтому, если взаимоотношения между евреями и христианством будут основываться на этих общих идеалах надежды и любви и на общем наследии Тана-Ха (Еврейской Библии), без попыток обратиться другого в свою веру, – то мы и сможем придти к взаимопониманию.

14.2. Близость Бога и человека

Вопрос: Основная формула христианства: «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом» (первое – по существу, второе – по благодати), и этот «процесс обожения» невозможен без Христа!

Ответ:

Для народов мира, может быть, и невозможен, но для евреев – вполне возможен. Известный еврейско – французский философ А. Неер однажды сказал об этом: «Евреям не требуется «Сын», чтобы придти к Отцу. Мы и так имеем прямой доступ к Отцу нашему Небесному». Что же касается приведенной красивой и мистически привлекательной формулы, то суть ее содержится уже в иудаизме, но формулируется она там несколько иначе: «Бог вложил часть Себя в человека [сотворив Адама по Своему образу и подобию], чтобы человек смог стать близким к Богу». (Я думаю, что вы тоже не считаете, что цель человека – действительно «стать Богом», но лишь «стать близким к Богу»). При этом этот путь близости уже дан нам через образ Адама (= «богочеловека» в иудаизме), а Иисус стал лишь «более понятной иллюстрацией», понятным примером, символом этой идеи для народов мира.

14.3. Теология дополнения: противоречит ли идея спасительности христианства идее спасительности иудаизма?

Вопрос: Ясно ведь, что если спасение в христианстве (строго говоря, в Иисусе), то в иудаизме его нет, и наоборот!

Ответ № 1: (Ответ был дан одним из участников дискуссии в сообществе «Иудео – христианский диалог»)

Почему же? Ведь в некотором (хотя и упрощенном) смысле эти две религии соотносятся одна с другой, как ядро и оболочка в компьютерной операционной системе. И предназначены для совершенно разных категорий работников. Ядро предназначено для работы компьютерных профессионалов «системщиков», а оболочка – для пользователей (которые могут быть прекрасными профессионалами в других областях жизни, но в работе с компьютером полагаются на поддержку от «системщиков»). Спасительность одного не только не противоречит спасительности другого, – но наоборот, предполагает ее!

К этой аналогии надо добавить:

1. Обе эти системы – и ядро, и оболочка – являются сложными системами, в которые вложен огромный творческий потенциал, т. е. и в «ядре», и в «оболочке» заложена огромная духовность. Они должны ценить друг друга, осознавать свою взаимодополнительность, и ни в коем случае не относиться друг к другу с пренебрежением.
2. Работа профессионалов требует четкого следования пунктуальным правилам компьютерного языка (= выполнения требований Закона). Для пользователей это не нужно (= они свободны от власти Закона), им достаточно общего правильного подхода (= любви и веры).
3. Профессионалы трудятся не лично для себя, а для обеспечения возможности нормальной работы и блага пользователей (= еврейская избранность – это не избранность превосходства, а избранность служения, она дана не для «самосчастья» евреев, а для продвижения человечества).
4. Те из пользователей, которые хотят стать профессионалами, могут свободно это сделать: надо только захотеть связать свою судьбу и судьбу своих детей с непростой жизнью профессионалов, затем выучиться и сдать экзамен (это необходимое требование для гиюра, перехода в еврейство), и взять на себя обязательство соблюдать правила компьютерного языка (ведь когда ты профессионал и имеешь доступ к ядру системы, то пренебрежение этими правилами может дорого стоить всему мирозданию). И тогда – пожалуйста, welcome!

Ответ № 2 (то же самое, но в более классических, общепринятых терминах):

В том Храме, которым является Мир, есть разные функции – есть функция священников, стоящих у алтаря, и есть функция мирян, приходящих в Храм и получающих духовность от Бога благодаря деятельности этих священников. Еврейский народ (и иудаизм) – это «священники человечества», и именно так Библия (Исход 19:6) формулирует их функцию «соблюдать Завет и слушать голос Бога, чтобы быть царством священников для человечества, ибо, – добавляет Бог, – Моя вся земля» (другими словами, Бог говорит: «Я забочусь обо всей земле, обо всех народах, все они Мои дети, и именно поэтому необходимо,

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org чтобы один из народов, еврей, был уполномочен стать священниками для всего остального человечества»). Но священники служат не для себя, а для мирян, поэтому «спасительность работы священников» и «спасительность для мирян предстояния в этом общем Храме» – не противоречат одна другой, но, наоборот, предполагают одна другую.

14.4. Авраамическое единство: общность наследия и общность целей, при невозможности совмещения веры

(отрывок из реальной дискуссии на сервере Livejournal.com) Вопрос № 1:

Я как христианин (при этом совершенно не еврей) глубоко убежден, что участвую в Завете с Авраамом, что причастен исходу с Моисеем, что причастен к «остатку Израиля» и т. д. Это мое самоосознание как «нового Израиля» никак не создает у меня соперничества с иудеями – я признаю их Завет, нисколько не оспаривая его. Вопрос: что думают об этом иудеи?

Ответ: Я, как еврей (= иудей), конечно признаю, что те христиане, которые, в свою очередь, признают действительность еврейского Завета и рассматривают христианство не как «замещение иудаизма», а как дополнение к нему для народов мира – они участвуют в Завете и являются нашими братьями в Боге. Более того, на нас лежит совместная ответственность за судьбу западной (иудео – христианской) цивилизации.

Вопрос: Разве все ортодоксальные иудеи так думают?

Ответ: Сегодня еще далеко не все; но ведь и вашу позицию (замена «теологии замещения» на «теологию дополнения») тоже принимают сегодня далеко еще не все христиане... Вообще, в нашем веке в связи с созданием Государства Израиль – т. е. с восстановлением Еврейского Государства на Святой Земле – во всем пространстве авраамических религий (как в иудаизме, так и в христианстве) происходит огромная духовно – религиозная революция, сравнимая по масштабам и последствиям для мира с той, которая происходила при разрушении Еврейского Государства два тысячелетия назад, в I в. н. э. Нахождение нашего с вами взаимопонимания является ее частью.

Вопрос: В чем заключается эта духовно – религиозная революция?

Ответ: Этот вопрос подробно рассматривался равом А. – И. Куком (1865–1935), создателем философии религиозного сионизма и главным раввином Страны Израиль в 1904–1935 гг. Изложение некоторых из этих идей р. Кука см. выше, в гл. 13 «Дальнейший вклад иудаизма в религиозный прогресс человечества».

Вопрос № 2: Очень рад, что вы признаете соучастие христиан в Завете; при этом я сам участвую в нем даже и с двух сторон, будучи одновременно и евреем и христианином.

Ответ: А вот это как раз совершенно невозможно. Аналогия: можно быть мужем, можно быть братом, каждое по – свое – му хорошо. Но быть одновременно и мужем и братом называется «кровосмешение», и оно есть смертный грех. Таково однозначное мнение всего иудаизма, – хотя на личном уровне, по отношению к конкретным людям, по незнанию и непониманию попавшим в такую ситуацию, я сочувствую и стараюсь их не осуждать...

14.5. Исчерпана ли миссия иудаизма в мире?

Вопрос: Иудеи считают, что «Божественное Откровение было дано еврейскому народу с тем, чтобы оно затем могло стать уделом всего человечества». Так не волнуйтесь! Оно уже стало. Евреи должны были передать человечеству монотеизм, и они его передали. После появления христианства иудаизм больше никому не нужен.

Ответ: Когда 20 лет назад я только приехал в Израиль, и мы пошли смотреть Старый Город Иерусалима, то экскурсовод подвел нас к цилиндрическому камню, стоящему в переулке недалеко от Яффских ворот, и прочел нам выбитую на нем после 70 г. н. э. латинскую надпись «Здесь стоит римский Десятый Легион. Евреев в этом городе нет, и больше никогда не будет». Десятого Легиона

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org давно уже нет, а мы снова здесь, – и именно для тош, чтобы сказать новое слово человечеству. Верно, что христианство, будучи дочерней религией иудаизма, несет человечеству часть иудаизма. Однако это пока что еще только часть, и дальнейшая передача еврейским народом Божественного света человечеству еще впереди. Так что мы не волнуемся. Вечный народ не боится длинной дороги.

14.6. Уровень предстояния человека перед Богом

Вопрос: Вы просто не понимаете, что главное новшество христианства не в этике и не в теории. Суть Благой вести – повествовать о Боговоплощении в Иисусе. Тут не «учение», не «концепция», но – новое качество предстояния человечества перед Богом, этим самым Боговоплощением обеспеченное.

Ответ: Когда иудаизм говорит о создании человека по образу и подобию Бога (Быт. 1:26), то он уже создает именно тот уровень предстояния человека перед Богом, который вы подразумеваете под «новым». Но другим народам это еврейское учение было слишком трудно воспринять, и христианство явилось «иллюстрацией», донесшей это понимание до народов мира.

14.7. Жертва крови во искупление грехов

Вопрос: Разве может быть Божественное прощение без жертвы за грех, кровь которой окропляет жертвенник? Вот Христос и стал жертвой и понес все грехи мира на себе.

Ответ: Разумеется, Бог может простить человека и безо всяких жертв. Жертва – это мистика, но совсем не магия. Она нужна в те времена, когда есть Храм, но в принципе совершенно не является необходимой для искупления. Собственно Богу жертвы вообще не нужны, весь их смысл – только в воспитании человека, отрывающего нечто важное от себя и отдающего это Богу. Поэтому принципиально неправильна идея «спасти кого-то другого путем принесения жертвы за него». А идея о том, что «Бог приносит Своего Сына в жертву ради людей, ибо иначе Он не может их спасти» – исходит из предположения, что над Богом есть «мировой закон», гласящий, что «без крови жертвы спасение невозможно», – а такая идея является языческой, она несовместима с еврейским монотеизмом, гласящим что Бог Сам есть Творец и Хозяин всех мировых законов.

При этом важно добавить:

1 в Танахе есть пророчества о том, что в будущем молитвы заменят физические жертвы крови: «И принесем слова уст наших вместо тельцов» (Осия 14:3).

2 действительно, Бог не прощает человека, пока человек не делает что-то; то сам для исправления ситуации – поскольку цель Бога не в «спасении», а в воспитании человека, и поэтому важно, чтобы человек предпринял усилия, пожертвовал главное – свое эго, и т. д. Но совершенно необязательно, чтобы это была формально «жертва крови на жертвеннике» или что-либо подобное, чем христианство считает Иисуса.

3 Если же говорить о мистическом аспекте проблемы – о том, что так уж устроен мир, что без жертвы и крови в нем ничего не меняется – то, наверное, еврейский народ за свою долгую историю заплатил эту «кровавую жертву за спасение человечества» (и, к сожалению, кое – где и не без «помощи» христиан) в гораздо большем объеме, чем Иисус. Понес ли этим еврейский народ на себе «все грехи мира», – т. е. являются ли евреи коллективным «страдающим Мессией» (в христианском понимании этого термина) – это сложный вопрос, который христианам, возможно, стоило бы обдумать.

14.8. «Иисус взял на себя грехи мира»?

Вопрос: Как же вы не понимаете величия Иисуса Христа! Ведь Он был Богом, пришедшим в мир... воплотившимся в человеческой плоти и взявшим на Себя грех

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org мира, снявшим печать отверженности с человеческого рода, реализовавшим надежду, ожидания, пророчества, раскрывшим врата как Рая, так и Ада, но оставившим на земле Церковь, в которой Духом Святым совершаются таинства, преображающие ветхого плотского человека в «новую тварь», способную к жизни в реальности Царствия!

Ответ: 1. «... Богом, взявшим на Себя грех мира»

Человек (или общество, народ, человечество) может исправить свои грехи. Бог может простить человека, ввиду его раскаяния или ввиду Своей милости. Но идея о том, что для прощения необходимо, чтобы кто-то (и тем более Бог) «взял на себя грех мира» – это чистое язычество, ставящее «закон прощения грехов» выше Бога.

2. «Снявшим печать отверженности с человеческого рода».

Да нет и не было этой «печати отверженности»! Вы сами (неверным прочтением книги Бытия) возложили на человечество эту «печать», чтобы Иисусу было что «снимать».

Что же касается «последствий первогреха Адама» (смерти, болезней и т. д.), то они как были до Иисуса, так и остались по сей день.

3. «Реализовавшим надежду, ожидания, пророчества (о Мессии)»...

НЕ реализовавшим ничего из этого. См. выше, гл. 2.

ДА принесшим часть иудаизма народам мира, – в чем, конечно, выражается, его провиденциальная роль.

4. «Раскрывшим врата, как Рая, так и Ада»

Врата Рая и так были открыты, они и сейчас (и без Иисуса) открыты для всех праведных людей, независимо от их веры.

Что же касается Ада, то, по мнению иудаизма, его вообще не существует (хотя и существует «чистилище перед воротами в Рай»).

5. «В церкви совершаются таинства, преображающие ветхого плотского человека в “новую тварь”».

Если вы имеете в виду, что Церковь преображает язычников в монотеистов – то, разумеется, это действительно великая работа. Но если вы думаете, что (по вашей терминологии) человек «Ветхого Завета» был «плотским» – то вы глубоко ошибаетесь, поскольку не имеете об иудаизме никакого серьезного представления.

6. «Способного к жизни в реальности Царствия».

К сожалению, пока еще совершенно неспособного.

Как только человечество действительно станет способно «жить в реальности Царствия Бога», это царство немедленно и наступит. Ведь Мессия – это не волшебная палочка, которую Бог, «пожалев» нас, посылает нам «со стороны», – а результат развития, с Божественной поддержкой, самого человечества.

14.9. Мессия – человек или Бог?

Вопрос: Мне не верится, что Мессией может быть человек, т. к.:

– Ни один человек в Ветхом Завете не был совершенным. Даже Моисей не был совершенным и поэтому не смог войти в Землю Обетованную.

– Бог запрещает надеяться на человека: «...проклят тот человек, который полагается на человека и делает плоть опорой своей...» (Иеремия, 17:5).

– Человек не может спасти себя, не то что весь народ: «Человек не выкупит брата своего, не (может) он дать Богу выкупа за себя.» (Псалом 49:8)

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org
– Бог знает человеческие сердца, знает наше лукавство и пр.: «Сердце (человеческое) лукавее всего и оно неисцелимо; кто может познать его?» (Иеремия, 17:9)

– «... но все суета, всякий человек, стоящий (твердо)» (Псалом 39:6).

Еще можно продолжать, но как может человек из плоти и крови быть спасителем Израиля, и тем более – всего мира?

Ответ: 1. Мне не верится, что Мессией может быть человек.

– И тем не менее, Библия называет Мессией многих разных людей, например, царей Давида и Соломона; и не только их, но даже царя Саула, несмотря на совершенные им ошибки.

2. Ни один человек в Танахе не был совершенным. Даже Моисей не был совершенным и не смог войти в Землю обетованную.

– А почему надо считать, что Мессия должен быть абсолютно совершенен? Идеал, к которому придет человечество при приходе Мессии, является идеалом не конечным, статическим (конец истории), но идеалом динамическим, началом нового пути духовного развития человечества. Вероятно, Мессия будет иметь свои собственные недостатки, которые смогут быть исправлены в ходе дальнейшего развития. Путь же продвижения человека к Богу – бесконечен.

3. Бог запрещает надеяться на человека... Человек не может спасти себя, не то что весь народ.

– Нельзя надеяться на человека в смысле «полной надежды только на человека». Но также нельзя убрать надежду на действие и развитие человека, возложив все только на Бога (аналогично тому, как нельзя не верить в чудеса, но и нельзя полагаться только на чудо). Действия человека и Божественная поддержка идут параллельно, и вместе они составляют мессианский процесс развития человечества.

4. Бог знает человеческие сердца, знает наше лукавство и пр.: «Сердце (человеческое) лукавее всего и оно неисцелимо; кто может познать его?» (Иеремия, 17:9), и также: «...но все суета, всякий человек, стоящий (твердо)» (Псалом 39:6).

– Если сделать из любой фразы слишком далеко идущие выводы, можно получить неправильные следствия. Каждая библейская фраза дает нам один из аспектов общей картины, поэтому нужно интегрировать их все вместе для того, чтобы картина была цельной.

5. Как может человек из плоти и крови быть спасителем Израиля, и тем более – всего мира?

– Приход Мессии – это не приход кого-то «со стороны», который волшебной палочкой спасает погрязшее в грехах человечество. Но это постепенное развитие самого человечества (с Божественной поддержкой, конечно, но все же – самостоятельное развитие) – до того состояния, когда человечество сможет вести диалог с Богом напрямую и открыто. Тот лидер, при котором этот уровень будет достигнут, и называется Мессией.

Бог хочет самостоятельного продвижения и духовного прогресса человечества, а вовсе не подмены этого собственным Божественным действием. Как, например, отец, который учит сына играть в шахматы, ставит перед ним все более сложные задачи, но не сбрасывает в некоторый момент шахматы с доски со словами «подвинься, я сам вместо тебя поставлю мат».

Соответственно, Бог не хочет просто «послать человечеству спасителя» – но хочет, чтобы человечество продвинулось само; и это самый лучший подарок, который Отец может сделать своему ребенку. В этом продвижении мира к Богу (оно же – «приход Мессии») у еврейского народа есть особая миссия – быть орудием в передаче человечеству Божественного света. Но дальнейшее продвижение еврейского народа и народов мира возможно только совместно, через углубление каждого в свой диалог с Богом и последующий взаимобмен духовным опытом.

14.10. Так кто же прав?

Вопрос: Здравствуйте, я христианка, при этом с огромным уважением отношусь к еврейскому народу и никогда не позволяла себе навязывать евреям христианство. Я внимательно прочитала Вашу книгу «Евреи и христианство...». Ваши доказательства убедительные, и я проверила стихи, которые используются христианами для подтверждения пророчеств – действительно, все именно так, как Вы пишете.

Но в связи с этим у меня вопрос. Вы говорите, что на роль Мессии в истории уже были претенденты, и не один. Так почему же тогда именно вокруг Иисуса Христа такая шумиха и неразбериха? Если Он не Мессия, тогда кто? Я не думаю, что христиане глупее евреев. Кто же из нас ошибается? И, главное, – какой выход в этой многовековой распри?

Ответ: Конечно, христиане не глупее евреев, и евреи не глупее христиан. Христианство внесло огромный вклад в сокровищницу человеческого духа, так же как и евреи внесли огромный вклад в духовные представления человечества, и ни один из этих вкладов не перечеркивает другой – т. е. обеим сторонам надо ощутить свою взаимодополнительность и попытаться понять воззрения другой стороны, ознакомиться с ее духовным опытом. Христиане неправильно понимали некоторые из пророчеств ТанаХа, что, в общем, естественно, потому что они были по языку и культуре гораздо дальше от Библейского мира, чем евреи. Но, в конце концов, не в этом проблема, и не в споре о том или ином пророчестве может быть найден выход в «многовековой распри», о которой вы пишете.

Мне кажется, что главное для «преодоления распри» состоит в том, чтобы осознать, что хотя иудаизм и христианство вещи несоединимые, и евреи не стали и не станут христианами – но, тем не менее, исторически эти две религии «взаимодополнительны». Еврейское неприятие мессианства и тем более «богвоплощенности» Иисуса вовсе не отрицает того, что, Провидением Иисусу было определено стать тем «Божественным инструментом», через который монотеизм распространится на существенную часть человечества, и в этом его огромная заслуга. Точно так же, как иудаизм, разумеется, не считает Мухаммеда пророком, но Провидением ему было дано создать ислам, распространивший монотеизм на другую часть человечества – и в этом его огромная заслуга.

Еврейское несогласие обратиться в христианство или ислам не уменьшает нашего понимания их огромной позитивной роли в деле духовного продвижения человечества. Кроме того, каждая из этих религий не только взяла свои основы из иудаизма, но и накопила за тысячелетия своей истории (а история – это не что иное, как общенациональный/общечивилизационный диалог с Богом) важный духовный опыт, которым она в дальнейшем сможет поделиться с другими.

Я думаю, что было бы правильным воспринимать все авраамические религии – иудаизм, христианство, ислам и «сыновей Ноя» (это новая форма монотеистической религии, основанная на Танахе и начавшая распространяться на Западе в последние пятьдесят лет) – как единый монотеистический комплекс человечества, активно отодвигающий в сторону «кармические религии» (= идолопоклонство).

Различные группы внутри этого «монотеистического комплекса» должны осознать себя скорее союзниками, делающими общее дело, чем противниками, нуждающиеся в «победе в вечной распри». (Я включаю ислам в рамки этого сотрудничества, несмотря на то, что сегодня мы вынуждены отражать войну, которую джихадистский ислам начал против нас; и мы – и евреи, и весь Запад – обязаны победить в этой войне, ибо это наша ответственность перед Богом за сохранение нашей цивилизации. Более того, только такая победа позволит самому исламу перестроиться и перейти от «джихадизма» к конструктивному духовному сотрудничеству.)

Две тысячи лет вместе не бывают случайностью. Они должны научить иудаизм и христианство тому, что каждая из сторон является провиденциально необходимой для развития человечества и надо оставить попытки «обратить другого в свою веру». Соответственно, евреи должны максимально полно реализовывать в своей жизни ценности иудаизма, а христиане – максимально полно реализовывать в своей жизни ценности христианства. Только тогда мы

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org сможем делиться духовным опытом и осознать «эсхатологическое единство всех народов Божьих» (цитата из статьи католического богослова Д. Поллефе, см. выше, гл. 11), т. е. осознать стремление к общей конечной цели. Именно через такое «эсхатологическое единство разных» эта распря может быть преодолена.

Примечания

1 Отметим, что в талмудической литературе по отношению к некоторым христианским притчам дается характеристика как «интересным (верным) высказываниям, относящимся к учению в целом неверному».

2 Следует иметь в виду, что значение термина «хасидеи» несколько менялось с течением времени; здесь имеются в виду хасидеи I‑II вв., – такие, например, как р. Ханина бен Доса.

3 Приведем в качестве параллели пример того же типа критики из эпохи, более близкой нам (и поэтому хорошо документированной), а именно, критику хасидами – харизматическим еврейским движением на Украине в XVIII веке – современного им еврейского «раввинистического» истеблишмента. Например, такой рассказ: «Однажды Бешт [основатель хасидизма] зашел в синагогу и увидел одного еврея, который сидел, погружившись в изучение Талмуда и не желая ничего видеть вокруг себя. Бешт подошел к нему и сказал: “Ты настолько углубился в Талмуд, что совсем забыл про Бога!”». Зная, что такое хасидизм и сколь внимательно он относится к изучению и соблюдению еврейской традиции, мы, конечно же, не усомнимся, что Бешт полностью признавал Талмуд и важность его изучения, и нам ясно, что он хотел лишь подчеркнуть, что чисто академическое изучение, без связи с жизнью – что было одной из проблем еврейского общества XVIII века! – является недостаточным для оживления в человеке и в народе связи с Богом. Но если эта история переместится в нееврейский понятийный контекст, то легко может сложиться ложное мнение, что Бешт, якобы, «был противником Талмуда и раввинистического иудаизма вообще и хотел основать новую религию».

4 Кстати, в этом он тоже весьма близок к хасидизму XVIII века.

5 Примеры подобной специально подобранной толпы, вопившей «смерть врагам народа», мы могли во множестве наблюдать в России в 1930–е годы. Впрочем, подобную толпу несложно было подобрать в любой стране и во все времена.

6 Например, в Послании к Галатам (2:15) Павел говорит о себе: «Мы по природе иудеи, а не из язычников грешники».

7 Согласно Торе и еврейской традиции, для народов мира главными являются «Семь заповедей сыновей Ноевых» – термин, который обозначает минимум заповедей, обязательных для всех людей, а именно: монотеизм, запреты богохульства, убийства, воровства, прелюбодеяния, запрет «есть часть от живого животного» и необходимость социальной справедливости. Именно эти основные заповеди, по настоянию Павла, первый апостольский собор (Деян. 15:20) вменяет в обязанность «братьям из язычников».

8 Павел говорит это во время суда в Синедрионе, и полностью отрывок выглядит так: «Узнав же, что тут одна часть саддукеев, а другая фарисеев, возгласил Павел в Синедрионе: мужи братья! я фарисей, сын фарисея; за чаяния воскресения мертвых меня судят. Когда же он сказал это, произошла распря между фарисеями и саддукеями, и собрание разделилось». Классические христианские толкования на Деяния стараются не подчеркивать заявления Павла “я фарисей“, считая его лишь поводом для создания спора между фракциями Синедриона. Разумеется, Павел указал здесь на свою принадлежность к фарисеям именно для создания этого конфликта; но вряд ли будет правильно предположить, что Павел просто лжет для того, чтобы вывернуться на суде (по крайней мере, мы о нем так не думаем). Гораздо более правильно, по нашему мнению, считать Павла искренним и честным человеком, и поэтому доверять его заявлению о том, что он продолжает быть фарисеем. По сути, проблема в этом вопросе была не у Павла, а у его более поздних христианских комментаторов, которые искаженно понимали иудаизм и сам термин “фарисей“, и которые поэтому не могли себе представить, как это можно продолжать оставаться фарисеем, став при этом «апостолом язычников». Отметим, что далее в Деяниях (23:11) эта речь Павла в Синедрионе, вместе со всей его деятельностью в Иерусалиме, одобряется «голосом Свыше».

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org
9 Например, он говорит: «Итак, спрашиваю: неужели Бог отверг народ Свой? Никак... Ибо дары и призвание Божие [= еврейский Завет с Богом] непреложны... Если же оскудение их – богатство язычникам, то тем более – полнота их» (Рим. 11:1,29,12).

10 А тех из полупрозелитов, кто хотел соблюдать законы Торы, Павел обязывает стать полностью прозелитами – евреями и соблюдать всю Тору («Еще свидетельствую всякому человеку обрезывающемуся, что он должен исполнить весь Закон» – к Галатам 5:3), и такие люди выпадали из рамок его, апостола язычников, «целевой группы».

11 Типичный пример высказывания об этом в Евангелии (Мф. 19:16): «И вот, некто, подойдя, сказал ему [Иисусу]: Учитель благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную? Он же сказал ему: что ты называешь меня благим? Никто не благ, как только один Бог!»

12 В Евангелии от Иоанна (10:30, 14:10) мы находим, например, такие высказывания Иисуса: «Я и Отец – одно», «Я в Отце и Отец во Мне. Слова, которые говорю Я вам, говорю не от себя; Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела. Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне». Высказанный здесь подход противоречит, вроде бы, подходу синоптических евангелий, в которых ясно видно, что Иисус отнюдь не считает себя Богом. (Например, знаменитое: «Возопил Иисус громким голосом: Боже мой, почему Ты оставил меня?» (Марк 15:34. Мф. 27:46), или уже процитированное нами выше высказывание из Матфея (19:16), в котором Иисус отвергает название себя «благим», ибо «никто не благ, как только один Бог!»), поэтому возникает впечатление, что позиция Иисуса по этому вопросу противоречива и двойственна. (А некоторые исследователи, идущие еще дальше, считают, что синоптические евангелия и Иоанн были составлены в различных противоборствующих школах внутри первохристианской общины, одна из которых, более эллинизированная, обожествляла Иисуса и поэтому «приписала» ему подобные высказывания, а вторая, близкая к исходным 12 апостолам, отвергала такое обожествление). Однако, на самом деле, приведенные в Иоанне высказывания Иисуса (особенно если убрать из них добавленное евангелистом написание «Я» и «Мне» с большой буквы) вовсе не свидетельствуют о том, что Иисус «обожествлял себя». Как мы отметили выше, они вполне находятя в русле встречающихся в мистической литературе высказываний о переживаемой мистиком «особой близости к Богу», «слиянию души с Богом» и т. п., а выражение «Божественность говорит из его горла» вообще является в иудаизме классическим в отношении высших из мудрецов. Только попав в грекоязычную культурную среду, для которой «воплощение богов» является естественным ходом в религиозном мышлении, эти высказывания могли быть истолкованы как якобы намек Иисуса на свою собственную божественность.

13 На самом деле, наибольшим отходом от принципов монотеизма является в христианстве не «троичность Божественности», а восприятие Сатаны – Дьявола как силы, независимой от Бога и противостоящей Ему. На психологическом уровне это может даже привести к дуалистическому мироощущению (несколько сглаженному монотеистической теологией того, что «лишь Бог позволяет Дьяволу так себя вести и, в конце концов, когда захочет – уничтожит его»). Впрочем, это большая тема, требующая отдельного обсуждения.

14 Идея «незримого Бога» важна, прежде всего, тем, что человек должен сосредоточиться не на вопросе «что есть Бог» (теософия), а на том, «что Бог указывает в качестве главного пути жизни» (этика).

15 Современники описывают Пилата как жестокого и кровавого деспота, ненавидевшего «туземцев», презиравшего их религиозные ценности и жизненный уклад. По свидетельству Филона Александрийского, Ирод Агриппа I в письме к императору Калигуле обвинял Пилата в продажности и грабеже, в разорении целых семейств, в казни множества людей без всякого суда, в бесчисленных жестокостях, которые превосходили все пределы. Действия Пилата вызывали волнения не только в Иудее, но и в Самарии. Иосиф Флавий рассказывает, что когда однажды последователи одного из самаритянских проповедников собрались в некотором селе, Пилат выслал воинские отряды, которые неожиданно напали на самаритян, часть из них перебили, а часть обратили в бегство. При этом они также захватили многих самаритян (мирных гражданских жителей!) в плен, и Пилат распорядился казнить самых влиятельных из них. После этого самаритянские старейшины явились с жалобой к вителлию, имперскому легату Сирии, – который, рассмотрев дело, признал Пилата виновным, сместил его с должности и приказал ему ехать в Рим для ответа перед императором за свои

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org злодеяния. Невозможно поэтомупредставитьсебе, чтобы такой человек, верша суд, каждые несколько минут выходил на балкон своей резиденции, чтобы посоветоваться со стоящей во дворе толпой туземных вождей о том, нельзя ли как‑нибудь помиловать осужденного – как это рассказывает нам, например, Евангелие от Иоанна.

16 Согласно классической теологии христианства (эту идею формулируют и Августин, и, например, Иоанн Златоуст) евреи были изгнаны из Святой Земли за непризнание Иисуса, поэтому они не смогут вернуться, пока не обратятся в христианство. История, однако, опровергла эту теологию. Подробнее см. во второй части книги, гл. 10.

17 помазание особым маслом (елеем) было частью церемонии, проводившейся в древности при возведении царей на престол. Поэтому слово «Машиах», на иврите также означает царь; эта концепция («царь – помазанник Божий») вошла и в европейскую культуру.

18 Кстати, интересно отметить, что неверное понимание библейского иврита послужило причиной того, что многие христианские теологи трактовали встречающееся у Иеремии имя Мессии «Господь – справедливость наша» (и подобные имена у других пророков, как, например, Исайя 9:5: «... и назовут имя его: “Могучий Бог, Отец вечности, Властитель мира, советующий чудесное”») – как якобы «доказательство» того, что пророки отождествляли Мессию с Богом, т. е. как намек на «воплощение». На самом деле это довольно распространённый вид ив-ритских имен, являющихся определёнными высказываниями о Боге («теофорные имена»). По сути, даже имена Исайя и Даниэль тоже являются высказываниями о Боге (Исайя: букв. «Господь – спасение мое»; Даниэль: «Бог – Судья мой»). Более длинные подобные имена, из нескольких слов, тоже встречаются довольно часто. Например, Моисей называет построенный им жертвенник «Господь – чудесное знамя мое» (Исход 17:15), но никому еще не пришло в голову утверждать на этом основании, что Моисей отождествил жертвенник с Богом.

19 См., например, Евангелие от Матфея, где Иисус говорит: «Я пришел не для того, чтобы отменить Закон [Тору] или Пророков... Истинно говорю вам: пока существуют небо и земля, ни одна буква не исчезнет из Закона...» (5:17–18)

20 Приведем один интересный эпизод, который может пояснить эту проблему. Один из выдающихся раввинов начала XX века путешествовал по России и в поезде оказался свидетелем разговора между христианским миссионером и несколькими глубоко религиозными, но не очень образованными евреями. Евреи как раз высказали свою убежденность в правоте подхода еврейских мудрецов к вопросу о Мессии. «Если так, – спросил христианин, – то как вы можете объяснить то, что рабби Акива, один из величайших мудрецов Талмуда, вначале принял Бар – Кохбу (вождя еврейского восстания против римлян, 133 г. н. э.) за Мессию?» Евреи смутились и не знали, что ответить. Раввин, до тех пор не вмешивавшийся в разговор, повернулся к христианину и спросил: «А откуда Вы знаете, что Бар – Кохба не был Мессией?» – «Это очевидно, – ответил тот, – Бар – Кохба погиб, не принеся освобождения». «Так примените этот ответ к своим собственным доводам об Иисусе», – предложил раввин миссионеру.

21 Подчеркнем, что мы считаем, что каждая из религий – как иудаизм, так и христианство – имеет свой, отличный от других, опыт раскрытия исходных (и общих) Божественных истин, и они могут вполне плодотворно обмениваться этим опытом. Эти новые, возникшие в последнее время возможности взаимообогащения подробнее рассматриваются ниже, во второй части книги. В данном же параграфе мы только хотели бы подчеркнуть, что все центральные и принципиальные идеи христианской духовности являются в своей основе идеями иудаизма, воспринятыми и изложенными таким образным языком, который был бы близок и понятен народам мира.

22 ниже (в главе 8) мы рассмотрим различия между еврейским и христианским подходами к проблеме первородного греха.

23 Еще раз отметим, что распространенное в христианском мире мнение, что «еврейские представления о Мессии были сугубо материальными, как о имеющем политическую власть в мире, а христианство изменило представление о Мессии на духовно – возвышенное», и что, якобы, «евреи не приняли их именно из‑за своего материализма» – совершенно неверно, т. к. и по христианским представлениям Мессия точно так же должен будет иметь «материально – политическую власть в мире», но это событие настанет лишь во

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org время «Второго Пришествия», куда христиане перенесли, нисколько там их не изменив, все еврейские представления о приходе Машиаха – Мессии.

24 Перевод этот известен под названием Септуагинты, или «перевода семидесяти толковников». Сообщения о переводе содержатся в некоторых исторических памятниках древности, в частности, в Талмуде (трактат Мегила 9а и др.). Согласно Талмуду, «семьдесятю мудрецами» была переведена только Тора (Пятикнижие Моисеево), но не книги Пророков и Писаний. Принятый ныне в греческой православной церкви текст Септуагинты, содержащий перевод всего Священного Писания, сделан в более позднее время и не является древней Септугинтой.

25 Следует отметить, что диспуты с евреями и в новейшее время часто рассматривались христианами как миссионерская деятельность с целью обращения евреев в христианство, а вовсе не как совместный поиск истины. Либеральный протестантский богослов (кстати, дружелюбно относившийся к евреям), Карл Людвиг Шмидт, откровенно высказал это во время диспута с еврейским философом Мартином Бубером в 1933 году: «Евангельский богослов, которому приходится говорить с вами, должен говорить с вами как член церкви Иисуса Христа, должен стремиться говорить таким образом, чтобы передать еврею послание Церкви. Он должен это делать даже тогда, когда вы не стали бы приглашать его делать это. Утверждение христианской миссии в разговоре с вами может иметь у вас несколько горьковатый привкус и рассматриваться как нападение. Однако такое нападение как раз и влечет за собой заботу о вас, евреях, – дабы вы могли жить вместе с нами как братья на нашей германской родине и во всем мире...»

26 Типичным примером является Диспут Нахманида, один из наиболее известных и хорошо документированных диспутов, имевший место в XIII веке в Испании. Отрывки из книги Нахманида, в которой он пересказывает ход диспута, см. в гл. 9.

27 Напомним, что написание слов «дева» и «сын» с заглавной буквы было введено только в христианских переводах книги Исайи на греческий и другие европейские языки. В оригинальном еврейском тексте Библии этих заглавных букв нет, поскольку в иврите вообще нет заглавных букв, и в контексте книги Исайи они отнюдь не подразумеваются.

28 Т. е. точный русский перевод этого слова – «молодка», что совсем не свидетельствует о «девственности».

29 Девственница на иврите – «бетула» (см. Левит 21:3; Второзаконие 22:19; Иезекииль 44:22; Иоиль 1:8) Если бы Исайя имел в виду именно необычайный факт рождения ребенка у девственницы, то он, несомненно, употребил бы именно это слово.

30 Из слов «я и дети, которых дал мне Господь» большинство комментаторов делает вывод, что мальчик по имени Иммануэль, долженствующий быть знаком Божественной воли, – есть не кто иной, как сын самого Исайи, а его мать, жена пророка Исайи, – та самая «алма», о которой говорится в пророчестве. Таким образом, «знак» заключался в том, что будет беременна и родит именно данная женщина, жена пророка Исайи, и раньше, чем его сын вырастет, ничего не останется от нападающих на Иудею армий. (Вообще ситуация, при которой сам пророк и его семья являются «видимым знаком» и символом для окружающих, нередка в Писании – см., например, подобную ситуацию в книге пророка Осии).

31 В греческом переводе Исайи слово «алма» переведено как «партенос», то есть «девственница». Как уже указывалось выше, в исходный еврейский перевод, осуществленный «семьдесятю мудрецами», книга Исайи не входила, и ее перевод на греческий был сделан позже, и не был достаточно точным. Редакторы Евангелий могли недостаточно знать иврит и выстроить свои теологические концепции на основе более понятного им греческого перевода.

32 И. А. Чистович, «История перевода Библии на русский язык». СПб, 1873.

33 Мишна – кодекс Устного Учения (Устной Торы), определяющий применение к жизни законов Письменной Торы. Устная Тора, передававшаяся по традиции с Синая, была оформлена в систематическое учение в основном в период Второго Храма (V в. до н. э. – I в. до н. э.) и частично записана (в виде Мишны и Мидрашей) в период I-II вв. н. э. Талмуд (200–500 гг. н. э.) содержит анализ и объяснение устной традиции, записанной в Мишне.

34 А именно, в семитских языках есть идиоматическая грамматическая структура, говорящая о предпочтении – «Люби А, предпочитая его по сравнению с В» – которая буквально звучит как «Люби А, ненавидь В» (глагол «не предпочитать/ненавидеть» имеет несколько вариантов перевода, и именно буквальный «ненавидь» был закреплен в Септуагинте и далее был применен к переводу слов Иисуса). Так что Иисус (который, очевидно, говорил на смеси иврита и арамейского, принятой в Иудее и в Галилее в то время) не имел в виду приписать иудаизму ненависть к врагам, но хотел «уравнять» ближних и врагов в степени любви, которую надо проявить по отношению к ним.

35 Более подробно вопрос о соотношении любви к ближним и любви к врагам и «непротивления злу насилием» рассматривается ниже, в главе 6.

36 К сожалению, тут не составляют исключения и евреи, вполне культурные по европейским меркам, но совершенно несведущие в собственной культуре. Вот только один пример: знаменитое в свое время письмо известного русского историка, Н. Эйдельмана, еврея, русскому писателю – антисемиту В. Астафьеву. Эйдельман упрекал своего оппонента в том, что тот выступает «не как благостный христианин, а как неистовый око за око! – иудей».

37 Ср. аналогичный текст в Евангелии от Матфея (5:В7), где это также изображено как совершенно новая, революционная идея.

38 Интересно отметить, что в подробных «параллельных местах», приводимых в христианской Библии, в Матфее 5:38 (ив других местах в Евангелиях) не дается ссылка на Плач Иеремии. При этом в Синодальном переводе это слово в Матфее переводится как «щека», а в тексте Плача Иеремии оно же передается как «ланита», что еще более ассоциативно отдаляет эти тексты.

39 Яркой литературной иллюстрацией к этим теологическим концепциям является Божественная Комедия Данте, в которой «праведники, не знавшие о Христе», помещены не в Рай, а в Ад – хотя и в его первый, наиболее «легкий» круг («лимб»). У отдельных христианских мыслителей встречается также и «универсалистская» установка, говорящая о том, что «мы не можем судить, кто спасется, а кто нет», и вообще «тайна сия великая есть», и «мы надеемся, что Бог в Своем милосердии спасет всех», и даже утверждения типа «делающий добрые дела уже делает их ради Христа, даже если он сам не знает об этом» (т. е. записывающие в «духовные христиане» всех достойных людей на Земле, даже если они сами ни о чем таком и не помышляют). Но все же классическим (и основным) принципом христианства является «без веры во Христа нет спасения».

41 Идея о том, что именно вере принадлежит центральная роль в Божественном спасении души, принята всеми ветвями христианства. Например, основатель протестантской церкви Мартин Лютер утверждал, что одной веры, достаточно для спасения: ни добрые дела, ни даже религиозные таинства (занимающие одно из центральных мест в католицизме и православии) не обязательны, чтобы быть хорошим христианином. В брошюре «О христианской свободе», изданной в 1520 г. Лютер пишет: «Превыше всего запомните то, что я сказал: только вера одна, а не добрые дела, – оправдывает, освобождает и спасает».

42 В рамках конкурентной «внутривидовой борьбы» за распространение еврейского монотеизма среди полупрозе- литов (см. вводную главу, § 25) эта карикатура говорила читателю: «Не ищи ничего среди тех, кто хочет предложить тебе соблюдение заповедей Торы. Заповеди, особенно частичные, не помогут спастись. Иди к нам, и получишь спасение через веру».

43 В древности у евреев существовал еще один, последний, пятый шаг в процессе раскаяния: жертвоприношение. Но он возможен только тогда, когда существует Храм; в наше время жертвоприношения невозможны. Согласно еврейскому закону, человек, который физически не в состоянии выполнить ту или иную заповедь, освобождается от нее: Бог не требует ее выполнения. Еще в эпоху Храма пророки предсказывали, что настанут времена, когда Храм будет разрушен, и тогда жертвоприношения будут заменены молитвами. В Библии это выражено в словах пророка Хошеа (Осии): «Возьмите с собою молитвенные слова и обратитесь к Господу; говорите Ему: Отними всякое беззаконие и прими во благо, и мы принесем жертву уст наших вместо тельцов» (стих 14:3). Таким образом, вместо традиционного тельца жертвоприношением будет считаться искренняя молитва Богу. Об этом же говорится и в Книге Притч Соломоновых (21:3): «Соблюдение правды и правосудия более угодно Богу, нежели жертва».

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org Пророк Иона упоминает о том, что Господь простил жителей Ниневии, когда те раскаялись в грехах своих, хотя они и не принесли никакого жертвоприношения Богу. (См. и другие случаи, когда возвращение и раскаяние было принято без жертвоприношений: Левит 26:40, Второзаконие 4:29, Иеремия 10:24, Иезекиил 22:16.) Христиане утверждают, что Бог не может простить людей без жертвоприношения (или даже «не может простить без того, чтобы была пролита кровь»), но Храма сегодня нет, и вот – смерть Иисуса стала этим необходимым жертвоприношением за всех людей на все времена. Однако такое утверждение свидетельствует только о глубочайшем непонимании этими авторами самого смысла жертвоприношений в иудаизме (где в частности, провозглашается, что человеческие жертвы вообще недопустимы и отвратительны Богу) и не имеет ничего общего ни с духом, ни с буквой еврейской Библии.

44 Все это, разумеется, не означает, что христианская вера мало приводила людей к праведной деятельности. Христианство создало величественную западную цивилизацию, и «горение веры» играло в этом созидании весьма заметную роль – подчеркивая важность праведности, силу духа и преодоление смерти, оно подвигало людей (и продолжает подвигать многих) на великие деяния. Для многих народов мира «спасение через веру в Иисуса» было основой и точкой опоры для рывка из тьмы язычества к свету монотеизма. Идея примата веры над делами стала одной из сил, подтолкнувших развитие западной цивилизации, но она же и ограничила это развитие, приведя в дальнейшем христианскую цивилизацию к кризису – тема, обсуждение которой выходит за рамки нашего исследования.

45 Т. е. поведение тех, кто «соблюдает заповедь "не убий" на духовном уровне», а физически, реально, ее нарушает, – является чудовищным преступлением. А ведь такое было в истории человечества, более того – в массовых масштабах и неоднократно: достаточно вспомнить инквизицию, которая «любила Бога и ближнего», и на основании этого замучила и казнила многие тысячи людей, исключительно для их же «душевной пользы». На таком же психологическом механизме был основан массовый террор, осуществленный коммунистическими властями во многих странах мира.

46 Например, рае Авраам – Ицхак Кук, один из самых великих раввинов начала XX века и создатель философии религиозного сионизма, пишет об этом так: «Я люблю все мироздание. Я физически не могу не любить всех людей, все народы, не могу не желать в самой глубине своего сердца блага всему и исправления всего. При этом моя любовь к народу Израиля более сильна, более глубока, более горяча; и любовь ко всему мирозданию распространяется из нее».

47 См. об этом также выше, в конце гл.4. До Иеремии идею «подставления щеки» мы находим также и у пророка Исаяи (50:6).

48 Отметим, что некоторые христианские философы – например, В. Соловьев и Н. Бердяев – понимали «подставление второй щеки» именно в сформулированном выше еврейском смысле; но такое понимание не является на сегодня мейнстримом христианства.

49 Опять‑таки, надо оговориться, что такие христианские философы, как В. Соловьев и Н. Бердяев (и также многие протестантские мыслители), считали такое толкование слов Иисуса «вырванным из контекста» и стремились к единству материального и духовного миров. Но в классическом христианстве (и до сих пор – в мейнстриме христианского сознания) эти слова служат основанием для их разделения.

50 Эта концепция есть и в католицизме, и в православии. Католическую формулировку искупления вины за первородный грех через крещение мы находим, например, в Декретах Тридентского Собора (1545 г.): «Поскольку грехопадение вызвало потерю праведности, впадение в рабство к дьяволу и гнев Божий, и поскольку грех первородный передается по рождению, а не подражанием, – все, что имеет греховную природу, и всякий, являющийся виновным в первородном грехе, может быть искуплен крещением». Подобную концепцию демонстрирует и Православный Богословский Энциклопедический Словарь (СПб, 1992, стр. 1792): «По учению церкви, крещение изглаживает в человеке Первородный грех, унаследованный от прародителей, освобождает человека от вины перед Богом. Несмотря на это, следствия Первородного греха, а именно: склонность ко злу, болезни, смерть – не могут быть уничтожены таинством крещения. Учением о Первородном грехе обосновывается необходимость Искупления».

51 В еврейской традиции встречались, очень редко, отдельные мудрецы,

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org которые так всю жизнь и не женились, – но и они сами, и окружающие рассматривали это как личную трагедию и недостаток, и никогда не как «повышенное достоинство».

52 Цитируется по изд.: Диспут Нахманида. Пер. Б. Хаске-левича. Иерусалим, 1976

53 Этот последний вопрос уже не обсуждался, так как диспут был прерван по приказу короля.

54 Скрытая реминисценция из книги Бытия (42:16). Нах-манид иронически предлагает своим оппонентам отправить кого-нибудь в ад, чтобы проверить, действительно ли Иисус искупил грехи всех смертных.

55 Реминисценция из книги Иова (34:10): «Не может быть у Бога неправды или у Вседержителя неправосудия».

56 Иными словами, когда в эпоху Мессии будет воскрешение из мертвых и люди вновь станут бессмертными – только тогда можно сказать, что грех Адама искуплен. Таким образом, это искупление – согласно тому, что сказано в Торе о грехе Адама, – никак не могло быть совершено Иисусом.

57 Одесную – со стороны десницы, по правую руку.

58 Большинство комментаторов полагают, что речь здесь идет о народе Израиля в целом. Согласно Агаде, речь идет о Мессии. Связь между этими двумя комментариями проявляется на основании принципа, изложенного у Раши в его комментарии к Торе (Числа 21:21), где он обсуждает, что «при Исходе из Египта Моисей – это Израиль, а Израиль – это Моисей. Писание говорит тебе, что вождь поколения символизирует все поколение...» Аналогично этому, в мессианскую эпоху Мессия олицетворяет собой весь еврейский народ, и поэтому здесь возможны оба понимания.

59 Протестантизм изначально совсем не был проеврейским. Например, Лютер – после того, как евреи отказались креститься в созданное им «новое христианство» – развил бурную антиеврейскую деятельность, призывал изгонять евреев отовсюду и т. д. Однако, поскольку в протестантизме сразу возникло много направлений, некоторые из них стали занимать более позитивную позицию по отношению к евреям. Ранние протестантские «сионистские» и проеврейские группы появились еще в XVII веке, но только в конце XIX – начале XX века такой подход начал распространяться достаточно широко.

60 Катастрофа европейского еврейства во время Второй Мировой войны стала шоком для европейских народов и вызвала кризис их сознания не только по причине невероятной масштабности, но и из-за садистской систематичности, «немецкой пунктуальности» в ее осуществлении – и, особенно, из-за того, что это страшное преступление было осуществлено одним из самых культурных и христианских европейских народов, провозглашавшим ранее духовную свободу, «евангельские ценности» и утонченную христианскую философию и теологию.

61 Конечно, следует осознавать, что все эти антисемитские положения христианства уже привели, в течение веков, к непоправимым последствиям, гонениям, погромам и т. д., и все это так просто не исправишь – но, тем не менее, то, что эти положения стали пересматриваться, все же чрезвычайно важно.

62 Отметим, что будучи избранным на свой пост, он взял себе имя Иоанн – Павел именно по именам тех двух Пап, которые вели Второй Ватиканский собор, Иоанна XXII и Павла VI, провозглашая этим верность направлению Собора.

Примечания

1

Отметим, что в талмудической литературе по отношению к некоторым христианским притчам дается характеристика как «интересным (верным) высказываниям, относящимся к учению в целом неверному».

2

Следует иметь в виду, что значение термина «хасидеи» несколько менялось с течением времени; здесь имеются в виду хасидеи I‑II вв., – такие, например, как р. Ханина бен Доса.

3

Приведем в качестве параллели пример того же типа критики из эпохи, более близкой нам (и поэтому хорошо документированной), а именно, критику хасидами – харизматическим еврейским движением на Украине в XVIII веке – современного им еврейского «раввинистического» истеблишмента. Например, такой рассказ: «Однажды Бешт [основатель хасидизма] зашел в синагогу и увидел одного еврея, который сидел, погружившись в изучение Талмуда и не желая ничего видеть вокруг себя. Бешт подошел к нему и сказал: “Ты настолько углубился в Талмуд, что совсем забыл про Бога!”». Зная, что такое хасидизм и сколь внимательно он относится к изучению и соблюдению еврейской традиции, мы, конечно же, не усомнимся, что Бешт полностью признавал Талмуд и важность его изучения, и нам ясно, что он хотел лишь подчеркнуть, что чисто академическое изучение, без связи с жизнью – что было одной из проблем еврейского общества XVIII века! – является недостаточным для оживления в человеке и в народе связи с Богом. Но если эта история переместится в нееврейский понятийный контекст, то легко может сложиться ложное мнение, что Бешт, якобы, «был противником Талмуда и раввинистического иудаизма вообще и хотел основать новую религию».

4

Кстати, в этом он тоже весьма близок к хасидизму XVIII века.

5

Примеры подобной специально подобранной толпы, вопившей «смерть врагам народа», мы могли во множестве наблюдать в России в 1930–е годы. Впрочем, подобную толпу несложно было подобрать в любой стране и во все времена.

6

Например, в Послании к Галатам (2:15) Павел говорит о себе: «Мы по природе иудеи, а не из язычников грешники».

7

Согласно Торе и еврейской традиции, для народов мира главными являются «Семь заповедей сыновей Ноевых» – термин, который обозначает минимум заповедей, обязательных для всех людей, а именно: монотеизм, запреты богохульства, убийства, воровства, прелюбодеяния, запрет «есть часть от живого животного» и необходимость социальной справедливости. Именно эти основные заповеди, по настоянию Павла, первый апостольский собор (Деян. 15:20) вменяет в обязанность «братьям из язычников».

8

Павел говорит это во время суда в Синедрионе, и полностью отрывок выглядит так: «Узнав же, что тут одна часть саддукеев, а другая фарисеев, возгласил Павел в Синедрионе: мужи братия! я фарисей, сын фарисея; за чаяния воскресения мертвых меня судят. Когда же он сказал это, произошла распря между фарисеями и саддукеями, и собрание разделилось».

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org христианские толкования на Деяния стараются не подчеркивать заявления Павла «я фарисей», считая его лишь поводом для создания спора между фракциями Синедриона. Разумеется, Павел указал здесь на свою принадлежность к фарисеям именно для создания этого конфликта; но вряд ли будет правильно предположить, что Павел просто лжет для того, чтобы вывернуться на суде (по крайней мере, мы о нем так не думаем). Гораздо более правильно, по нашему мнению, считать Павла искренним и честным человеком, и поэтому доверять его заявлению о том, что он продолжает быть фарисеем. По сути, проблема в этом вопросе была не у Павла, а у его более поздних христианских комментаторов, которые искаженно понимали иудаизм и сам термин «фарисей», и которые поэтому не могли себе представить, как это можно продолжать оставаться фарисеем, став при этом «апостолом язычников». Отметим, что далее в Деяниях (23:11) эта речь Павла в Синедрионе, вместе со всей его деятельностью в Иерусалиме, одобряется «голосом Свыше».

9

Например, он говорит: «Итак, спрашиваю: неужели Бог отверг народ Свой? Никак... Ибо дары и призвание Божие [= еврейский Завет с Богом] непреложны... Если же оскудение их – богатство язычникам, то тем более – полнота их» (Рим. 11:1,29,12).

10

А тех из полупрозелитов, кто хотел соблюдать законы Торы, Павел обязывает стать полностью прозелитами – евреями и соблюдать всю Тору («Еще свидетельствую всякому человеку обрезывающемуся, что он должен исполнить весь Закон» – к Галатам 5:3), и такие люди выпадали из рамок его, апостола язычников, «целевой группы».

11

Типичный пример высказывания об этом в Евангелии (Мф. 19:16): «И вот, некто, подойдя, сказал ему [Иисусу]: Учитель благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную? Он же сказал ему: что ты называешь меня благим? Никто не благ, как только один Бог!»

12

В Евангелии от Иоанна (10:30, 14:10) мы находим, например, такие высказывания Иисуса: «Я и Отец – одно», «Я в Отце и Отец во Мне. Слова, которые говорю Я вам, говорю не от себя; Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела. Верьте Мне, что Я в Отце и Отец во Мне». Высказанный здесь подход противоречит, вроде бы, подходу синоптических евангелий, в которых ясно видно, что Иисус отнюдь не считает себя Богом. (Например, знаменитое: «Возопил Иисус громким голосом: Боже мой, почему Ты оставил меня?» (Матф. 15:34. Мф. 27:46), или уже процитированное нами выше высказывание из Матфея (19:16), в котором Иисус отвергает название себя «благим», ибо «никто не благ, как только один Бог!»), поэтому возникает впечатление, что позиция Иисуса по этому вопросу противоречива и двойственна. (А некоторые исследователи, идущие еще дальше, считают, что синоптические евангелия и Иоанн были составлены в различных противоборствующих школах внутри первохристианской общины, одна из которых, более эллинизированная, обожествляла Иисуса и поэтому «приписала» ему подобные высказывания, а вторая, близкая к исходным 12 апостолам, отвергала такое обожествление). Однако, на самом деле, приведенные в Иоанне высказывания Иисуса (особенно если убрать из них добавленное евангелистом написание «Я» и «Мне» с большой буквы) вовсе не свидетельствуют о том, что Иисус «обожествлял себя». Как мы отметили выше, они вполне находятся в русле встречающихся в мистической литературе высказываний о переживаемой мистиком «особой близости к Богу», «слиянию души с Богом» и т. п., а выражение «Божественность говорит из его горла» вообще является в иудаизме классическим в отношении высших из мудрецов. Только попав в грекоязычную культурную среду, для которой «воплощение

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org богов» является естественным хо- дум в религиозном мышлении, эти высказывания могли быть истолкованы как якобы намек Иисуса на свою собственную божественность.

13

На самом деле, наибольшим отходом от принципов монотеизма является в христианстве не «троичность Божественности», а восприятие Сатаны – Дьявола как силы, независимой от Бога и противостоящей Ему. На психологическом уровне это может даже привести к дуалистическому мироощущению (несколько сглаженному монотеистической теологией того, что «лишь Бог позволяет Дьяволу так себя вести и, в конце концов, когда захочет – уничтожит его»). Впрочем, это большая тема, требующая отдельного обсуждения.

14

Идея «незримого Бога» важна, прежде всего, тем, что человек должен сосредоточиться не на вопросе «что есть Бог» (теософия), а на том, «что Бог указывает в качестве главного пути жизни» (этика).

15

Современники описывают Пилата как жестокого и кровавого деспота, ненавидевшего «туземцев», презиравшего их религиозные ценности и жизненный уклад. По свидетельству Филона Александрийского, Ирод Агриппа I в письме к императору Калигуле обвинял Пилата в продажности и грабеже, в разорении целых семейств, в казни множества людей без всякого суда, в бесчисленных жестокостях, которые превосходили все пределы. Действия Пилата вызывали волнения не только в Иудее, но и в Самарии. Иосиф Флавий рассказывает, что когда однажды последователи одного из самаритянских проповедников собрались в некотором селе, Пилат выслал воинские отряды, которые неожиданно напали на самаритян, часть из них перебили, а часть обратили в бегство. При этом они также захватили многих самаритян (мирных гражданских жителей!) в плен, и Пилат распорядился казнить самых влиятельных из них. После этого самаритянские старейшины явились с жалобой к Вителлию, имперскому легату Сирии, – который, рассмотрев дело, признал Пилата виновным, сместил его с должности и приказал ему ехать в Рим для ответа перед императором за свои злодеяния. Невозможно поэтому представить себе, чтобы такой человек, верша суд, каждые несколько минут выходил на балкон своей резиденции, чтобы посоветоваться со стоящей во дворе толпой туземных вождей о том, нельзя ли как-нибудь помиловать осужденного – как это рассказывает нам, например, Евангелие от Иоанна.

16

Согласно классической теологии христианства (эту идею формулируют и Августин, и, например, Иоанн Златоуст) евреи были изгнаны из Святой Земли за непризнание Иисуса, поэтому они не смогут вернуться, пока не обратятся в христианство. История, однако, опровергла эту теологию. Подробнее см. во второй части книги, гл. 10.

17

Помазание особым маслом (елеем) было частью церемонии, проводившейся в древности при возведении царей на престол. Поэтому слово «Машиах», на иврите также означает царь; эта концепция («царь – помазанник Божий») вошла и в европейскую культуру.

18

Кстати, интересно отметить, что неверное понимание библейского иврита послужило причиной того, что многие христианские теологи трактовали встречающееся у Иеремии имя Мессии «Господь – справедливость наша» (и подобные имена у других пророков, как, например, Исайя 9:5: «... и назовут имя его: “Могучий Бог, Отец вечности, Властитель мира, советующий чудесное”») – как якобы «доказательство» того, что пророки отождествляли Мессию с Богом, т. е. как намек на «воплощение». На самом деле это довольно распространенный вид ив-ритских имен, являющихся определенными высказываниями о Боге («теофорные имена»). По сути, даже имена Исайя и Даниэль тоже являются высказываниями о Боге (Исайя: букв. «Господь – спасение мое»; Даниэль: «Бог – Судья мой»). Более длинные подобные имена, из нескольких слов, тоже встречаются довольно часто. Например, Моисей называет построенный им жертвенник «Господь – чудесное знамя мое» (Исход 17:15), но никому еще не пришло в голову утверждать на этом основании, что Моисей отождествил жертвенник с Богом.

19

См., например, Евангелие от Матфея, где Иисус говорит: «Я пришел не для того, чтобы отменить Закон [Тору] или Пророков... Истинно говорю вам: пока существуют небо и земля, ни одна буква не исчезнет из Закона...» (5:17–18)

20

Приведем один интересный эпизод, который может пояснить эту проблему. Один из выдающихся раввинов начала XX века путешествовал по России и в поезде оказался свидетелем разговора между христианским миссионером и несколькими глубоко религиозными, но не очень образованными евреями. Евреи как раз высказали свою убежденность в правоте подхода еврейских мудрецов к вопросу о Мессии. «Если так, – спросил христианин, – то как вы можете объяснить то, что рабби Акива, один из величайших мудрецов Талмуда, вначале принял Бар – Кохбу (вождя еврейского восстания против римлян, 133 г. н. э.) за Мессию?» Евреи смутились и не знали, что ответить. Раввин, до тех пор не вмешивавшийся в разговор, повернулся к христианину и спросил: «А откуда Вы знаете, что Бар – Кохба не был Мессией?» – «Это очевидно, – ответил тот, – Бар – Кохба погиб, не принеся освобождения». «Так примените этот ответ к своим собственным доводам об Иисусе», – предложил раввин миссионеру.

21

Подчеркнем, что мы считаем, что каждая из религий – как иудаизм, так и христианство – имеет свой, отличный от других, опыт раскрытия исходных (и общих) Божественных истин, и они могут вполне плодотворно обмениваться этим опытом. Эти новые, возникшие в последнее время возможности взаимообогащения подробнее рассматриваются ниже, во второй части книги. В данном же параграфе мы только хотели бы подчеркнуть, что все центральные и принципиальные идеи христианской духовности являются в своей основе идеями иудаизма, воспринятыми и изложенными таким образным языком, который был бы близок и понятен народам мира.

22

Ниже (в главе 8) мы рассмотрим различия между еврейским и христианским подходами к проблеме первородного греха.

23

Еще раз отметим, что распространенное в христианском мире мнение, что «еврейские представления о Мессии были сугубо материальными, как о имеющем политическую власть в мире, а христианство изменило представление о Мессии

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org на духовно – возвышенное», и что, якобы, «евреи не приняли их именно из-за своего материализма» – совершенно неверно, т. к. и по христианским представлениям Мессия точно так же должен будет иметь «материально – политическую власть в мире», но это событие настанет лишь во время «Второго Пришествия», куда христиане перенесли, нисколько там их не изменив, все еврейские представления о приходе Машиаха – Мессии.

24

Перевод этот известен под названием Септуагинты, или «перевода семидесяти толковников». Сообщения о переводе содержатся в некоторых исторических памятниках древности, в частности, в Талмуде (трактат Мегила 9а и др.). Согласно Талмуду, «семьюдесятью мудрецами» была переведена только Тора (Пятикнижие Моисеево), но не книги Пророков и Писаний. Принятый ныне в греческой православной церкви текст Септуагинты, содержащий перевод всего Священного Писания, сделан в более позднее время и не является древней Септуагинтой.

25

Следует отметить, что диспуты с евреями и в новейшее время часто рассматривались христианами как миссионерская деятельность с целью обращения евреев в христианство, а вовсе не как совместный поиск истины. Либеральный протестантский богослов (кстати, дружелюбно относившийся к евреям), Карл Людвиг Шмидт, откровенно высказал это во время диспута с еврейским философом Мартином Бубером в 1933 году: «Евангельский богослов, которому приходится говорить с вами, должен говорить с вами как член церкви Иисуса Христа, должен стремиться говорить таким образом, чтобы передать еврею послание Церкви. Он должен это делать даже тогда, когда вы не стали бы приглашать его делать это. Утверждение христианской миссии в разговоре с вами может иметь у вас несколько горьковатый привкус и рассматриваться как нападение. Однако такое нападение как раз и влечет за собой заботу о вас, евреях, – дабы вы могли жить вместе с нами как братья на нашей германской родине и во всем мире...»

26

Типичным примером является Диспут Нахманида, один из наиболее известных и хорошо документированных диспутов, имевший место в XIII веке в Испании. Отрывки из книги Нахманида, в которой он пересказывает ход диспута, см. в гл. 9.

27

Напомним, что написание слов «Дева» и «Сын» с заглавной буквы было введено только в христианских переводах книги Исая на греческий и другие европейские языки. В оригинальном еврейском тексте Библии этих заглавных букв нет, поскольку в иврите вообще нет заглавных букв, и в контексте книги Исая они отнюдь не подразумеваются.

28

Т. е. точный русский перевод этого слова – «молодка», что совсем не свидетельствует о «девственности».

29

Девственница на иврите – «бетула» (см. Левит 21:3; Второзаконие 22:19; Иезекииль 44:22; Иоиль 1:8)¹ Если бы Исая имел в виду именно необычайный

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org факт рождения ребенка у девственницы, то он, несомненно, употребил бы именно это слово.

30

Из слов «я и дети, которых дал мне Господь» большинство комментаторов делает вывод, что мальчик по имени Иммануэль, долженствующий быть знаком Божественной воли, – есть не кто иной, как сын самого Исаяи, а его мать, жена пророка Исаяи, – та самая «алма», о которой говорится в пророчестве. Таким образом, «знак» заключался в том, что будет беременна и родит именно данная женщина, жена пророка Исаяи, и раньше, чем его сын вырастет, ничего не останется от нападающих на Иудею армий. (Вообще ситуация, при которой сам пророк и его семья являются «видимым знаком» и символом для окружающих, нередка в Писании – см., например, подобную ситуацию в книге пророка Осии).

31

В греческом переводе Исаяи слово «алма» переведено как «партенос», то есть «девственница». Как уже указывалось выше, в исходный еврейский перевод, осуществленный «семьюдесятью мудрецами», книга Исаяи не входила, и ее перевод на греческий был сделан позже, и не был достаточно точным. Редакторы Евангелий могли недостаточно знать иврит и выстроить свои теологические концепции на основе более понятного им греческого перевода.

32

И. А. Чистович, «История перевода Библии на русский язык». СПб, 1873.

33

Мишна – кодекс Устного Учения (Устной Торы), определяющий применение к жизни законов Письменной Торы. Устная Тора, передававшаяся по традиции с Синая, была оформлена в систематическое учение в основном в период Второго Храма (V в. до н. э. – I в. до н. э.) и частично записала (в виде Мишны и Мидрашей) в период I–II вв. н. э. Талмуд (200–500 гг. н. э.) содержит анализ и объяснение устной традиции, записанной в Мишне.

34

А именно, в семитских языках есть идиоматическая грамматическая структура, говорящая о предпочтении – «Люби А, предпочитая его по сравнению с В» – которая буквально звучит как «Люби А, ненавижь В» (глагол «не предпочитать/ненавидеть» имеет несколько вариантов перевода, и именно буквальный «ненавидь» был закреплен в Септуагинте и далее был применен к переводу слов Иисуса). Так что Иисус (который, очевидно, говорил на смеси иврита и арамейского, принятой в Иудее и в Галилее в то время) не имел в виду приписать иудаизму ненависть к врагам, но хотел «уравнять» ближних и врагов в степени любви, которую надо проявить по отношению к ним.

35

Более подробно вопрос о соотношении любви к ближним и любви к врагам и «непротивления злу насилием» рассматривается ниже, в главе 6.

36

К сожалению, тут не составляют исключения и евреи, вполне культурные по

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org европейским меркам, но совершенно несведущие в собственной культуре. Вот только один пример: знаменитое в свое время письмо известного русского историка, Н. Эйдельмана, еврея, русскому писателю – антисемиту В. Астафьеву. Эйдельман упрекал своего оппонента в том, что тот выступает

«не как благостный христианин, а как неистовый око за око! – иудей».

37

Ср. аналогичный текст в Евангелии от Матфея (5:В7), где это также изображено как совершенно новая, революционная идея.

38

Интересно отметить, что в подробных «параллельных местах», приводимых в христианской Библии, в Матфее 5:38 (ив других местах в Евангелиях) не дается ссылка на Плач Иеремии. При этом в Синодальном переводе это слово в Матфее переводится как «щека», а в тексте Плача Иеремии оно же передается как «ланита», что еще более ассоциативно отдаляет эти тексты.

39

Яркой литературной иллюстрацией к этим теологическим концепциям является Божественная Комедия Данте, в которой «праведники, не знавшие о Христе», помещены не в Рай, а в Ад – хотя и в его первый, наиболее «легкий» круг («лимб»). У отдельных христианских мыслителей встречается также и «универсалистская» установка, говорящая о том, что «мы не можем судить, кто спасется, а кто нет», и вообще «тайна сия великая есть», и «мы надеемся, что Бог в Своем милосердии спасет всех», и даже утверждения типа «делающий добрые дела уже делает их ради Христа, даже если он сам не знает об этом» (т. е. записывающие в «духовные христиане» всех достойных людей на Земле, даже если они сами ни о чем таком и не помышляют). Но все же классическим (и основным) принципом христианства является «без веры во Христа нет спасения».

41

Идея о том, что именно вере принадлежит центральная роль в Божественном спасении души, принята всеми ветвями христианства. Например, основатель протестантской церкви Мартин Лютер утверждал, что одной деры, достаточно для спасения: ни добрые дела, ни даже религиозные таинства (занимающие одно из центральных мест в католицизме и православии) не обязательны, чтобы быть хорошим христианином. В брошюре «О христианской свободе», изданной в 1520 г. Лютер пишет: «Превыше всего запомните то, что я сказал: только вера одна, а не добрые дела, – оправдывает, освобождает и спасает».

а., >>

42

В рамках конкурентной «внутривидовой борьбы» за распространение еврейского монотеизма среди полупрозе- литов (см. вводную главу, § 25) эта карикатура говорила читателю: «Не ищи ничего среди тех, кто хочет предложить тебе соблюдение заповедей Торы. Заповеди, особенно частичные, не помогут спастись. Иди к нам, и получишь спасение через веру».

43

В древности у евреев существовал еще один, последний, пятый шаг в процессе

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org раскаяния: жертвоприношение. Но он возможен только тогда, когда существует Храм; в наше время жертвоприношения невозможны. Согласно еврейскому закону, человек, который физически не в состоянии выполнить ту или иную заповедь, освобождается от нее: Бог не требует ее выполнения. Еще в эпоху Храма пророки предсказывали, что настанут времена, когда Храм будет разрушен, и тогда жертвоприношения будут заменены молитвами. В Библии это выражено в словах пророка Хошеа (Осии): «Возьмите с собою молитвенные слова и обратитесь к Господу; говорите Ему: Отними всякое беззаконие и прими во благо, и мы принесем жертву уст наших вместо тельцов» (стих 14:3). Таким образом, вместо традиционного тельца жертвоприношением будет считаться искренняя молитва Богу. Об этом же говорится и в книге Притч Соломоновых (21:3): «Соблюдение правды и правосудия более угодно Богу, нежели жертва». Пророк Иона упоминает о том, что Господь простил жителей Ниневии, когда те раскаялись в грехах своих, хотя они и не принесли никакого жертвоприношения Богу. (См. и другие случаи, когда возвращение и раскаяние было принято без жертвоприношений: Левит 26:40, Второзаконие 4:29, Иеремия 10:24, Иезекиил 22:16.) Христиане утверждают, что Бог не может простить людей без жертвоприношения (или даже «не может простить без того, чтобы была пролита кровь»), но Храма сегодня нет, и вот – смерть Иисуса стала этим необходимым жертвоприношением за всех людей на все времена. Однако такое утверждение свидетельствует только о глубочайшем непонимании этими авторами самого смысла жертвоприношений в иудаизме (где в частности, провозглашается, что человеческие жертвы вообще недопустимы и отвратительны Богу) и не имеет ничего общего ни с духом, ни с буквой еврейской Библии.

44

Все это, разумеется, не означает, что христианская вера мало приводила людей к праведной деятельности. Христианство создало величественную западную цивилизацию, и «горение веры» играло в этом созидании весьма заметную роль – подчеркивая важность праведности, силу духа и преодоление смерти, оно подвигало людей (и продолжает подвигать многих) на великие деяния. Для многих народов мира «спасение через веру в Иисуса» было основой и точкой опоры для рывка из тьмы язычества к свету монотеизма. Идея примата веры над делами стала одной из сил, подтолкнувших развитие западной цивилизации, но она же и ограничила это развитие, приведя в дальнейшем христианскую цивилизацию к кризису – тема, обсуждение которой выходит за рамки нашего исследования.

45

Т. е. поведение тех, кто «соблюдает заповедь "не убий" на духовном уровне», а физически, реально, ее нарушает, – является чудовищным преступлением. А ведь такое было в истории человечества, более того – в массовых масштабах и неоднократно: достаточно вспомнить инквизицию, которая «любила Бога и ближнего», и на основании этого замучила и казнила многие тысячи людей, исключительно для их же «душевной пользы». На таком же психологическом механизме был основан массовый террор, осуществленный коммунистическими властями во многих странах мира.

46

Например, рае Авраам – Ицхак Кук, один из самых великих раввинов начала XX века и создатель философии религиозного сионизма, пишет об этом так: «Я люблю все мироздание. Я физически не могу не любить всех людей, все народы, не могу не желать в самой глубине своего сердца блага всему и исправления всего. При этом моя любовь к народу Израиля более сильна, более глубока, более горяча; и любовь ко всему мирозданию распространяется из нее».

47

См. об этом также выше, в конце гл.4. До Иеремии идею «подставления щеки» мы находим также и у пророка Исаяи (50:6).

48

Отметим, что некоторые христианские философы – например, В. Соловьев и Н. Бердяев – понимали «подставление второй щеки» именно в сформулированном выше еврейском смысле; но такое понимание не является на сегодня мейнстримом христианства.

49

Опять же; таки, надо оговориться, что такие христианские философы, как В. Соловьев и Н. Бердяев (и также многие протестантские мыслители), считали такое толкование слов Иисуса «вырванным из контекста» и стремились к единству материального и духовного миров. Но в классическом христианстве (и до сих пор – в мейнстриме христианского сознания) эти слова служат основанием для их разделения.

50

Эта концепция есть и в католицизме, и в православии. Католическую формулировку искупления вины за первородный грех через крещение мы находим, например, в Декретах Тридентского Собора (1545 г.): «Поскольку грехопадение вызвало потерю праведности, впадение в рабство к дьяволу и гнев Божий, и поскольку грех первородный передается по рождению, а не подражанием, – все, что имеет греховную природу, и всякий, являющийся виновным в первородном грехе, может быть искуплен крещением». Подобную концепцию демонстрирует и Православный Богословский Энциклопедический Словарь (СПб, 1992, стр. 1792): «По учению церкви, крещение изглаживает в человеке Первородный грех, унаследованный от прародителей, освобождает человека от вины перед Богом. Несмотря на это, следствия Первородного греха, а именно: склонность ко злу, болезни, смерть – не могут быть уничтожены таинством крещения. Учением о Первородном грехе обосновывается необходимость Искупления».

51

В еврейской традиции встречались, очень редко, отдельные мудрецы, которые так всю жизнь и не женились, – но и они сами, и окружающие рассматривали это как личную трагедию и недостаток, и никогда не как «повышенное достоинство».

52

Цитируется по изд.: Диспут Нахманида. Пер. Б. Хаске-левича. Иерусалим, 1976

53

Этот последний вопрос уже не обсуждался, так как диспут был прерван по приказу короля.

54

Скрытая реминисценция из книги Бытия (42:16). Нах-манид иронически предлагает своим оппонентам отправить кого-нибудь в ад, чтобы проверить, действительно ли Иисус искупил грехи всех смертных.

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org

55

Реминисценция из книги Иова (34:10): «Не может быть у Бога неправды или у Вседержителя неправосудия».

56

Иными словами, когда в эпоху Мессии будет воскрешение из мертвых и люди вновь станут бессмертными – только тогда можно сказать, что грех Адама искуплен. Таким образом, это искупление – согласно тому, что сказано в Торе о грехе Адама, – никак не могло быть совершено Иисусом.

57

Одесную – со стороны десницы, по правую руку.

58

Большинство комментаторов полагают, что речь здесь идет о народе Израиля в целом. Согласно Агаде, речь идет о Мессии. Связь между этими двумя комментариями проявляется на основании принципа, изложенного у Раши в его комментарии к Торе (Числа 21:21), где он обсуждает, что «при Исходе из Египта Моисей – это Израиль, а Израиль – это Моисей. Писание говорит тебе, что вождь поколения символизирует все поколение...» Аналогично этому, в мессианскую эпоху Мессия олицетворяет собой весь еврейский народ, и поэтому здесь возможны оба понимания.

59

Протестантизм изначально совсем не был проеврейским. Например, Лютер – после того, как евреи отказались креститься в созданное им «новое христианство» – развил бурную антиеврейскую деятельность, призывал изгонять евреев отовсюду и т. д. Однако, поскольку в протестантизме сразу возникло много направлений, некоторые из них стали занимать более позитивную позицию по отношению к евреям. Ранние протестантские «сионистские» и проеврейские группы появились еще в XVII веке, но только в конце XIX – начале XX века такой подход начал распространяться достаточно широко.

60

Катастрофа европейского еврейства во время Второй Мировой войны стала шоком для европейских народов и вызвала кризис их сознания не только по причине невероятной масштабности, но из-за садистской систематичности, «немецкой пунктуальности» в ее осуществлении – и, особенно, из-за того, что это страшное преступление было осуществлено одним из самых культурных и христианских европейских народов, провозглашавшим ранее духовную свободу, «евангельские ценности» и утонченную христианскую философию и теологию.

61

Конечно, следует осознавать, что все эти антисемитские положения христианства уже привели, в течение веков, к непоправимым последствиям, гонениям, погромам и т. д., и все это так просто не исправишь – но, тем не менее, то, что эти положения стали пересматриваться, все же чрезвычайно важно.

Две тысячи лет вместе. Еврейское отношение к христианству filosoff.org

62

Отметим, что будучи избранным на свой пост, он взял себе имя Иоанн – Павел именно по именам тех двух Пап, которые вели Второй Ватиканский собор, Иоанна XXII и Павла VI, провозглашая этим верность направлению Собора.

63

Текст, приведенный ниже, является одной из глав (в сокращении) из книги «Рае А. – И. Кук: Личность и Учение. Каббала и новый этап в развитии иудаизма», изд. Маха-наим, 2006 г.,

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!